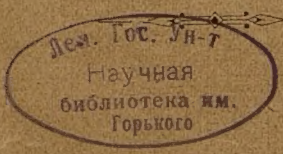

ДОСТОЕВСКІЙ КАКЪ ПСИХОПАТОЛОГЪ.

ОЧЕРКЪ.

Владиміра Чижъ.

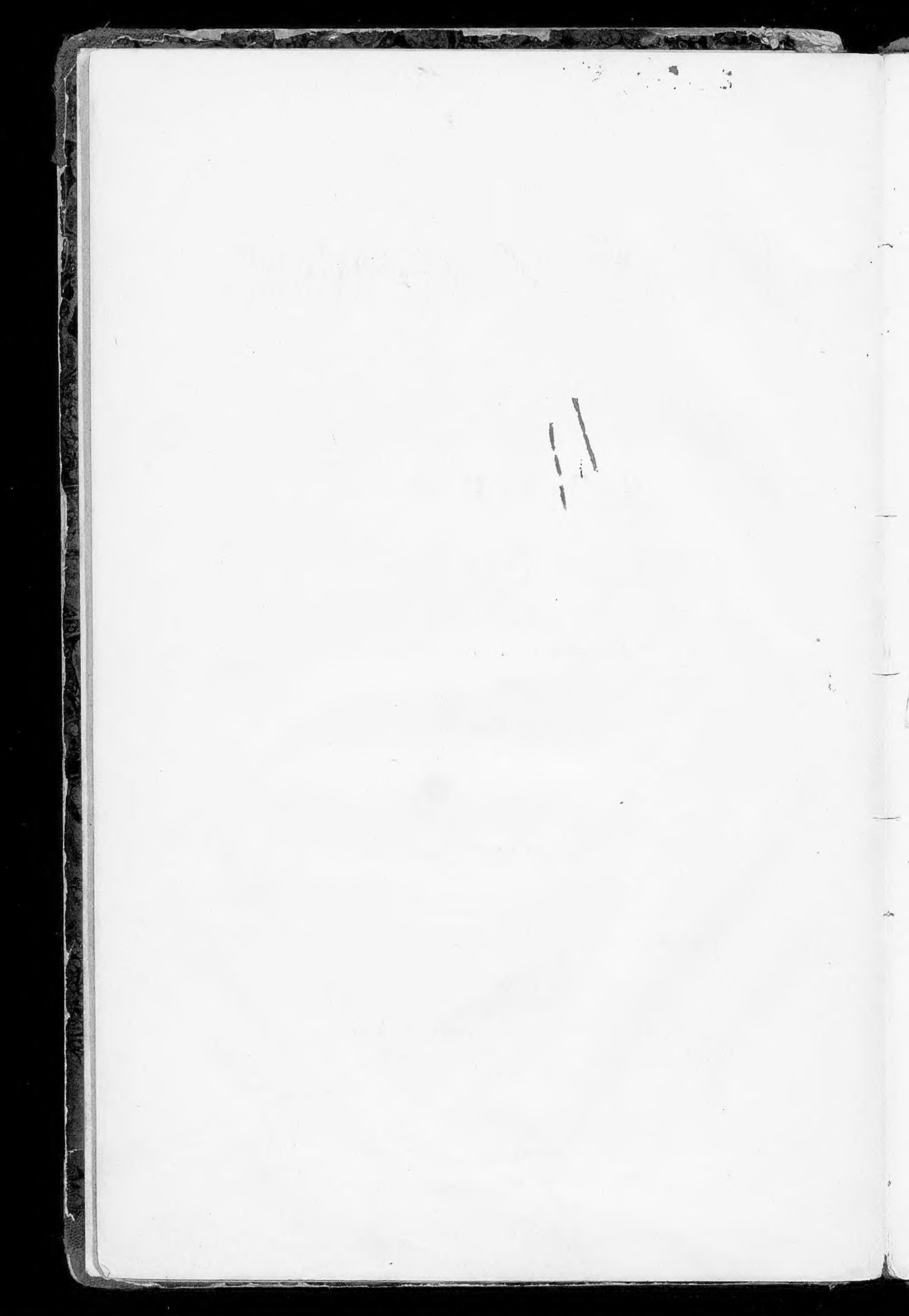
Доктора Медицины.

МОСКВА.

1885.

ДОСТОЕВСКІЙ КАКЪ ПСИХОПАТОЛОГЪ.

ДОСТОЕВСКІЙ КАКЪ ПСИХОПАТОЛОГЪ.

ОЧЕРКЪ.

Владиміра Чижъ.

Доктора Медицины.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1885.

Дозволено цензурою Москва 1885 г. февраля 21 дня.

ДОСТОЕВСКІЙ КАКЪ ПСИХОПАТОЛОГЪ.

ОЧЕРКЪ.

I.

Ѳ. М. Достоевскій и критикой, и публикой единогласно считается великимъ мастеромъ въ изображеніи болѣзненныхъ душевныхъ явленій.

Однако до сихъ поръ не сдѣлано ни одной попытки разъяснить эту сторону его художественной дѣятельности и доказать справедливость общественнаго мнѣнія о художникѣ. Зависитъ такой крупный пробѣлъ, какъ мнѣ кажется, отъ того что въ Россіи очень мало врачей-психіатровъ, да и тѣ, удовлетворяя насущнымъ требованіямъ публики, исключительно заняты практическою дѣятельностью. Другое объясненіе едва ли возможно, такъ какъ въ странахъ съ богатою психіатрическою литературой врачи всегда съ большимъ вниманіемъ относились къ художественнымъ произведеніямъ, если въ нихъ встрѣчались изображенія болѣзненныхъ состояній души. Для примѣра можно указать на обширную литературу о Шекспирѣ какъ психопатологѣ. Едва ли нужно доказывать полезность такого рода изслѣдованій. Было бы странно допустить чтобы люди, посвятившіе себя изученію душевныхъ болѣзней не искали въ работахъ художниковъ мате-

ріала для себя и не дѣлились своими свѣдѣніями съ публикой; естественно что во многихъ отношеніяхъ точные методы изученія психіатровъ позволяютъ имъ болѣе научно изслѣдовать и объяснять матеріалъ даваемый художниками.

Я хочу сдѣлать попытку сгруппировать въ одно цѣлое все, что Достоевскій въ своихъ произведеніяхъ говоритъ о болѣзненныхъ состояніяхъ души и выяснить по мѣрѣ силъ насколько его описанія и сужденія согласны съ установленными данными современной психопатологіи. Для бо́льшаго удобства въ изложеніи я главнымъ образомъ буду смотрѣть на Достоевскаго не какъ на романиста, а какъ на непосредственнаго описателя дѣйствительности. Слѣдовательно его описанія болѣзненныхъ явленій для меня будутъ какъ бы протоколами имъ видѣннаго; мнѣ такимъ образомъ будетъ необходимо только указать какъ много патологическихъ состояній наблюдалъ Достоевскій, насколько вѣрно и полно онъ описалъ видѣнное и правильно ли объяснилъ. Только по мѣрѣ надобности буду я указывать на вліяніе тѣхъ условій въ которыхъ Достоевскій находился какъ романистъ, а также на группировку и освѣщеніе интересующаго меня матеріала.

Прежде всего обращаетъ вниманіе что Достоевскій описалъ большее количество душевно-больныхъ чѣмъ какой-либо другой художникъ въ мірѣ; ни у кого другаго такъ часто не фигурируютъ въ произведеніяхъ душевно-больные какъ абсолютно, такъ и относительно. Во всей русской художественной литературѣ конечно нельзя насчитать ихъ столько какъ у одного Достоевскаго. Вотъ этотъ длинный списокъ: Голядкинъ *(Двойникъ)*, Прохарчинъ *(Господинъ Прохарчинъ)*, Ордыновъ, Муринъ, Катерина *(Хозяйка)*, Аркадій Ѳедоровичъ *(Слабое сердце)*, Емелюшка *(Честный Воръ)*, Авторъ *(Бѣлыя ночи)*, Ефимовъ *(Неточка Незванова)*, Князь К. *(Дядюшкинъ Сонъ)*, Вельчаниновъ *(Вѣчный Мужъ)*, Князь Вадбольскій, Нелли *(Униженные и Оскорбленные)*, Раскольниковъ, его мать, Свидригайловъ, Мармеладовъ *(Преступленіе*

и Наказаніе), Мышкинъ, Иволгинъ, Лебедевъ *(Идіотъ)*, Лебядкинъ, его сестра, Лембке, Кирилловъ *(Бѣсы)*, Старикъ Сокольскій, молодой Сокольскій, Оля *(Подростокъ)*, Дмитрій, Иванъ, Алексѣй Карамазовы, Смердяковъ, отецъ Ѳерапонтъ, Лиза Хохлакова (*Братья Карамазовы*).

Я не привожу здѣсь перечня всѣхъ персонажей въ произведеніяхъ Достоевскаго, такъ какъ весьма трудно провести точную границу между главными и вводными; но всѣхъ лицъ сколько-нибудь очерченныхъ у Достоевскаго едва ли будетъ болѣе ста, такъ что болѣе четверти фигуръ—душевно-больныхъ; такого отношенія нельзя найти ни у кого кромѣ Достоевскаго. Очевидно что Достоевскій съ особенною настойчивостью стремился именно къ изображенію душевно-больныхъ, а не избѣгалъ этого какъ другіе романисты. Художникъ желающій изобразить жизнь возможно полнѣе не можетъ обойти и помѣшательства имѣющаго нѣкоторое мѣсто въ жизни: на тысячу душевно-здоровыхъ приходится три душевно-больныхъ; и понятно что въ той безконечной галлереѣ лицъ которыхъ выводитъ предъ нами Шекспиръ должны быть душевно-больные, иначе картина жизни была бы неполна. Въ русской литературѣ можно указать только на одно дѣйствительно правдивое описаніе душевно-больнаго, это въ романѣ *Война и Миръ* старый князь Болконскій; Толстой въ высшей степени вѣрно отмѣтилъ всѣ важные симптомы старческаго слабоумія—болѣзни которою страдалъ Болконскій подъ конецъ жизни. *Записки Сумашедшаго* доказываютъ что Гоголь не зналъ душевныхъ болѣзней или по крайней мѣрѣ имѣлъ лишь весьма неясное понятіе о томъ какъ люди сходятъ съ ума. Болѣе охотно художники изображаютъ отдѣльные симптомы душевныхъ болѣзней для достиженія извѣстныхъ спеціальныхъ цѣлей, напримѣръ, внезапное помѣшательство въ драмахъ усиливаетъ сценическій эффектъ и т. п. Что авторы чаще изображаютъ только отдѣльные болѣзненные симптомы, или вводятъ помѣшательство только анекдотически, это конечно легко объясняется какъ малымъ

ихъ знакомствомъ съ предметомъ, такъ и тѣмъ что гораздо труднѣе дать въ общемъ планѣ разказа опредѣленное мѣсто помѣшанному, дѣйствія котораго, а тѣмъ болѣе ихъ мотивы, не всегда понятны не только профанамъ, но и психіатрамъ, и только великимъ знатокамъ человѣческой души удается совладать съ такою задачей. И относительно русской литературы мнѣніе Крафта-Эбинга остается вѣрнымъ: «изображеніе помѣшанныхъ въ поэтическихъ произведеніяхъ большею частью невѣрно или по малой мѣрѣ односторонне». Даже описанія отдѣльныхъ припадковъ душевной болѣзни свидѣтельствуютъ или о полномъ незнаніи авторами предмета, или же представляютъ поверхностный очеркъ самыхъ внѣшнихъ, бьющихъ въ глаза, проявленій душевной болѣзни, почему нисколько не интересны для психіатра и даютъ публикѣ или ложныя, или крайне смутныя свѣдѣнія о помѣшательствѣ.

Между тѣмъ очевидно что есть область доступная и для художниковъ: это не рѣзко выраженныя формы помѣшательства, начальныя его фазы, словомъ, состоянія ускользающія обыкновенно отъ психіатровъ, потому что такихъ больныхъ окружающіе часто считаютъ здоровыми; вотъ описанія такихъ субъектовъ, такъ-сказать, ихъ исторіи болѣзни были бы драгоцѣннымъ матеріаломъ для психіатріи. Но очевидно что наблюденіе и описаніе душевно-больныхъ очень трудно если даже романисты считающіеся хорошими наблюдателями или избѣгаютъ этой темы, или даютъ крайне поверхностное, а по большей части даже невѣрное описаніе. И только психіатры, благодаря тому что геніальные учителя ихъ: Pinel, Esquirol, Guislain, Griesinger и др. научили *какъ* наблюдать, *на что* обращать вниманіе, *чего* искать при изслѣдованіи, могутъ оріентироваться въ такомъ сложномъ явленіи какъ душевная болѣзнь.

Достоевскій какъ въ русской, такъ и во всемірной литературѣ представляетъ исключеніе не только по количеству сдѣланныхъ имъ наблюденій, но и по вѣрности и точности описанія, достойныхъ лучшаго естествоиспытателя (что я по-

стараюсь доказать), и наконецъ по глубинѣ пониманія предмета, возбуждающей изумленіе. Собраніе сочиненій Достоевскаго, это почти полная психопатологія; тамъ можно найти изложеніе всего существеннаго этой науки: многое, очень многое, если не все извѣстное въ психіатріи можно изучить въ произведеніяхъ Достоевскаго, такъ что въ этомъ отношеніи они имѣютъ важное дидактическое значеніе. Конечно, нужна небольшая предварительная подготовка чтобы понимать въ конкретныхъ образахъ выраженныя понятія.

Что касается системы изложенія, то я постараюсь слѣдовать пути наиболѣе принятому въ учебной психіатріи: отъ элементарныхъ явленій переходить къ болѣе сложнымъ. Начну съ этіологіи душевныхъ болѣзней.

II.

Въ публикѣ, даже между врачами-неспеціалистами, весьма прочно установилось убѣжденіе что заболѣваніе душевными болѣзнями обусловливается какою-нибудь одною причиной, преимущественно нравственнымъ потрясеніемъ: неудачная любовь, разореніе, смерть близкихъ людей и т. п. Этотъ взглядъ раздѣлялся безусловно всѣми художниками, даже у Шекспира леди Макбетъ сходитъ съ ума вслѣдствіе нравственнаго потрясенія—угрызенія совѣсти.

Одинъ Достоевскій избѣжалъ этой ошибки, и пониманіе имъ причины душевныхъ болѣзней совершенно тождественно съ современнымъ ученіемъ психопаталогіи. Какъ безспорный фактъ нужно считать то что въ каждомъ случаѣ помѣшательства дѣйствуетъ цѣлая совокупность причинъ, и сравнительно ничтожную между ними роль играютъ нравственныя причины; это повидимому хорошо было извѣстно Достоевскому, по крайней мѣрѣ онъ всегда указываетъ на этотъ фактъ если говоритъ о причинѣ помѣшательства своихъ героевъ. Но самая существенная, въ высокой степени пре-

обладающая надо всѣми остальными, причина есть наслѣдственность.

Ученіе о наслѣдственности какъ о причинѣ душевныхъ болѣзней составляетъ самое крупное пріобрѣтеніе психіатріи за послѣднія тридцать лѣтъ, такъ какъ оно имѣетъ важное значеніе не только для медицины, но и для антропологіи, соціологіи и исторіи. Способность психопатическихъ расположеній и вообще страданій нервной системы передаваться наслѣдственно хотя была извѣстна еще Гиппократу, но только въ недавнее время выяснено что, исключая бугорчатки, ни въ одной патологической области наслѣдственность не имѣетъ такого выдающагося значенія какъ въ душевныхъ болѣзняхъ. Наслѣдственность выражается тѣмъ что отъ психически больныхъ отца или матери родятся дѣти или уже отъ рожденія психически больныя (Елизавета Смердящая— идіотка, Смердяковъ — эпилептикъ), или совершается только наслѣдственная передача одного предрасположенія къ заболѣванію душевною болѣзнію (мать Ивана Карамазова была истерическая женщина).

Пьянство родителей должно быть также включено въ рядъ наслѣдственно предрасполагающихъ моментовъ; статистика убѣждаетъ насъ что въ общей суммѣ случаевъ помѣшательства пьянство родителей одна изъ самыхъ частыхъ причинъ. Докторъ Клеркъ, при изслѣдованіи причинъ эпилепсіи между арестантами Уэкфильдской тюрьмы, нашелъ что у 68% отцы были пьяницы. Этотъ фактъ отмѣченъ Достоевскимъ вполнѣ обстоятельно; просто удивительно, насколько выводы медицинской статистики и клиническаго опыта согласны съ тѣмъ какъ жизнь представлена Достоевскимъ. Отецъ Елизаветы Илья былъ пьяница. Дѣти Карамазова — расположенные къ душевнымъ болѣзнямъ люди (*Братья Карамазовы*). Отецъ Алеши и Нелли, князь Вадбольскій (*Униженные и оскорбленные*)—пьяница, и особенно важно что князь, вообще умѣвшій владѣть собой, напивался только на ночь, обстоятельство нерѣдко бывающее; часто врачъ, удивленный появленіемъ цѣ-

лаго ряда случаевъ заболѣванія въ семьѣ, мать и отецъ которой повидимому трезвые люди, только случайно узнаетъ что кто-либо изъ родителей (всего чаще отецъ) имѣетъ пагубную привычку напиваться пьянымъ на ночь. Такъ что не только глубокій алкоголизмъ, то-есть пьянство, разрушившее физическое и психическое здоровье родителей, но и опьянѣніе на ночь, даже и не доведшее организмъ до болѣзни, обусловливаетъ рожденіе психически больныхъ дѣтей. Достоевскій также зналъ что душевная болѣзнь и алкоголизмъ часто бываютъ достояніемъ одной семьи: Лебядкинъ пьяница, его сестра помѣшанная (*Бѣсы*). На сколько сильно вліяніе пьянства родителей на физическое и психическое здоровье дѣтей, можетъ служить примѣромъ исторія одной семьи, приводимая Lambroso въ его сочиненіи *Genio et Follia* (1882 года): въ потомствѣ одного пьяницы было 200 воровъ и разбойниковъ, 90 проститутокъ, 30 умерло въ дѣтскомъ возрастѣ и 260 было хилыхъ, слѣпыхъ, чахоточныхъ и т. п.

Наконецъ, порочный образъ жизни родителей также нерѣдко является предрасполагающимъ моментомъ къ наслѣдственному помѣшательству (Карамазовъ и его дѣти). Морель, которому мы обязаны самыми талантливыми изслѣдованіями о наслѣдственности въ этіологіи душевныхъ болѣзней, утверждаетъ что преступный образъ жизни самъ по себѣ располагаетъ къ заболѣванію психозами нисходящее поколѣніе. Оставляя въ сторонѣ какъ теоретическія, психологическія разсужденія о томъ что порочность составляетъ выраженіе нѣкоторыхъ особенностей психической организаціи, такъ и изслѣдованія нѣкоторыхъ ученыхъ (Lambroso и др.) старавшихся доказать что преступники обладаютъ особою sui generis, болѣзненною организаціей мозга, упомяну только о томъ что довольно обратить вниманіе на тѣ истощающія условія (безсонныя ночи, пьянство, половыя излишества и т. п.) и постоянные нравственные угнетающіе моменты (смѣна сильныхъ страстей, угрызенія совѣсти, страхъ и т. п.) чтобы понять что вся эта сумма условій вполнѣ достаточна

чтобы дѣйствовать, какъ важный, въ этіологическомъ отношеніи, моментъ. Кромѣ того, доказано предрасполагающее къ помѣшательству вліяніе патологическихъ характеровъ; такъ у нѣкоторыхъ сумасбродныхъ головъ, чудаковъ, нерѣдко дѣти страдаютъ нервными и душевными болѣзнями (у гжи Хохлаковой, женщины со страннымъ характеромъ, дочь страдаетъ истеріей. (*Братья Карамазовы*).

Но есть ли какой-нибудь законъ относительно передачи психопатической конституціи со стороны отца и со стороны матери, и извѣстенъ ли онъ былъ Достоевскому? Да; и психіатры и Достоевскій даютъ и на этотъ вопросъ одинаковый отвѣтъ. Конечно, наиболѣе сильно расположены къ заболѣванію тѣ несчастныя дѣти у которыхъ наслѣдственность была и со стороны отца и со стороны матери (Смердяковъ былъ болѣе своихъ братьевъ пораженъ недугомъ). При наслѣдственномъ расположеніи со стороны одного изъ родителей наблюдается чаще всего перекрестная наслѣдственность, то-есть у душевно-больнаго отца—дочь, у матери—сынъ страдаютъ психозомъ. Отецъ Елизаветы Илья пьяница, сынъ Елизаветы эпилептикъ (*Братья Карамазовы*). Мать Раскольникова окончила жизнь душевно-больной (*Преступленіе и Наказаніе*). Но если унаслѣдовано только расположеніе къ заболѣванію, то появленіе болѣзни обыкновенно заставляетъ себя ждать до тѣхъ поръ пока другія неблагопріятныя условія, часто сравнительно ничтожныя, окончательно уже сламываютъ унаслѣдованную болѣзненную организацію.

Среди другихъ причинъ душевной болѣзни самыми существенными должны считаться вообще всѣ условія, какъ физическія, такъ и нравственныя, влекущія за собой истощеніе нервной системы. Таковы—пьянство, вопервыхъ, потому что алкоголь нервный ядъ, производящій матеріальныя измѣненія въ головномъ мозгу, вовторыхъ, потому что пьянство обыкновенно соединено съ неправильнымъ образомъ жизни. До-

стоевскій неоднократно описывалъ какъ гибельно вліяетъ оно на психическое здоровье.

Къ той же категоріи должно отнести половыя излишества. Условія статьи не позволяютъ здѣсь указать какое значеніе имѣютъ эти эксцессы, какъ причина душевныхъ болѣзней. Но какъ Достоевскій, такъ и психіатры должны бываютъ иногда указать на это излишество какъ на одинъ изъ этіологическихъ моментовъ. Легочная чахотка, какъ болѣзнь хроническая, влекущая за собой сильное истощеніе нервныхъ центровъ, также какъ и продолжительное голоданіе, нерѣдко бываютъ одною изъ причинъ психопатическаго состоянія. (Раскольниковъ, Катерина Ивановна Мармеладова въ *Преступленіи и Наказаніи*).

Душевныя волненія несомнѣнно могутъ служить толчкомъ къ проявленію душевной болѣзни. То сильное вліяніе которое оказываютъ аффекты на кровообращеніе и двигательные нервы (блѣдность, оцѣпенѣніе) до извѣстной степени указываетъ намъ какъ сильно могутъ отражаться глубокія душевныя волненія на различныхъ мозговыхъ отправленіяхъ. Но отсюда до помѣшательства еще далеко. Вѣдь несчастія приходится переносить всякому, съ горя же заболѣваютъ душевною болѣзнью, даже и по мнѣнію публики, лишь немногіе. Конечно, есть случаи когда вслѣдъ за сильнымъ испугомъ почти тотчасъ же развивается психическое разстройство, но это бываетъ крайне рѣдко. У субъектовъ заболѣвающихъ психозами послѣ нравственныхъ потрясеній обыкновенно бываетъ уже значительное предрасположеніе къ заболѣванію (невропатическая конституція, большею частью наслѣдственная). Достоевскій, описывая какъ Аркаша (*Слабое сердце*) заболѣлъ помѣшательствомъ послѣ нравственнаго потрясенія, указалъ на то что Аркаша обладалъ невропатическою организаціей; еслибы не было указано на это обстоятельство, то разказъ *Слабое сердце*, можетъ-быть и замѣчательный въ художественномъ отношеніи, служилъ бы доказательствомъ что авторъ неглубоко наблюдалъ жизнь и

оимѣлъ столь же поверхностныя свѣдѣнія о душевныхъ болѣзняхъ какъ и другіе художники. Но Достоевскій и въ этомъ небольшомъ разказѣ (слѣдовательно дающемъ право пропустить подробности) не забылъ упомянуть что Аркаша обладалъ невропатическою конституціей, слѣдовательно считалъ это обстоятельство важнымъ, что безспорно доказываетъ какъ вѣрно и глубоко онъ понималъ этіологію душевныхъ болѣзней.

Наблюденіе учитъ, что къ помѣшательству ведутъ только угнетающаго свойства душевныя волненія: горе, усиленныя занятія, недостиженіе извѣстныхъ нравственныхъ стремленій, удары наносимые честолюбію и т. п. (Аркаша, *Слабое сердце;* Голядкинъ, *Двойникъ;* Иванъ Карамазовъ, *Братья Карамазовы* и т. д.). Къ этой же категоріи причинъ должно отнести и тюремное заключеніе. Статистика учитъ что у лицъ содержащихся въ тюрьмѣ помѣшательство наблюдается весьма часто (2%—3%). Причина этого та что у многихъ преступниковъ есть наслѣдственное предрасположеніе къ помѣшательству, ихъ прежній образъ жизни, угрызеніе совѣсти, страхъ и т. д. Все это вполнѣ обстоятельно указано Достоевскимъ въ сравнительно бѣглой характеристикѣ молодаго Сокольскаго (*Подростокъ*), помѣшавшагося въ тюрьмѣ.

Благодаря своему генію, Достоевскій далеко опередилъ науку: въ *Мертвомъ Домѣ* онъ говорилъ, что одиночное заключеніе должно убійственно дѣйствовать на психическое здоровье арестантовъ; увлеченіе системой одиночнаго заключенія было еще недавно такъ сильно, что до послѣдняго времени никто не высказывался согласно съ Достоевскимъ. Но такъ какъ истина въ концѣ концовъ всегда обнаружится, то уже начали раздаваться пока одинокіе и слабые голоса. Гансенъ, директоръ образцовой одиночной тюрьмы въ Даніи, на тюремномъ конгрессѣ въ Стокгольмѣ въ 1878 году доказалъ цифрами что процентъ заболѣваемости арестантовъ вообще увеличивается съ возрастаніемъ срока пребыванія въ одиночномъ заключеніи. Такъ между заключенными на два года въ этой тюрьмѣ заболѣло психическимъ разстройствомъ

5% на три года 14% на $3\frac{1}{2}$ года 17%. *La fille Elisa*, романъ Гонкура, пропагандируетъ ту же идею. У насъ въ Россіи еще нѣтъ опыта, по крайней мѣрѣ en grand, чтобъ имѣть цифры, но нельзя не согласиться съ авторитетнымъ мнѣніемъ профессора И. П. Мержеевскаго, указывавшаго въ своихъ лекціяхъ и бесѣдахъ что мы, Славяне, вслѣдствіе извѣстныхъ особенностей своего характера, еще меньше способны безъ вреда для здоровья выносить одиночное заключеніе. Насколько важна степень культуры для опредѣленія вліянія одиночнаго заключенія, понятно каждому образованному человѣку. Оцѣнивъ все это, остается только удивиться какъ вѣрно понялъ Достоевскій вредъ одиночнаго заключенія для русскаго преступника.

У женщинъ поводомъ ко психическому заболѣванію могутъ быть грубыя оскорбленія женской стыдливости. (Оля, *Подростокъ*).

Итакъ, причины душевныхъ болѣзней совершенно правильно поняты Достоевскимъ; мало того, онѣ указаны почти всѣ, по крайней мѣрѣ указаны всѣ типическія причины и едва ли можно что-либо прибавить, кромѣ подробностей черезчуръ спеціальнаго характера, къ перечисленному выше. Кромѣ того, Достоевскій въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ указывалъ на нѣсколько причинъ: напримѣръ, помѣшательство у Раскольникова было обусловлено наслѣдственнымъ расположеніемъ, психическимъ характеромъ, голоданіемъ, неудовлетвореніемъ нравственныхъ стремленій, истощеніемъ вслѣдствіе внутреннихъ волненій, испугомъ, и т. п.

III.

Галлюцинаціи особенно часто изображались поэтами; кто не восторгался описаніемъ галлюцинацій въ *Макбетѣ*, въ *Кларъ Миличъ*. Хотя у многихъ авторовъ описаніе обмановъ чувствъ и вѣрно, но одностороннe, то-есть обыкновенно

появленіе и содержаніе галлюцинацій у ихъ героевъ не вытекаетъ изо всей психической организаціи, а является только результатомъ какой-либо мысли или чувства, исключительно занимающаго галлюцинанта въ данное время: влюбленные видятъ предметъ своей любви, убійцы свою жертву, кровь на рукахъ и т. д. Въ жизни бываетъ не такъ; обманы чувствъ только въ общемъ соотвѣствуютъ наличному въ данное время чувствованію и мышленію субъекта, такъ какъ представляютъ или воплощеніе идей сознательной душевной жизни, или по крайней мѣрѣ объективированіе образомъ зарождающихся въ безсознательной сферѣ, подъ вліяніемъ преобладающаго душевнаго настроенія.

Обманы чувствъ, галлюцинаціи, ясное появленіе субъективно возникшаго образа и иллюзіи, извращеніе периферическаго ощущенія, весьма рѣдко бываютъ у психически здоровыхъ людей, и во всякомъ случаѣ являются въ тѣхъ состояніяхъ когда мозгъ ихъ находится въ ненормальныхъ условіяхъ: почти всегда можно найти нѣкоторые моменты повліявшіе на временное измѣненіе хода душевной жизни. Напримѣръ, у Гёте, этой идеальной гармонической натуры, видѣніе своего двойника было послѣ сильнаго душевнаго потрясенія (разлуки съ предметомъ любви) и утомленія путешествіемъ. Еще Плутархъ, устами Кассія, объяснялъ извѣстныя галлюцинаціи Брута его чрезмѣрнымъ физическимъ и психическимъ утомленіемъ.

Обманы чувствъ описаны Достоевскимъ у Голядкина (*Двойникъ*), Свидригайлова (*Преступленіе и Наказаніе*), Ивана Карамазова и отца Ѳерапонта (*Братья Карамазовы*) и Прохарчина (*Господинъ Прохарчинъ*).

Говоря вообще, необходимымъ условіемъ появленія обмановъ чувствъ будетъ измѣненіе возбудимости чувственнаго мозга; производящія причины суть слѣдующія: помѣшательство, гдѣ, вслѣдствіе заболѣванія мозга наблюдается усиленная его возбудимость (Иванъ Карамазовъ, Голядкинъ), невропатическая конституція (Свидригайловъ), лихорадочное со-

стояніе (Прохарчинъ), анемическія состоянія центральной нервной системы, усиливающія возбудимость этой послѣдней (отецъ Ѳерапонтъ). Причины появленія обмановъ чувствъ Достоевскій указалъ во всѣхъ случаяхъ вполнѣ вѣрно и достаточно. Причиной галлюцинацій и иллюзій у отца Ѳерапонта (ему казалось что деревья протягиваютъ ему руки) былъ постоянный, много лѣтъ продолжавшійся голодъ, уединеніе, сосредоточеніе крайне ограниченнаго ума на небольшомъ кругѣ представленій. Какъ точно Достоевскій подмѣтилъ условія появленія галлюцинацій, видно изъ описанія ихъ у Свидригайлова. Этотъ человѣкъ съ психопатическою организаціей изрѣдка имѣлъ галлюцинаціи, но всегда при условіяхъ нарушавшихъ его обычный образъ жизни, при обстоятельствахъ вызывавшихъ измѣненіе дѣятельности нервныхъ центровъ: то утомленіе (хлопоты при похоронахъ жены), то безсонныя ночи (въ вагонѣ желѣзной дороги), то измѣненіе кровообращенія въ мозгу (тяжелый, трудно перевариваемый желудкомъ обѣдъ), вотъ повидимому ничтожныя причины обусловившія появленіе галлюцинацій; но Достоевскій хорошо зналъ что утомленіе нервныхъ центровъ обыкновенно и бываетъ послѣднимъ толчкомъ къ появленію галлюцинацій. На почвѣ уже развившагося душевнаго разстройства, для появленія въ данный моментъ галлюцинацій также должны быть причины. Вообще онѣ такъ мало намъ извѣстны что мы даже не всегда въ конкретномъ случаѣ можемъ предсказать появленіе обмановъ чувствъ; только иногда врачъ можетъ опредѣлить причины ихъ возникновенія. У Достоевскаго и въ данномъ случаѣ вполнѣ разумное и вѣрное объясненіе. У Голядкина галлюцинація появилась послѣ полученнаго оскорбленія и сильнаго физическаго утомленія, когда онъ сильно продрогъ и промокъ. Также галлюцинаціи у Ивана Карамазова появились послѣ глубокаго душевнаго волненія и значительнаго физическаго утомленія. Извѣстный психіатръ Шюлле говоритъ что въ начальномъ періодѣ помѣшательства причиной галлюцинацій бываютъ угнетающіе

аффекты, слѣдовательно то же самое что̀ и Достоевскій. Такое согласіе между психіатромъ и художникомъ встрѣчается не часто. Уже изъ моего изложенія видно какъ согласны наблюденія Достоевскаго съ положеніями психопатологовъ, такъ какъ я просто эти положенія иллюстрирую, такъ сказать, примѣрами взятыми изъ Достоевскаго; характеристика и жизнеописанія дѣйствующихъ лицъ — просто исторіи болѣзней, обобщая которыя, поневолѣ приходится выводить тѣ же общія заключенія которыми наполнены учебники психіатріи. Психологическое значеніе обмановъ чувствъ то же что и дѣйствительнаго чувственнаго воспріятія. Галлюцинирующему не только «такъ кажется», но онъ въ самомъ дѣлѣ видитъ, слышитъ, осязаетъ съ такою же ясностію какъ будто бы все это было дѣйствительнымъ объектомъ чувственнаго впечатлѣнія. Естественно что большую важность имѣетъ та дальнѣйшая переработка которой подвергается разъ возникшее субъективное чувственное воспріятіе, распознается ли оно какъ галлюцинація или нѣтъ; въ послѣднемъ случаѣ оно ведетъ къ нарушенію правильности сознанія. Результатъ этотъ зависитъ отъ общаго состоянія сознанія и неприкосновенности сферы остальныхъ чувствъ; полное самообладаніе и вниманіе, правильная дѣятельность остальныхъ органовъ чувствъ и ихъ здравое свидѣтельство ведутъ почти неизбѣжно къ надлежащей поправкѣ обмановъ чувствъ. Такъ Свидригайловъ вполнѣ характеризовалъ свои галлюцинаціи; онѣ не входили въ общую сумму его сознанія; у него являлось только сомнѣніе о существованіи общенія съ загробнымъ міромъ. Когда же самосознаніе утрачено (Прохарчинъ), волненія лишаютъ человѣка самообладанія, мѣшаютъ спокойному размышленію (Голядкинъ, Иванъ Карамазовъ), наконецъ когда галлюцинаціи постоянны, стойки, однобразны (отецъ Ѳерапонтъ), тогда необходимо является смѣшеніе галлюцинацій съ объективнымъ чувственнымъ воспріятіемъ, тѣмъ болѣе если галлюцинаціи существуютъ одновременно въ нѣсколькихъ органахъ чувствъ (у Ивана Кара-

мазова сразу была галлюцинація и зрѣнія и слуха), невольно чувственное воспріятіе одного органа служитъ поддержкою воспріятія другаго. Этимъ путемъ обманы чувствъ смѣшиваются съ дѣйствительными чувственными воспріятіями и служатъ настолько же какъ и эти послѣднія матеріаломъ духовной жизни галлюцинанта (отецъ Ѳерапонтъ), становятся источникомъ нелѣпыхъ идей, идей бреда, и соотвѣтствующихъ имъ поступковъ, настроеній; Иванъ Карамазовъ, когда для него галлюцинаціи стали дѣйствительнымъ чувственнымъ воспріятіемъ, на судѣ уже высказывалъ то что публика называетъ нелѣпыми идеями, и несмотря на свое воспитаніе и образованіе, кричалъ, дрался и т. д.

Крайне интересно то потрясающее вліяніе которое производитъ этотъ какъ бы сверхъестественный феноменъ даже на имѣющихъ понятіе о галлюцинаціяхъ (Свидригайловъ); тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе онѣ производятъ на людей невѣжественныхъ, робкихъ. Въ этомъ отношеніи вполнѣ вѣрное описаніе ощущеній Голядкина, когда тотъ увидалъ свой двойникъ, заслуживаетъ полнаго вниманія; едва ли во всей психіатрической литературѣ найдется лучшее описаніе, и если оно можетъ-быть въ художественности и уступаетъ подобнымъ картинамъ у Шекспира, Тургенева, то въ чисто медицинскомъ смыслѣ оно глубоко правдиво. Вотъ какъ Достоевскій рисуетъ эти впечатлѣнія: «А между тѣмъ какое-то новое ощущеніе оставалось во всемъ существѣ господина Голядкина; тоска не тоска, страхъ не страхъ... лихорадочный трепетъ пробѣжалъ по ногамъ его. Минута была невыносимо непріятная... Но не одно это чудо поражало господина Голядкина, а пораженъ Голядкинъ былъ такъ что остановился, вскрикнулъ, хотѣлъ было что-то сказать... Что же касается господина Голядкина, то у него задрожали всѣ жилки, колѣни его подогнулись, ослабли, и онъ со стономъ присѣлъ на тротуарную тумбочку».

Что касается галлюцинацій, то, какъ уже сказано, онѣ только вообще соотвѣтствуютъ наличному въ данное время

чувствованію и мышленію субъекта, то-есть что напримѣръ монахъ едва ли будетъ видѣть картины военной жизни, земледѣлецъ—морской жизни и т. п., больной съ мрачнымъ помѣшательствомъ видитъ мрачныя картины, утопающій въ экспансивныхъ аффектахъ маньякъ наслаждается видѣніями своихъ воздушныхъ за́мковъ и воображаемыхъ удовольствій, такъ что содержаніе обмана чувствъ соотвѣствуетъ только общей суммѣ представленій даннаго лица и его настроенія. Это обстоятельство извѣстно Достоевскому лучше другихъ художниковъ.

Только на первый взглядъ такому заключенію противорѣчитъ описаніе галлюцинацій Прохарчина. У этого скупца, постоянно копившаго деньги и боявшагося потерять накопленное, были и соотвѣтственныя галлюцинаціи: полученіе денегъ, потеря ихъ, за нимъ бѣгутъ чтобъ отнять его деньги и т. д.; здѣсь повидимому описаніе таково же какъ и у другихъ художниковъ: влюбленные видятъ объектъ своей любви, убійцы кровь и т. д. Но стоитъ вникнуть глубже чтобы понять какая громадная разница между знатокомъ Достоевскимъ и дилеттантами. Прохарчинъ дѣйствительно видитъ картины соотвѣтствующія его преобладающей страсти; по чѣмъ это обусловливается? Галлюцинируетъ онъ въ лихорадочномъ состояніи (болѣзнь, сведшая его въ могилу, точнѣе не обозначена авторомъ): его галлюцинаціи, какъ вызванныя повышенною температурой (галлюцинацій тифозныхъ страдающихъ острымъ воспаленіемъ мозговыхъ оболочекъ и т. п.), неясны, сбивчивы, безсвязны, и, какъ весь психическій процессъ при такомъ состояніи, имѣютъ хаотическій характеръ; содержаніе ихъ, какъ это часто и бываетъ въ такихъ случаяхъ обусловливается послѣднимъ живо поразившимъ больныхъ обстоятельствомъ. Прохарчинъ только что получилъ жалованье, поэтому такъ естественно что и въ галлюцинаціяхъ повторялось это столь важное для него обстоятельство. На этомъ примѣрѣ видно съ какимъ глубокимъ знаніемъ бо-

лѣзненныхъ душевныхъ явленій Достоевскій эксплуатировалъ эти явленія для своихъ цѣлей романиста.

Естественно, что когда вся сфера представленій занята однимъ ограниченнымъ кругомъ идей, напримѣръ, у лицъ находящихся подъ вліяніемъ религіозной экзальтаціи, и обманы чуствъ будутъ соотвѣтствовать этой поглотившей ихъ сознаніе группѣ идей. Такъ отецъ Ѳерапонтъ видитъ чертей, святыхъ: да и странно было бы еслибы человѣкъ въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ ни о чемъ другомъ не думавшій, ничѣмъ не интересовавшійся, ничего не видѣвшій и не слышавшій кромѣ тѣхъ же предметовъ, имѣлъ галлюцинаціи другаго содержанія.

Болѣе сложные и менѣе понятныя явленія наблюдаются у лицъ съ болѣе высокою психическою организаціей, у лицъ богатыхъ идеями съ сильными разнообразными страстями. Для того чтобъ объяснить себѣ содержаніе галлюцинацій у даннаго больнаго, иной разъ приходится прослѣдить всю жизнь больнаго, узнать всѣ обстоятельства болѣе или менѣе на него повліявшія, познакомиться съ тѣмъ что̀ занимало вниманіе больнаго за многія годы раньше заболѣванія, и только тогда становятся хоть сколько-нибудь понятными тѣ причудливыя на первый взглядъ галлюцинаціи, которыми одержимъ больной. Понятно что такой психологическій анализъ не всегда возможенъ, и далеко не всякому и по силамъ; поэтому въ большинствѣ случаевъ врачу понятенъ только общій смыслъ галлюцинацій. Напримѣръ, мы знаемъ что страдающій бредомъ преслѣдованія видитъ преслѣдующихъ его враговъ, слышитъ ихъ угрожающіе голоса; но причины варіацій этой темы у каждаго отдѣльнаго больнаго мы не всегда можемъ себѣ выяснить: почему одного больнаго враги являются въ видѣ полицейскихъ агентовъ, другаго въ видѣ мнимыхъ любовниковъ его жены, третьему въ видѣ соперниковъ въ его профессіи и т. д. Словомъ, чѣмъ больной развитѣе, богаче духовно, тѣмъ неуловимѣе становится для врача связь галлюцинацій паціента. Но для токого великаго ма-

стера какъ Достоевскій, никакихъ трудностей не существуетъ. Стóитъ прочесть какъ рисуетъ авторъ галлюцинаціи Ивана Карамазова чтобы понять чтò значитъ великій талантъ. Цѣлая глава занята описаніемъ галлюцинацій, и ни одного слова выдуманнаго, фальшиваго, мало естественнаго; несмотря на всю живописность этой главы, она вполнѣ точный списокъ съ дѣйствительности, между тѣмъ какъ всѣ авторы писавшіе на эту тему, даже въ нѣсколькихъ строкахъ, всегда прибавляли что-нибудь фантастичное, исключительное, не болѣе какъ вѣроятное, Психіатръ можетъ читать эту главу какъ часть исторіи болѣзни составленной умѣлой рукой. Предшедшая характеристика Ивана Карамазова сдѣлаетъ ему понятнымъ все до мелочей содержаніе галлюцинацій. Галлюцинація Ивана Карамазова напоминаетъ извѣстную галлюцинацію Лютера (dialogus cum diabolo), съ которою Достоевскій былъ знакомъ. Галлюцинація въ видѣ лица высказывающаго собственныя мысли больнаго нерѣдко наблюдается преимущественно у людей развитыхъ. Такіе больные, такъ же какъ и Иванъ Карамазовъ, жалуются на то что у нихъ похищаютъ ихъ собственныя мысли.

Содержаніе галлюцинацій Ивана Карамазова можетъ служить типическимъ примѣромъ изъ чего слогается обыкновенно это содержаніе у больныхъ. Вопервыхъ, гость ему высказываетъ идеи ясно сознанныя Ивановъ, близо касающіяся предметовъ наиболѣе занимавшихъ его вниманіе за послѣднее время; вовторыхъ, идеи еще не ясно сознанныя, не переработанныя, еще не вступившія въ органическую связь съ наиболѣе существеннымъ *я* Ивана; втретьихъ, идеи отъ коихъ Иванъ старался отдѣлаться, желалъ ихъ подавить избѣгать, но которыя время отъ времени врывались въ его сознаніе и которыя онъ считалъ для себя чужыми, непріятными, идеи кои онъ самъ скрывалъ отъ себя: самообманъ всѣми употребляемый, но никому не удающійся; наконецъ, гость высказывалъ Ивану идеи которыя тотъ уже забылъ, но которыя, какъ видно изъ характеристики данной Ивану

Достоевскимъ, оставили глубокій слѣдъ на его психической жизни. Здѣсь повторилось обычное въ такихъ случаяхъ явленіе что изъ глубокихъ, давно позабытыхъ подваловъ безсознательной жизни, образы и картины преектировались наружу въ видѣ галлюцинацій. Въ томъ чтó говоритъ гость Ивану, нѣтъ ничего посторонняго, не соотвѣтствующаго его духовной сущности; но дѣло въ томъ что Достоевской оцѣнилъ все значеніе безсознательной сферы, вполнѣ вѣрно умѣлъ отдѣлить существенныя, наиболѣе глубоко подѣйствовавшія на *я* идеи и такимъ образомъ могъ создать такую широкую картину галлюцинаціи. Онъ не соблазнился, подобно другимъ авторамъ, надѣлить своего героя галлюцинаціями, содержаніе которыхъ состояло бы только изъ послѣднихъ, живо поразившихъ впечатлѣній. Достоевскій понималъ что въ галлюцинаціяхъ всегда бываетъ что-то не поддающееся извѣстнымъ намъ законамъ; этотъ элементъ капризности обмановъ чувствъ въ данномъ случаѣ выразился тѣмъ что галлюцинація зрѣнія была въ образѣ среднихъ лѣтъ приличнаго господина: почему именно галлюцинація зрѣнія была въ этой формѣ (дьявола въ человѣческомъ видѣ) объяснить нельзя; но конечно нельзя отъ художника требовать объясненія тамъ гдѣ не даетъ его сама природа. Необычайную живность и реальность этой главѣ придаютъ мелкія подробности; постепенность съ которою Иванъ убѣждался въ реальности этого обмана чувствъ, тотъ ужасъ который овладѣвалъ имъ при этомъ, то что во время галлюцинаціи были явленія прилива крови къ головѣ, то обстоятельство что прикладываніе холодныхъ компрессовъ, свѣжій воздухъ и приходъ брата облегчили его состояніе; всѣ эти подробности еще болѣе усиливаютъ впечатлѣніе производимое этой главой, по крайней мѣрѣ, для знакомаго со псхіатріей.

Достоевскій зналъ что галлюцинаціи иногда имѣютъ отрывочный характеръ, состоятъ изъ быстро исчезавшихъ образовъ, какъ это видно изъ описанія галлюцинацій Свидригайлова; и тутъ художникъ отмѣтилъ фактъ что нерѣдко об-

маны чувствъ ничего не имѣютъ общаго съ занимающими въ данное время вниманіе галлюцинанта предметами, содержаніе ихъ обусловливается давними, какъ напрасно думается, забытыми впечатлѣніями. Свидригайловъ говоритъ что онъ не думалъ ни о женѣ ни о лакеѣ, когда ихъ образы появлялись предъ нимъ.

Галлюцинація Голядкина въ видѣ двойника принадлежитъ къ крайне рѣдкимъ; извѣстно что Гёте во время путешествія верхомъ на Друзенгеймъ видѣлъ свой *сѣрый* двойникъ, психіатрія ничего не знаетъ о причинахъ и значеніи такого обмана чувствъ.

IV.

За сравнительно легкую задачу, изображеніе того какъ начинается душевная болѣзнь, художники брались такъ же часто какъ и за описаніе галлюцинацій, и, какъ извѣстно психіатрамъ, имъ обыкновенно это не удавалось. Сравнительно легкою задачей я назвалъ ее потому что всякій романистъ не разъ имѣлъ случай наблюдать на комъ-нибудь изъ своихъ знакомыхъ процесъ развитія психической болѣзни: слѣдовательно, нужно было только умѣнье схватить сущность и отдѣлить основные симптомы отъ случайныхъ.

Достоевскій уже въ началѣ своей художественной дѣятельности берется за эту тему въ двухъ повѣстяхъ: *Дневникъ* (1846) *Слабое сердце* (1848).

Коротенькій разсказъ *Слабое сердце*, это конечно только общій набросокъ, и потому въ немъ можно искать описанія лишь болѣе крупныхъ явленій и нельзя ожидать подробностей. Между тѣмъ, этотъ разсказъ, теперь уже позабытый, поражаетъ глубиной знанія сущности процеса развитія душевной болѣзни и жизненностью всей картины.

Аркаша, происходящій изъ податнаго сословія, человѣкъ слабаго тѣлосложенія, мало развитый, мученикъ непосильнаго труда, постоянно боящійся потерять такъ трудно доставшее-

ся ему положеніе, даже для поверхностныхъ наблюдателей (какова его невѣста) кажущійся нѣсколько страннымъ, очевидно представляетъ такую почву на которой даже слабая причина могла вызвать развитіе душевной болѣзни. Достоевскій только слегка указываетъ въ чемъ состояла особенность его психической организаціи, но въ сущности и этого довольно; онъ былъ что̀ называется впечатлительнымъ или, выражаясь болѣе научно, человѣкомъ у котораго легко вызывались патологическіе аффекты. Когда ему дали чинъ, то онъ потерялъ на нѣсколько дней всякое самообладаніе, не могъ заниматься, словомъ, былъ точно пьяный. Если къ этому прибавить слабость воли (его отношенія къ товарищу), дѣтскою наивность (поведеніе въ магазинѣ), слабое развитіе *я*, то становится понятнымъ что̀ это за человѣкъ.

И вотъ въ жизни такого человѣка, среди радостныхъ, постоянно возбуждающихъ чувствъ (любовь и сватовство) появляется бѣда; ему предстоитъ непосильная срочная работа, неудовольствіе, можетъ быть даже гнѣвъ такъ много значущаго для него начальника, чувство неудовольства собой, столь сильное въ человѣкѣ бывшемъ всегда добросовѣстнымъ и аккуратнымъ, и наконецъ необходимость проводить безсонныя ночи. Едва ли нужно говорить что всѣ эти непріятности въ сущности пустяки, но важно что въ глазахъ Аркаши онѣ имѣли громадное значеніе. Нельзя, впрочемъ, не отмѣтить что эти угнетающіе моменты дѣйствовали еще сильнѣе вслѣдствіе того что предшествовшее состояніе Аркаши, напротивъ, было восторженно; переходъ былъ черезчуръ рѣзокъ и силенъ контрастъ.

Печальное настроеніе, естественно вызванное всѣми этими непріятностями, мало-по-малу переходитъ уже въ патологическія чувства страха и тоски. Рѣзкой границы нѣтъ у Достоевскаго, такъ какъ ея нѣтъ и въ природѣ. Аркаша сходитъ съ ума на глазахъ читателя мало-по-малу; онъ, подъ вліяніемъ всецѣло поглотившаго его сознанія болѣзненнаго чувства уже перестаетъ бороться съ постигшею его бѣдой,

какъ это онъ дѣлалъ когда настроеніе его было подавленное въ физіологическихъ границахъ; является полное неблагоразуміе (ушелъ чтобы расписаться въ книгѣ поздравленій и потомъ прогуливался), пересталъ слушаться своего товарища; наконецъ патологически мрачное настроеніе дошло уже до такой силы что воспріятія перестали доходить до сознанія, вслѣдствіе того что все сознаніе сосредоточено на внутреннемъ прецессѣ, поглощено патологическою тоской. Это особенно рельефно изображено Достоевскимъ: Аркаша чтобы поскорѣе окончить рукопись «ускорить перо», пишетъ сухимъ перомъ, быстро переворачивая страницы. Тутъ уже появляются иллюзіи, больное сознаніе замѣняетъ или по крайней мѣрѣ смѣшиваетъ воспріятія дѣйствительности (сухое перо, чистыя страницы) съ образами создаваемыми самимъ сознаніемъ. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ поучительный примѣръ какъ образуются иллюзіи и каково состояніе сознанія при ихъ образованіи; благодаря тому что все вниманіе поглощено было преобладающими чувствами и вытекающими изъ нихъ соображеніями, Аркаша не видѣлъ что онъ переворачивалъ неисписанныя страницы.

Вопреки мнѣнію публики, въ психіатріи считается непреложнымъ правиломъ что значительное количество душевныхъ болѣзней начинается не безсмысленными рѣчами, нелѣпыми идеями или сумосбродными поступками, а болѣзненными измѣненіями характера, аномаліями ощущенія и настроенія и происходящими отсюда состояніями душевнаго волненія. Въ началѣ этого рода душевныхъ болѣзней наблюдаются безпричинныя чувства страха, недовольства, тоски, печали, такъ какъ новыя представленія и стремленія, возникающія подъ вліяніемъ разстройства мозга, въ началѣ бываютъ еще очень темны, и потому измѣненіе нормальнаго хода мышленія и воли и новый психическій элементъ входящій въ прежнее *я* выражаются только общимъ измѣненіемъ характера и настроенія. Болѣзнь Аркаши такъ и должна была развиваться, потому что она принадлежала именно къ этой группѣ. Англій-

скіе психіатры ставятъ въ большую заслугу Шекспиру что ему былъ извѣстенъ этотъ законъ (хотя при изученіи Шекспира въ этомъ и трудно убѣдиться; можетъ-быть ему только приписывается это знаніе), между тѣмъ какъ въ наукѣ онъ сталъ извѣстенъ около 40 лѣтъ тому назадъ, благодаря главнымъ образомъ работамъ Guislain. Я думаю что мы имѣемъ болѣе права въ этомъ отношеніи гордиться Достоевскимъ, такъ какъ онъ дѣйствительно зналъ этотъ законъ, а едва ли можно допустить что онъ его вычиталъ; собственная наблюдательность помогла ему уловить законъ природы, такъ долго незамѣченный и учеными художниками.

Психическая боль у Аркаши выступила на первый планъ сознанія и подавила все остальное; явилось полное безучастіе къ нормальнымъ впечатлѣніямъ, такъ какъ до сознанія могла доходить только психическая боль: на этой боли и сосредоточено все сознаніе больнаго. Такое состояніе можно сравнить съ состоаніемъ повышенной возбудимости органовъ чувствъ: напримѣръ, больной глазъ избѣгаетъ прежде бывшихъ ему пріятными свѣтовыхъ раздраженій и ищетъ темноты; такъ и Аркаша, мучимый психическою болью, избѣгаетъ всякихъ сношеній со внѣшнимъ міромъ; всякое новое впечатлѣніе становится ему мало-по-малу непріятнымъ и, безучастный ко всему остальному, онъ еще болѣе погружается въ самого себя. Вслѣдствіе этой сосредоточенности, ходъ представленій дѣлается медленнымъ и лѣнивымъ, все сознаніе Аркаши поглощено только однимъ несчастіемъ; до сознанія его все меньше и меньше достигаетъ что-либо изъ круга его прежнихъ интересовъ.

Такъ какъ при этомъ всякое впечатлѣніе дѣлается непріятнымъ, то у Аркаши, какъ и у всякаго такого больнаго, является общее расположеніе къ отрицанію и отвращенію, и вмѣсто прежняго доброжелательства и любви мрачныя побужденія недовѣрія и ненависти. Но прирожденный человѣческому духу законъ причинности заставляетъ искать причины такой душевной перемѣны, возникавшей благодаря болѣз-

ленному измѣненію мозга. Причинъ этихъ больные ищутъ во внѣшнемъ мірѣ, потому что оттуда человѣкъ привыкъ получать побужденія къ своимъ психическимъ состояніямъ; но такъ какъ въ данномъ случаѣ причинъ этихъ во внѣшнемъ мірѣ нѣтъ — неоконченіе работы ничего кромѣ выговора и связаннаго съ этимъ недовольства собой повлечь не могло— то являющіяся объясненія должны само собою быть ложны, сумасбродны, безумны. Въ этомъ подыскиваніи причинъ перемѣнъ душевнаго настроенія, въ этихъ попыткахъ объясненія обыкновенно и состоитъ главный источникъ безумныхъ представленій, идей бреда. Логическій процесъ у душевнобольнаго тотъ же какъ и у здоровыхъ. Аркаша *долженъ* былъ, какъ и всякій человѣкъ, объяснить себѣ причину перемѣны своего настроенія. Во внѣшнемъ мірѣ нѣтъ этой причины, есть только причина къ нѣкоторому недовольству собой и безпокойству; вслѣдствіе затемненія сознанія и разстройства въ теченіи представленій, подъ вліяніемъ психической боли, онъ не можетъ понять что тоска и страхъ, овладѣвшіе имъ, патологическое явленіе. Въ другихъ случаяхъ, вслѣдствіе причинъ говорить о которыхъ здѣсь не мѣсто, больныя понимаютъ что ихъ грусть, тоска и страхъ, есть результатъ болѣзни.

Вотъ этимъ путемъ и развивается ложное объясненіе Аркаши что за неоконченіе работы его отдадутъ въ солдаты. Безпокойство о томъ что работа не окончена все усиливалось и наконецъ доросло до настоящаго ужаса, и конечно не оставляло больнаго за все время заболѣванія. Не доставало второй части идей бреда, онѣ явились потомъ, когда психическая боль затемнила сознаніе настолько что критическое отношеніе къ чему-либо сдѣлалось невозможнымъ.

Аркаша, происходившій изъ податнаго сословія, долго (до полученія чина) боялся попасть въ солдаты; притомъ ему, какъ человѣку боязливому, могла не рѣдко приходить въ голову мысль что, согласно общему правилу того времени, за крупный служебный промахъ онъ все-таки еще можетъ

быть сдапъ въ солдаты. Ему естественно казалось что патологическій ужасъ обусловленъ неокончаніемъ работы (чтò онъ ошибался мы уже видѣли, а также можемъ объяснить и почему); стало-быть это неокончаніе работы есть большое преступленіе если могло вызвать въ немъ такой страхъ и такую грусть; а вѣдь за большое преступленіе отдаютъ въ солдаты, слѣдовательно его отдадутъ въ солдаты. Дойдя до этого заключенія, Аркаша уже сдѣлался сумашедшимъ. Логически разсужденіе построено правильно, но ложны посылки и вслѣдствіе сего невѣренъ выводъ.

Человѣкъ вообще рѣдко понимаетъ что настроенія въ немъ мѣняются вслѣдствіе внутреннихъ причинъ; этимъ объясняется невѣрность первой посылки, будто бы патологическое его настроеніе зависѣло отъ неокончанія работы. Вторая посылка—что его отдадутъ въ солдаты, за сдѣланное имъ крупное преступленіе—въ сущности вѣрна; по крайней мѣрѣ, въ этой идеѣ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Выводъ что онъ сданъ въ солдаты есть идея бреда. Присутствіе идей бреда профанами считается необходимою принадлежностью помѣшательства; но мы уже видѣли какъ Достоевскій вѣрно понялъ что идеи бреда суть явленія вторичныя, во всякомъ случаѣ не больше какъ одинъ изъ многихъ элементовъ помѣшательства.

Еслибы Достоевскій не упомянулъ что Аркаша происходилъ изъ податнаго сословія, то вся правдивость разказа была бы подорвана, потому что стало бы мало вѣроятнымъ возникновеніе именно этой идеи бреда.

Наконецъ Аркаша становится совершенно помѣшаннымъ; онъ уже чувствуетъ, думаетъ, поступаетъ какъ рекрутъ, а не какъ чиновникъ. Вмѣсто прежняго Аркаши явился новый, съ новыми чувствами, мыслями, поступками. Естественно что рекрутъ долженъ прощаться съ невѣстой и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезъ посредство друга поддержать ее въ такомъ несчастіи; онъ держитъ руки по швамъ, ходитъ какъ солдатъ, то-есть какъ, по понятіямъ Аркаши, ходятъ солдаты; ста-

рается убѣдить начальство что онъ не годенъ къ военной службѣ. Дѣйствительность его окружащая для него измѣнена; только имѣющее отношеніе къ его бреду доходитъ до его сознанія, и то въ извращенномъ видѣ: начальникъ кажется ему строгимъ; когда его везутъ въ больницу, то ему кажется что онъ ѣдетъ въ казармы и т. п. Тутъ появились и иллюзіи, и та неспособность воспринимать впечатлѣнія которая свойственна всякому убитому горемъ человѣку, сосредоточенному на угнетающей его идеѣ.

Тутъ разказъ естественно кончается, потому что не дѣло романиста описывать что̀ дѣлается въ больницѣ для душевно-больныхъ. Жизнь въ этихъ убѣжищахъ внѣ сферы наблюденій художника. Да и наконецъ есть границы между дѣятельностью врача и дѣятельностью художника; Достоевскій зналъ эти границы.

V.

Ту же тему развиваетъ Достоевскій и въ *Двойникѣ*. Кромѣ развитія помѣшательства, въ этой повѣсти затронуто много другихъ вопросовъ, почему и основная тема представляется затемненною; притомъ же достоинство этой повѣсти значительно уменьшается, по крайней мѣрѣ для психіатра, введеніемъ рѣдкаго случая—появленіемъ двойника. Но все же и въ этой повѣсти разбросано много вѣрныхъ и глубокихъ замѣчаній.

Голядкинъ нѣкоторое время, до того момента въ которомъ его застаетъ разказъ, находится въ мрачномъ, подавленномъ настроеніи духа. Настроеніе это было болѣзненное, судя по тому что врачъ совѣтовалъ ему избѣгать уединенія и вообще вести болѣе веселый образъ жизни. Такой совѣтъ обыкновенно въ этихъ случаяхъ даютъ врачи-неспеціалисты, также обыкновенно и то что совѣтъ остается неисполненнымъ. Благодаря незнанію сущности душевныхъ болѣзней, они надѣются болѣзненное меланхолическое состояніе ослабить тѣми же сред-

ствами какъ и грустное настроеніе зависящее отъ внѣшней причины: не зная что мрачное расположеніе духа у больнаго зависитъ отъ внутреннихъ причинъ, они совѣтуютъ меланхоликамъ развлеченія; естественно что такой совѣтъ остается неисполненнымъ, такъ какъ меланхоликъ избѣгаетъ не только развлеченій, но и вообще всякихъ впечатлѣній, такъ какъ всякій психическій процессъ для него непріятенъ и сопровождается психическою болью. Итакъ, эта маленькая подробность очень правдиво приведена Достоевскимъ.

Въ началѣ разказа Голядкинъ, напротивъ, оживленъ неестественнымъ для него образомъ, доволенъ собой и вообще всѣмъ. Это возбужденное, радостное настроеніе сопровождается и соотвѣтственными поступками. Аккуратный, экономный Голядкинъ нейдетъ на службу, беретъ карету, ливрею, и ѣдетъ съ неясно сознаваемыми цѣлями по городу. У врача онъ высказываетъ и мысли соотвѣтственныя настроенію. Какъ мрачное настроеніе ведетъ къ образованію мрачныхъ идей бреда въ видѣ попытки къ объясненію измѣненіе настроенія какимъ-нибудь несчастіемъ, такъ и повышенно веселое настроеніе тѣмъ же психологическимъ путемъ ведетъ къ созданію бредовыхъ идей величія, человѣкъ начинаетъ считать себя сильнымъ, красивымъ, богатымъ и т. д., такъ какъ только обладаніе этими качествами можетъ объяснить больному перемѣну его настроенія. У Голядкина еще нѣтъ настоящихъ идей бреда, но неправильныя объясненія уже существуютъ. Такъ какъ радостное самодовольное настроеніе свойственно человѣку что-либо выигравшему въ жизни, получившему что-нибудь для себя пріятное, то Голядкинъ, обыкновенно тихій, даже забитый человѣкъ, начинаетъ съ гордостью и подобающею аффектаціей говорить о своихъ достоинствахъ, о своемъ превосходствѣ надъ тѣми людьми которые прежде для Голядкина были недосягаемыми идеалами. Наконецъ у него эта переоцѣнка собственныхъ достоинствъ доходитъ до того что онъ угрожаетъ посрамить своихъ враговъ, доказать ихъ ничтожность и фальшивость, хотя оче-

видно что у Голядкина враговъ и быть не могло, по крайней мѣрѣ среди тѣхъ людей о которыхъ онъ говорилъ. Результатомъ этого повышеннаго самочувствія и вытекающей изъ него переоцѣнки собственнаго достоинства было то, что онъ нѣсколько дней тому назадъ наговорилъ дерзостей и выказалъ ревность къ жениху дѣвушки которая и по лѣтамъ, и по общественному положенію не могла быть ему парой. Но вслѣдствіе болѣзненно измѣненнаго настроенія онъ не могъ понять до какой степени ни съ чѣмъ не сообразно считать себя возможнымъ претендентомъ, и поведеніе его было такъ странно что ему отказали отъ дому, конечно, не понявъ, что онъ уже боленъ душевною болѣзнію. Какъ симптомъ этого болѣзненнаго состоянія должно понимать и посѣщеніе Голядкинымъ магазиновъ, гдѣ онъ приторговывалъ разныя вещи на большія суммы. Очень часто больные, именно въ томъ состояніи въ которомъ былъ Голядкинъ, дѣлаютъ безумныя растраты и нелѣпыя финансовыя операціи, вслѣдствіе чего иногда совсѣмъ разоряются; когда же болѣзнь доходитъ до той степени что и профанамъ становится, ясно, что они имѣютъ дѣло съ душевно-больнымъ, тогда обыкновенно причиной душевной болѣзни считаютъ разореніе, между тѣмъ какъ оно было просто результатомъ безразсудныхъ дѣйствій больнаго. Это явленіе самое заурядное, и особенно часто среди торговцевъ; родственники, приглашая врача, увѣряютъ его что причиной болѣзни было разореніе, но врачъ скоро бываетъ въ состояніи убѣдиться, что болѣзнь началась уже давно, и тѣ финансовыя операціи, которыя привели больнаго къ разоренію были совершены за время болѣзни. Если родственники люди интеллигентные, то иной разъ удается ихъ убѣдить въ этомъ, такъ какъ и для нихъ становится наконецъ понятнымъ что только душевною болѣзнію можно объяснить неразчетливость и легкомысліе приведшія къ разоренію. Не мало гибнетъ состояній и разоряется семей именно благодаря тому что никто не можетъ во время указать родственникамъ болѣзнь главы семейства;

и потому сразу несчастную семью постигаютъ двѣ бѣды: и нищета, и сумашествіе главы семейства.

Достоевскій показалъ необычайную наблюдательность отмѣтивъ расточительность появившуюся въ Голядкинѣ, и указавъ на то обстоятельство что Голядкинъ за это время такъ хорошо исполнилъ свою работу въ канцеляріи, что вызвалъ удивленіе начальника и выдвинулъ впередъ человѣка присвоившаго себѣ эту работу. Кажется страннымъ, даже маловѣроятнымъ что человѣкъ въ болѣзненномъ состояніи можетъ лучше работать нежели въ здоровомъ. Между тѣмъ это не рѣдко наблюдаемый и легко объяснимый фактъ, хотя отсюда отнюдь нельзя дѣлать выводъ что геній и помѣшательство одно и то же. То болѣзненное возбужденіе и усиленная дѣятельность ума которыя проявляются въ такихъ случайныхъ работахъ—кратковременны, и при внимательномъ анализѣ этихъ работъ становится ясно, что онѣ выдаются только внѣшнимъ блескомъ, страдаютъ неосновательностію. Во всякомъ случаѣ такія вспышки ума бываютъ послѣдними, предъ болѣе тяжелымъ разстройствомъ, и не дарятъ никогда міру глубокихъ и широкихъ истинъ; остроумные парадоксы, блестящіе, односторонніе выводы, вотъ самое большое что̀ можетъ дать мозгъ въ началѣ его болѣзни. Я знаю одинъ такой случай когда малосвѣдущій и ограниченный субъектъ получилъ премію конкурса только потому что во время конкурсной работы находился въ такомъ болѣзненномъ состояніи, и потомъ возбудилъ наивное недоумѣніе всѣхъ его знавшихъ, какъ такой малосвѣдущій человѣкъ могъ побить болѣе даровитыхъ и знающихъ. Послѣдовавшая затѣмъ душевная болѣзнь объяснила въ чемъ дѣло.

Итакъ, въ повѣсти *Двойникъ* Достоевскій указалъ тотъ фактъ что повышенному настроенію предшествовало подавленное, мрачное; эта послѣдовательность, какъ доказано работами многихъ психіатровъ за послѣднія сорокъ лѣтъ, весьма обыкновенна. Нѣкоторые психіатры даже считали такую послѣдовательность типической; во всякомъ случаѣ на-

блюденіе учитъ что весьма часто періоду возбужденнаго настроенія предшествуетъ угнетенное, мрачное состояніе сознанія.

Также вѣрно и то что повышенное настроеніе ведетъ за собой переоцѣнку собственныхъ достоинствъ—путь къ образованію идей величія. Возбужденное состояніе, кромѣ переоцѣнки собственныхъ достоинствъ, сопровождается ускореніемъ хода идей, облегченнымъ воспроизведеніемъ представленій и легкомысленными поступками. Усиленіе воли какъ сознательнаго влеченія, причемъ желаемое мыслится какъ безусловно достижимое, въ данномъ случаѣ зависитъ и отъ болѣзненно-повышеннаго самочувствія, которое постоянно возбуждается и поддерживается ощущеніемъ усиленной тѣлесной и умственной способности къ отправленію, и отъ недѣятельности всѣхъ задерживающихъ, направляющихъ, контролирующихъ представленій, которыя при спокойномъ расположеніи духа и средней скорости въ теченіи представленій всегда присутствуютъ въ сознаніи. Наконецъ, при болѣзненно-усиленномъ сочетаніи и облегченной смѣнѣ представленій, оказывается избытокъ побудительныхъ мотивовъ. Въ результатѣ является то что̀ называютъ легкомысленными поступками—въ данномъ случаѣ безцѣльная поѣздка въ каретѣ, посѣщеніе магазиновъ, гдѣ фиктивно закупаются очень дорогіе товары.

Изложеніе этого фазиса болѣзни и по вѣрности, и по полнотѣ не оставляетъ желать ничего лучшаго. Къ сожалѣнію, дальше въ повѣсти введенъ случайный элементъ, и поэтому на сцену выступаютъ явленія чрезчуръ рѣдкія и неинтересныя. Считаю только необходимымъ отмѣтить нѣкоторые наиболѣе характерные моменты въ дальнѣйшемъ развитіи болѣзни. О томъ какъ вѣрно передано душевное состояніе при появленіи галлюцинаціи, я уже говорилъ. Достойно вниманія что сослуживцы Голядкина воспользовались болѣзненнымъ состояніемъ его чтобъ его мистифицировать письмомъ будто бы написаннымъ дѣвушкой въ которую Голядкинъ былъ нѣ-

сколько влюбленъ. Какъ умѣлъ Достоевскій однимъ этимъ эпизодомъ вѣрно характеризовать отношеніе многихъ неразвитыхъ людей къ несчастнымъ больнымъ! Видя человѣка разстроеннаго, сбитаго съ толку, у котораго въ головѣ не все въ порядкѣ, какъ это понимаютъ и сами милые шалуны, его обыкновенно еще болѣе мистифицируютъ; и вмѣсто утѣшенія и помощи, на голову несчастнаго обрушиваются еще глупыя, злыя шутки. Даже образованные люди считаютъ не безчестнымъ подшутить надъ помѣшаннымъ; можетъ-быть они по наивности не допускаютъ что и помѣшанные могутъ страдать. Что, къ сожалѣнію, наше общество еще не понимаетъ какъ нужно заботиться объ этихъ несчастныхъ, лучше всего показываетъ то жалкое положеніе въ которомъ находится дѣло призрѣнія душевно-больныхъ. Какъ мало прогрессируетъ общество въ этомъ отношеніи, хорошо видно изъ поразившаго меня факта: въ одной больницѣ обычнымъ развлеченіемъ больныхъ офицеровъ были всевозможныя дурачества съ помѣшаннымъ; его одѣвали во всевозможные костюмы, заставляли ѣсть различныя специи и т. п. Бѣлинскій, по воспоминаніямъ Достоевскаго, былъ въ восторгѣ отъ того какъ просто обрисована забитость героя *Бѣдныхъ Людей*, который могъ умиляться тѣмъ только что нашелся порядочный человѣкъ обратившій вниманіе на его нищету; неужели менѣе просто и живо иллюстрируется отношеніе общества ко психически больному этою мистификаціей письмомъ? Другое дѣло если душевно-больной вламывается въ домъ, начинаетъ буянить; тогда является великодушіе, впрочемъ не простирающееся далѣе того чтобы пролить нѣсколько слезинокъ и «упрятать» буяна въ сумашедшій домъ, благо онъ не будетъ никому мѣшать и скоро умретъ (по крайней мѣрѣ, по мнѣнію публики).

Почему Голядкинъ повѣрилъ что полученное письмо дѣйствительно написано Кларой Олсуфьевной, несмотря на всю неправдоподобность этого, почему онъ таки ворвался въ домъ гдѣ ему запретили бывать, почему онъ не умѣющій танцо-

вать попробовалъ вальсировать, все это очень ясно; это поступки той же категоріи какъ и хожденіе по магазинамъ. Не менѣе правъ Достоевскій когда заставляетъ Голядкина, собравшагося похитить Клару Олсуфьевну, ѣхать къ начальнику и просить у того объясненія и помощи: у больныхъ въ такомъ состояніи планы быстро мѣняются; одинъ незрѣлый планъ, вслѣдствіе вышеобъясненнаго душевнаго состоянія, смѣняется еще менѣе здравымъ другимъ. Не могу обойти молчаніемъ и того что Голядкинъ отправился къ начальнику просить о разъясненіи собственнаго положенія. Замѣчательный фактъ, вѣроятно результатъ цѣлаго строя нашей жизни: почти всѣ больные съ идеями бреда непремѣнно идутъ къ начальствующимъ лицамъ просить или, смотря по характеру ихъ бреда, требовать объясненій. Всѣ начальствущія лица обыкновенно бываютъ затруднены просьбами и требованіями больныхъ. Я помню одного больнаго основавшаго, какъ ему казалось, новую систему философіи; онъ на послѣднія деньги пріѣхалъ въ Петербургъ чтобы подѣлиться своимъ открытіемъ съ министромъ. Положительно можно утверждать что многіе помѣшанные пріѣзжаютъ въ Петербургъ для того только чтобы здѣсь предъ высокопоставленными лицами изложить свою идею бреда. Нерѣдко причиной помѣщенія въ больницу бываетъ то, что больной является къ начальствующему лицу и проситъ его защиты отъ мнимыхъ враговъ или увѣряетъ его въ своей невинности на случай могущихъ возникнуть обвиненій. Не знаю на сколько въ другихъ странахъ часты подобныя явленія, но у насъ въ Россіи они весьма обыкновенны и, какъ я полагаю, чисто бытоваго характера.

Вотъ все что̀ я могу сказать о душевной болѣзни Голядкина. Во всякомъ случаѣ я не отрицаю что пропущенное мною можетъ-быть и имѣетъ глубокій интересъ; но мнѣ не удалось объяснить себѣ пропущеннаго мною, и потому я предпочелъ ограничиться только указаніемъ на нѣкоторые моменты. Нужно внимательно изучить Достоевскаго и про-

слѣдить всю громадную галлерею нарисованныхъ имъ лицъ чтобы понять до какой степени всеобъемлюще его творчество. Самъ Достоевскій находилъ что повѣсть *Двойникъ* не удалась ему (*Дневникъ Писателя* 1887 года). Дѣйствительно, картина развитія помѣшательства Голядкина не полна. Но разъ великаго художника поразило какое-нибудь явленіе, онъ постарается овладѣть его смысломъ, хотя бы первая попытка была неудачна; ни время, ни новыя впечатлѣнія не могутъ его остановить; нужно дополнить наблюденія, переработать свѣдѣнія, и дѣло будетъ кончено.

Развитіе буйнаго помѣшательства, или, говоря правильнѣе, суммы болѣзненныхъ симптомовъ называемыхъ буйствомъ, не законченное въ повѣсти *Двойникъ*, съ необычайною полнотой и живостью описано въ другомъ произведеніи, явившемся почти на четверть вѣка позже: въ *Бѣсахъ*. Но какъ и у всякаго крупнаго художника, тутъ нѣтъ повторенія; основная тема та же, но разработана другая варіація этой темы, такъ что въ одно и то же время мы имѣемъ и болѣе всестороннее изученіе, и разъясненіе раньше недосказаннаго.

Фонъ-Лембке второстепенная личность въ этомъ романѣ, но характеристика его, какъ въ здоровомъ, такъ и въ больномъ состояніи, останавливаетъ на себѣ вниманіе читателя.

Достоевскій не говоритъ о причинахъ помѣшательства Лембке; послѣднею дѣйствующею причиной были семейныя дрязги, безпокойство за служебное положеніе и усиленное напряженіе умственной дѣятельности. А что это напряженіе достигало высокой степени, ясно уже изъ того что нелегко, хотя бы и плохо, разыгрывать роль губернатора человѣку проводившему время въ клееніи игрушекъ; задача не легкая перейти отъ столь несложной работы къ управленію людьми.

Прежде всего появился періодъ угнетеннаго настроенія; жена его, женщина вообще интеллигентная, замѣтила въ немъ уныніе еще мѣсяца за два до того, какъ помѣшательство вполнѣ обнаружилось; посторонніе, какъ это обыкновенно и бываетъ, ничего ненормальнаго не замѣчали.

Еслибы нужно было доказывать что Достоевскій—глубокій наблюдатель въ сферѣ психопатологіи, то указанія на одну эту подробность было бы достаточно. Едва ли можно допустить чтобы только случайно въ двухъ произведеніяхъ, такъ рѣзко отличающихся другъ отъ друга, авторъ отмѣтилъ одно и то же обстоятельство; неужели и въ исторіи Голядкина, и въ исторіи Лембке указаніе на предшествовавшій періодъ мрачнаго настроенія ничего не значащая обмолвка со стороны автора? Между тѣмъ какъ психіатрамъ нужно было много времени и труда чтобы подмѣтить это явленіе, Достоевскому оно дѣлается извѣстнымъ благодаря только его личнымъ наблюденіямъ.

Угнетенное состояніе духа въ этотъ періодъ обыкновенно бываетъ выражено такъ слабо что только близкіе люди замѣчаютъ перемѣну въ характерѣ больнаго; и только когда помѣшательство разовьется вполнѣ, они отдаютъ себѣ уже ясный отчетъ въ замѣченномъ ими.

Ничѣмъ не мотивированное измѣненіе настроенія у Лембке сопровождалось сосредоточенностью, равнодушіемъ къ дѣйствительности его окружающей; появилась безсонница. Мало-по-малу стала замѣтна значительная перемѣна въ характерѣ. Сдержанный, спокойный, настойчивый, Лембке дѣлается уступчивымъ относительно вещей серіозныхъ и мелочно требовательнымъ относительно пустяковъ, крайне раздражительнымъ, болтливымъ, откровеннымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ появляется переоцѣнка собственныхъ достоинствъ, хвастливость, неспособность понять болѣе сложныя обстоятельства. Благовоспитанный, скромный и сдержанный, Лембке пускается въ откровенности съ Петромъ Верховенскимъ, говоритъ ему о своемъ фантастическомъ для простаго губернатора могуществѣ, поддается на грубую лесть и не понимаетъ, что его грубо обманываютъ. Пока конечно ничего абсолютно болѣзненнаго нѣтъ; помѣшательство вѣдь развивается постепенно, и рѣдко можно провести рѣзкую границу, гдѣ кончаются поступки здороваго и начинаются выходки больнаго.

Во всякомъ случаѣ поведеніе Лембке за этотъ періодъ, принимая во вниманіе его прежній характеръ, по меньшей степени странно. Еще страннѣе, какъ наивная и безцѣльная хвастливость Лембке предъ женой тѣмъ что онъ справится съ десятью губерніями, вышлетъ гувернантку изъ губерніи «съ казакомъ», такъ и то, что этотъ образецъ благовоспитанности и приличія бросается съ кулаками на обожаемую имъ жену.

На слѣдующій день его слова и поступки кажутся и многимъ болѣе чѣмъ странными. Появилась усиленная возбудимость чувствъ, благодаря чему всѣ впечатлѣнія получаемыя сознаніемъ оттѣняются и сопровождаются сильными душевными волненіями, вмѣстѣ съ чрезмѣрнымъ ускореніемъ процесса представленій. Воспоминаніе о вчерашней ссорѣ съ женой вызываетъ столь сильное душевное волненіе что онъ бросаетъ важныя дѣла (а онъ былъ человѣкъ аккуратный) и ѣдетъ за ней, не успѣлъ еще доѣхать — новыя представленія, новое настроеніе: хорошее утро, окружающія поля производятъ столь сильное впечатлѣніе на этого обыкновенно деревяннаго чиновника что онъ сходитъ съ коляски и рветъ цвѣты. Такіе ребяческіе, слабо мотивированные поступки весьма характерны для даннаго періода болѣзни. Вслѣдствіе повышенной возбудимости хорошее утро и поля такъ сильно повліяли на Лембке, что онъ, какъ ребенокъ отдается этому впечатлѣнію, забывъ о женѣ и о дѣлахъ. Легко себѣ представить какъ при такомъ состояніи должно было подѣйствовать извѣстіе сообщенное частнымъ приставомъ Флибустьеровымъ о томъ что рабочіе Шпигулинской фабрики собрались на площади съ цѣлью принести жалобу губернатору. Въ такомъ состояніи, вслѣдствіе высокой возбудимости чувства и быстрой смѣны представленій, при безграничномъ въ то же время ихъ сочетаніи, наступаетъ быстрая смѣна самыхъ разнообразныхъ аффектовъ. Вслѣдствіе этого извѣстія развился гнѣвный аффектъ; гнѣвное настроеніе духа производитъ въ свою очередь вторичныя воспроизведенія соотвѣт-

3*

ственныхъ представленій, какъ попытку объяснить себѣ причины столь сильнаго волненія, то-есть является тотъ же процессъ какъ и при развитіи идей бреда у меланхолика. У Лембке всплываютъ на поверхность сознанія старыя предположенія, прежде почти невѣроятныя для него самого, что на рабочихъ вліяли прокламаціи, Петръ Верховенскій и т. п.; но теперь для него это уже непреложный фактъ. Такія представленія опять, какъ это всякому понятно, сами дѣйствуютъ на гнѣвное настроеніе и поддерживаютъ его. Представленія эти, въ противоположность меланхоліи, гдѣ они имѣютъ стойкій характеръ, здѣсь носятъ характеръ вихря идей. Такъ какъ при чрезмѣрномъ ускореніи и возбужденіи всѣхъ психическихъ актовъ и при недѣятельности всѣхъ задерживающихъ представленій, *я* субъекта оказывается безсильнымъ противостоять этому процессу возбужденія, то душевныя волненія проявляются при помощи мимическаго и двигательнаго аппаратовъ. Даже такихъ наблюдателей какъ Флибустьеровъ и кучеръ поразило выраженіе лица Лембке въ то время когда тотъ срывалъ цвѣты. На площади онъ держалъ себя такъ неприлично по внѣшности что даже люди не видящіе ничего предосудительнаго въ публичной экзекуціи, и тѣ не одобрили его горячности.

Чрезмѣрное ускореніе хода представленій естественно ведетъ къ безсвязности ихъ, къ ассоціаціи идей низшаго порядка, то-есть ассоціаціи обусловленной созвучіемъ или сходствомъ самихъ словъ; такъ Лембке услышавъ фамилію частнаго пристава Флибустьерова, при его докладѣ о томъ что рабочіе пришли на площадь, вдругъ называетъ самихъ просителей «флибустьерами» (фаланстеры, фурьеристы, вотъ вѣроятно что мелькало въ разгоряченномъ сознаніи), летитъ на площадь, кричитъ безсмысленныя слова «на колѣни», «флибустьеры», и ни мало не колеблясь, не разобравъ и даже не сдѣлавъ попытки разобрать дѣло, распоряжается объ экзекуціи. При бездѣйствіи всѣхъ задерживающихъ моментовъ, представленій о законѣ и могущей угрожать отвѣтственно-

сти, чувствъ справедливости и приличія, старой привычки къ порядку, такое распоряженіе вытекаетъ само собой, какъ у грубаго человѣка, когда тотъ лѣзетъ драться, при сопротивленіи ему въ чемъ-нибудь. Лембкс не могъ разсуждать и не успѣлъ отдаться новымъ настроеніямъ, а въ его состояніи настроеніе и представленія быстро переходили въ дѣйствія.

То же самое мы видимъ въ его послѣдующей бесѣдѣ со Степаномъ Верховенскимъ. Лембке только отчасти узнаетъ его; до сознанія не сразу доходитъ и впечатлѣніе зрѣнія, и слуховыя воспріятія; онъ не слышитъ что собственно ему говорилъ Верховенскій, а кричитъ фразы попавшія ему на языкъ подъ напоромъ занимающихъ его представленій о пропагандѣ, о заблуждающемся юношествѣ и т. п. Когда же онъ окончательно узнаетъ Верховенскаго и видитъ Блюма, то картина мѣняется, пріобрѣтаютъ живость представленія о неудачно сдѣланномъ обыскѣ, о скандалѣ отсюда вытекающемъ, и вотъ только-что сѣкшій людей Лембке униженно проситъ прощенія, чуть не плачетъ. Жена его, пользуясь этою перемѣной, на время заставляетъ его подчиниться себѣ, но вновь поднятый разговоръ о лекціяхъ производитъ волненіе въ Лембке, и онъ дѣлаетъ скандалъ въ гостиной жены.

Достоевскій безъ малѣйшей натяжки создалъ поразительную картину человѣка власть имущаго, съ полевыми цвѣтками въ рукахъ распоряжающагося поркой невинныхъ людей на публичной площади, среди негодующей и одобряющей публики. Что еще болѣе оттѣняетъ реальность и выразительность этой картины, это зависимость всей кутерьмы отъ простой случайности: не будь фамилія частнаго пристава Флибустьеровъ, вѣроятно не было бы и такого трагическаго конца. Не знаю можно ли лучше сохраняя полную правдивость заставить читателя содрогнуться и задуматься. Если вспомнить многое изъ прошлаго и посмотрѣть на жизнь вокругъ, то много найдемъ такихъ же Лембке, дѣйствующихъ столь же разумно какъ и онъ. Впрочемъ, пояснять дальше выра-

зительность этой картины излишне; я хотѣлъ только указать какъ мастерски пользовался Достоевскій своимъ знаніемъ психопатологіи для созданія наиболѣе выразительныхъ картинъ.

Однако такіе больные еще могутъ успокаиваться; постороннимъ они кажутся даже здоровыми, но и въ эти сравнительно свѣтлые промежутки, при внимательномъ наблюденіи, видны болѣзненныя явленія: сильное мозговое возбужденіе перешло въ угнетеніе. Лембке сдѣлался вялъ, безучастенъ, не могъ уже заниматься дѣлами до вечера слѣдующаго дня, когда новыя сильно подѣйствовавшія впечатлѣнія (крики публики, человѣкъ танцующій кверху ногами) вызвали прежнее состояніе, но еще въ сильнѣйшей степени; онъ сталъ говорить безсмыслицу, то-есть слова первыми попавшія на языкъ: «пожаръ въ головахъ», «обыскать всѣхъ» и т. п. Какъ и всякій буйный больной, онъ проявляетъ усиленную дѣятельность и подвижность, ѣдетъ на пожаръ, тамъ суетится безо всякаго толку, кричитъ, бѣгаетъ и наконецъ бросается помогать старухѣ тащить изъ загорѣвшагося дома перину. Одни и тѣ же законы руководили имъ все время: та же болѣзненная возбудимость чувства, повышенные аффекты, ускоренное теченіе представленій при отсутствіи контролирующихъ моментовъ.

Мнѣ кажется что этимъ примѣромъ Достоевскій показалъ какимъ путемъ человѣкъ можетъ дойти до нарушенія всѣхъ законовъ; конечно, у Лембке все это выразилось очень рѣзко, но суть дѣла остается та же. Кто знаетъ, не будутъ ли наши потомки смотрѣть на нашихъ Лембке какъ мы смотримъ на Нерона, и такое проявленіе душевной болѣзни какъ у Лембке будетъ имѣть быстрое и соотвѣтственное послѣдствіе — заключеніе въ больницу. Еслибы Лембке приказалъ шпигулинскихъ рабочихъ повѣсить, то конечно полицеймейстеръ не усомнился бы что его начальникъ сошелъ съ ума, между тѣмъ какъ подобныя приказанія въ извѣстныя эпохи ни въ комъ не возбуждали сомнѣнія относительно состоянія умственныхъ способностей Лембокъ того времени.

VI.

Разказъ *Дядюшкинъ сонъ*—одно изъ рѣдкихъ художественныхъ произведеній гдѣ главное дѣйствующее лицо душевнобольной, и ходъ дѣйствія состоитъ изъ отношеній второстепенныхъ персонажей разказа къ этому больному, пользующихся для своихъ корыстныхъ цѣлей его болѣзнью. Разбирать удачно ли очерчены хищническіе инстинкты среды выбранной авторомъ—не мое дѣло. Для моей цѣли необходимо отмѣтить что въ литературѣ была сдѣлана попытка изобразить помѣшаннаго среди сложныхъ житейскихъ отношеній и выяснить вѣрно ли описалъ Достоевскій болѣзнь и вѣрно ли онъ изобразилъ вообще отношенія здоровыхъ къ помѣшанному, смотря по ихъ положенію.

Какъ въ томъ такъ и въ другомъ отношеніи, весь разказъ есть самый точный и вѣрный протоколъ дѣйствительности, и едва ли много, во всей міровой литературѣ, найдется такихъ точныхъ фотографій природы. Высокопоставленные родственники героя, замѣтивъ ненормальность его умственныхъ способностей, не смотря на необходимость подвергнуть больнаго освидѣтельствованію, назначить опеку, предписать больному извѣстный режимъ и т. п., ничего этого не сдѣлали, боясь опозорить себя гласнымъ признаніемъ что ихъ родственникъ душевно-больной и заслужить упреки въ жадности. Нужно ли говорить что все это вѣрно дѣйствительности? Даже люди просвѣщенные считаютъ помѣшательство чѣмъ-то позорнымъ. Среди публики довольно распространено мнѣніе что весьма легко здороваго принять за больнаго, что нѣтъ никакихъ критеріевъ для установленія діагноза душевной болѣзни; притомъ же освидѣтельствованіе душевныхъ больныхъ происходитъ или по крайней мѣрѣ происходило при условіяхъ допускающихъ произволъ (у Писемскаго въ романѣ *Тысяча душъ* хорошо изображено какъ производили освидѣтельствованіе душевно-больныхъ въ то время); слѣдо-

вательно, родственники больнаго имѣли полное право бояться нареканій въ томъ что они злоупотребили своимъ вліяніемъ для признанія героя душевно-больнымъ. Едва ли нужно прибавлять что такъ какъ въ самомъ обществѣ нѣтъ ни малѣйшихъ свѣдѣній о душевныхъ болѣзняхъ, то оно не можетъ быть судьей въ этомъ дѣлѣ и контролировать ошибокъ въ этомъ отношеніи.

Совершенно вѣрно рисуетъ Достоевскій жизнь князя въ деревнѣ: какъ это ни странно для профановъ, но благодаря небольшому такту и нѣкоторой заботливости, съ такими больными очень легко ладить. Этого капризнаго, привыкшаго къ свободѣ и власти князя держала въ полномъ подчиненіи нянька. О томъ же что всегда много людей старающихся эксплуатировать болѣзненное состояніе ближнихъ въ свою пользу, едва ли нужно и говорить. Вотъ это-то обстоятельство и служитъ убѣдительнымъ аргументомъ въ пользу широкой организаціи дѣла призрѣнія душевно-больныхъ. Наконецъ, этотъ разказъ весьма живо иллюстрируетъ до какой степени вредна для душевно-больныхъ жизнь среди здоровыхъ.

Достоевскій въ другомъ своемъ произведеніи, *Подростокъ*, возвращается къ той же темѣ: и князь (*Дядюшкинъ сонъ*), и старикъ Сокольскій страдаютъ одною и тою же формой душевной болѣзни, старческимъ слабоуміемъ; разница только въ степени: Сокольскій еще въ болѣе раннемъ періодѣ болѣзни. Почти одна и та же обстановка окружаетъ обоихъ больныхъ. Для краткости я разсмотрю вмѣстѣ болѣзненные симптомы обоихъ.

За исключеніемъ немногихъ любимцевъ судьбы, обыкновенно люди со старческимъ мозгомъ становятся болѣе осторожны въ своихъ сужденіяхъ и намѣреніяхъ; способность умственнаго усвоенія уменьшается, воображеніе не имѣетъ прежней пылкости и живости, мышленіе происходитъ медленнѣе, память слабѣетъ, кругъ идей дѣлается болѣе ограниченнымъ, воля не столь твердою. По мѣткому выраженію

Legrand-du-Saulle старикъ laudator temporis acti; онъ живетъ преимущественно своимъ прошлымъ, консервативенъ, ничему новому не довѣряетъ. Но если старческое измѣненіе характера и развивается постепенно, то все-таки это не исключаетъ возможности въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ опредѣлить: когда это измѣненіе достигло степени старческаго слабоумія. Самымъ рѣзкимъ симптомомъ, извѣстнымъ даже вообще образованнымъ людямъ, старческаго слабоумія будетъ ослабленіе памяти настоящаго, причемъ память о событіяхъ прежней жизни еще сравнительно сохранена. Напримѣръ, Сокольскій, вообще хорошо помнящій свою прежнюю жизнь, долго не узнаетъ Верпилова котораго не видалъ лишь нѣсколько дней, забываетъ о данномъ имъ дочери обѣщаніи не принимать его, также какъ и причины этого обѣщанія, и снова вступаетъ съ нимъ въ дружескую бесѣду. Князь К., еще кое-что разказывающій о томъ что̀ съ нимъ было нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, не помнитъ въ чьемъ онъ домѣ въ данное время, гдѣ онъ только что былъ и что̀ онъ только что обѣщалъ. Очевидно что измѣненный старческій мозгъ не въ состояніи съ должною ясностью воспринимать и воспроизводить представленія: образы же прошлаго, воспринятые еще здоровымъ мозгомъ, остаются. Вотъ это-то обыкновенно и ставитъ въ тупикъ профановъ, особенно если имъ приходится имѣть дѣло съ лицами выдающагося ума пораженными старческимъ слабоуміемъ; такіе больные живо передаютъ прошлое и удивляютъ слушателей глубиной своихъ сужденій, поскольку они повторяютъ на память свои прежнія мысли. Напримѣръ, страдающій старческимъ слабоуміемъ дипломатъ можетъ съ полною подробностью передать всѣ обстоятельства Вѣнскаго конгресса, дать блистательную характеристику дѣятелей того времени и положенія Европы, но о современныхъ событіяхъ и лицахъ онъ способенъ сказать только вздоръ и не помнитъ въ какомъ теперь онъ домѣ. Вообще сто̀итъ заставить такихъ больныхъ говорить о недавно прошедшемъ, высказать

сужденія о настоящемъ,—тотчасъ за недостаткомъ памяти способности создать правильныя сужденія и за неимѣніемъ въ запасѣ уже готовыхъ сужденій по данному обстоятельству, станетъ яснымъ слабоуміе этого лица, такъ какъ рядомъ съ живымъ расказомъ и вѣрными сужденіями о прошедшемъ, мы получимъ безсвязные отрывки и безсмысленныя сужденія; словомъ, сдѣлается очевиднымъ что человѣкъ сталъ совсѣмъ не тѣмъ чѣмъ былъ прежде.

Это особенно хорошо изображено Достоевскимъ: Сокольскій высказываетъ мѣткія, во всякомъ случаѣ не банальныя мнѣнія, и въ то же время неспособенъ обсудить самыхъ простыхъ обстоятельствъ случившихся въ его семьѣ за послѣднее время.

Такіе больные путаютъ обыкновенно настоящее съ прошедшимъ, и въ разговорѣ легко уклоняются въ сторону, совершенно забывая, какъ первоначальную тему разговора, такъ и то съ кѣмъ они говорятъ; они всецѣло поглощаются еще живыми сравнительно образами прошлаго, и блѣдная для нихъ дѣйствительность перестаетъ существовать. Естественно, что незнакомымъ со всею прежнею жизнью субъекта бесѣда ихъ становится непонятною; такъ часто бывало между Сокольскимъ и Версиловымъ.

Рядомъ съ этимъ, конечно, больные легко утомляются умственною работой, вслѣдствіе чего они только на сравнительно короткое время способны къ умственному напряженію. Сокольскій, по мѣткому выраженію Версилова, размякалъ; онъ начиналъ говорить безсмысленный вздоръ, лицо теряло осмысленное выраженіе, вся фигура казалась опущенною, разслабленною. Дѣйствительно, такъ какъ психическое напряженіе обусловливаетъ выраженіе лица и всего тѣла, то вмѣстѣ со временнымъ прекращеніемъ или по крайней мѣрѣ ослабленіемъ этого напряженія теряется и выраженіе, какъ это мы постоянно наблюдаемъ у находящихся въ глубокомъ снѣ и опьянѣніи. Эти быстро и часто появляющіяся ослаб-

ленія умственной дѣятельности не рѣдко наблюдаются у лицъ страдающихъ старческимъ слабоуміемъ.

Наконецъ, при старческомъ слабоуміи иногда замѣчаются бредовыя идеи преслѣдованія, что не пропущено Достоевскимъ при изложеніи этого страданія. Сокольскій ко всѣмъ относится недовѣрчиво, всюду видитъ заговоръ противъ себя; по его наблюденію, у всѣхъ какіе-то подозрительные глаза. Князю также кажется что его дворовые люди враждебно противъ него настроены, что кучеръ покушался на его жизнь. Но естественно что, подобно всѣмъ идеямъ, и эти мысли о преслѣдованіи только на короткое время удерживаются сознаніемъ и, не входя въ связь съ другими представленіями, не достигаютъ надлежащаго развитія. Насколько впечатлѣнія слабо воспринимаются такими больными, Достоевскій прекрасно объяснилъ примѣромъ князя, который никакъ не могъ оріентироваться, во снѣ или наяву онъ сдѣлалъ предложеніе выйти за него замужъ; у нихъ иногда даже развиваются идеи бреда почерпнутыя изъ сновидѣній, такъ какъ они уже не въ силахъ различать дѣйствительность отъ сновидѣній. Въ данномъ случаѣ мы видимъ также хорошій примѣръ того какъ искусно фактъ изъ области патологіи эксплуатированъ ради цѣлей романиста.

При этой болѣзни настроеніе обыкновенно становится крайне измѣнчивымъ; ребяческая веселость и смѣхъ у Сокольскаго вдругъ, безо всякой внѣшней причины, переходятъ въ глубоко угнетенное настроеніе, причемъ появляется и безсонница, почти неизбѣжный спутникъ старческаго слабоумія.

Наконецъ, какъ непремѣнный симптомъ болѣзни, появляется тупость чувства, и конечно прежде всего нравственнаго: у Сокольскаго видно полное безучастіе какъ ко всѣмъ общественнымъ интересамъ, такъ и къ положенію собственной семьи; у князя К., находящагося въ болѣе глубокомъ періодѣ болѣзни, эта тупость чувства достигла уже такой сильной степени что онъ не тяготится своимъ положеніемъ ли-

шеннаго свободы и возможности жить такъ какъ онъ привыкъ и любилъ. Остается уже немного стимуловъ способныхъ возбуждать погасшія чувства; только половое чувство легко возбудимо, что вмѣстѣ съ притупленіемъ нравственныхъ чувствованій и исчезновеніемъ контролирующихъ и задерживающихъ представленій ведетъ къ рѣзкому проявленію эротическаго настроенія. Благовоспитанный Сокольскій съ Версиловымъ, мало знакомымъ ему, и по лѣтамъ, и по общественному положенію весьма отъ него далекимъ, постоянно ведетъ циническій разговоръ о женщинахъ; окружаетъ себя молоденьми дѣвушками-воспитанницами и наконецъ дѣлаетъ предложеніе дѣвушкѣ годящейся ему во внучки. Князь приходитъ въ совершенный восторгъ при взглядѣ на двухъ декольтированныхъ танцующихъ дѣвочекъ-подростковъ и сравнительно долго находится подъ вліяніемъ этого впечатлѣнія; также дѣлаетъ предложеніе, и счастливъ считая себя женихомъ. Судебная психіатрія богата случаями самаго грубаго оскорбленія нравственности такими больными: жертвами этихъ преступленій чаще всего бываютъ дѣти. Не менѣе того извѣстна страсть ихъ жениться, и нерѣдко, такъ какъ они, благодаря совершенному незнакомству публики со психіатріей, считаются здоровыми, совершаются браки, влекущіе за собою и болѣе скорую смерть, и разореніе семьи, потому что только развратныя женщины съ корыстною цѣлью, какъ это и выставлено Достоевскимъ, могутъ дѣлаться женами этихъ больныхъ. Если мы припомнимъ какъ много несчастій въ общественной и частной жизни происходитъ оттого что никто вовремя не умѣетъ константировать развитіе старческаго слабоумія, то эти характеристики Достоевскаго имѣютъ даже практическое, дидактическое значеніе; но конечно нужно частое и многократное повтореніе чтобъ извѣстныя истины вошли въ сознаніе общества.

Какъ естественное послѣдствіе бѣдности представленій, слабости сужденія, отсутствія умственныхъ и нравственныхъ интересовъ, является слабость воли; Сокольскій подчиняется

своей дочери, князь посторонней женщинѣ. Но естественно что они могутъ подчиняться всякому приказанію; князя, ѣдущаго въ гости, пересаживаютъ изъ экипажа и везутъ совсѣмъ въ другое мѣсто. Обѣщенія имъ данныя не имѣютъ никакого значенія, такъ какъ онъ ихъ забываетъ; притомъ же у него представленія вообще слабо связаны съ соотвѣтственными чувствами, поэтому для него самаго эти обѣщанія вовсе не обязательны. Изъ этого видно какого бдительнаго надзора требуютъ эти больные.

Во всякомъ случаѣ, если Достоевскій и не далъ полнаго очерка старческаго слабоумія, то въ обѣихъ «исторіяхъ болѣзни» нѣтъ ни одной дѣланной, невѣрной черты; основныя явленія указаны и разработаны вполнѣ достаточно; изученіе этихъ обоихъ лицъ необходимо для ознакомленія со старческимъ слабоуміемъ.

VII.

Идіоты, дурачки, слабоумные часто изображаются писателями такъ какъ всякому конечно удавалось ихъ встрѣчать въ жизни; притомъ же ихъ, какъ кажется профанамъ, можно заставлять дѣлать все что нужно для достиженія драматическихъ эффектовъ: дурачки говорятъ правду въ глаза, убиваютъ, поджигаютъ и т. д. Вообще же дурачки художниковъ ничего общаго съ дѣйствительными не имѣютъ: много-много если вѣрно нарисованъ ихъ внѣшній видъ. Достоевскій, какъ настоящій мастеръ, избѣгалъ этой темы; онъ ограничился только бѣглымъ описаніемъ внѣшности и образа жизни Елизаветы Смердящей, не вдаваясь въ анализъ ея душевной жизни. Въ этомъ я вижу доказательство глубокаго знанія основъ патологіи души со стороны Достоевскаго. Только крупному таланту свойственно ясно сознавать границы своей компетентности; душевная жизнь идіотовъ весьма трудно изслѣдуема, и изученіе ея едва ли не самая трудная глава въ

психіатріи. Во всякомъ случаѣ, изученіе идіотовъ возможно только при строго научной обстановкѣ.

Но оставивъ въ сторонѣ идіотовъ, Достоевскій весьма подробно описалъ недоразвитіе умственныхъ способностей въ слабой степени: Imbecillitas, Fatuitas, Алеша (*Униженные и Оскорбленные*), это типъ слабоумнаго отъ природы (imbécile). Я не буду доказывать что Алеша душевно-больной въ строгомъ смыслѣ этого слова. Ничто не возбуждаетъ столько разногласія между психіатрами какъ поведеніе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ черты раздѣляющей слабоуміе отъ глупости; на освидѣтельствованіяхъ при пріемѣ новобранцевъ, въ судѣ, при губернскомъ правленіи постоянно являются разногласія по этому поводу. Да и не можетъ быть иначе; въ природѣ нѣтъ рѣзкихъ границъ, нѣтъ категорій; слабоуміе—понятіе обхватывающее всю сумму духовной жизни человѣка, и ужь конечно оно не можетъ быть строго опредѣленнымъ.

Все поведеніе Алеши нельзя объяснить иначе какъ врожденнымъ слабоуміемъ. Онъ, несмотря на старанія отца, человѣка важнаго и ловкаго, нигдѣ не могъ кончить курса, потому что учиться ему было крайне тяжело: его мозгъ не былъ способенъ къ дальнѣйшему развитію; въ старшихъ классахъ, гдѣ нельзя уже ограничиваться однимъ зубреніемъ, а требуется уже нѣкоторое пониманіе изучаемаго, онъ долженъ былъ прервать свое образованіе. Что неспособность его выходила изъ ряда вонъ, дѣлается ясно если мы припомнимъ какъ снисходительно въ прежнее время относились въ привилегированныхъ училищахъ къ дѣтямъ значительныхъ лицъ; если же принять во вниманіе пронырливость отца Алеши, то поневолѣ приходится заключить что Алеша рѣшительно не могъ учиться, даже хотя бы сколько-нибудь. Какъ часто бываетъ у такихъ лицъ, у Алеши была только одна механическая способность: онъ хорошо игралъ на фортепіано; ни къ чему больше онъ не былъ способенъ, да ко-

нечно и въ этомъ искусствѣ онъ не могъ идти дальше усвоенія техники.

Въ двадцать два года Алеша былъ еще совѣмъ ребенокъ: такъ понималъ его отецъ и всѣ окружающіе.

Какъ всѣ слабоумные или, правильнѣе сказать, какъ всѣ душевно-больные, онъ совершенный эгоистъ. Чужое горе и радость для него не существуютъ. Поразительно хорошо это выражено въ сценѣ побѣга Наташи изъ дома родителей; на него не производятъ никакого впечатлѣнія отчаяніе и душевная мука Наташи, грусть и тоска Ивана Петровича; Алеша съ веселымъ лицомъ болтаетъ о не идущихъ къ дѣлу пустякахъ. Также безучастно въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ относится онъ и къ тому тяжелому положенію въ которое поставилъ Наташу своею связью съ ней; о родителяхъ Наташи, которыхъ онъ зналъ и къ которымъ былъ прежде привязанъ, онъ ни разу и не вспомнилъ, несмотря на то что былъ виновникомъ ихъ несчастія и позора; ихъ горе для него не существовало, тѣмъ болѣе что онъ ихъ не видѣлъ.

Такой чудовищный эгоизмъ возможенъ только у душевнобольнаго. Какъ бы ни былъ испорченъ человѣкъ, въ немъ всегда шевельнется сожалѣніе къ своей жертвѣ; наконецъ, обыкновенный преступникъ, удовлетворяя своей страсти, подавляетъ сочувствіе, жалость къ жертвѣ; эта борьба необходима. Альтруистическія чувства всегда есть въ человѣкѣ; они могутъ быть слабы, могутъ быть подавлены болѣе сильными эгоистическими чувствами; наконецъ, вслѣдствіе воспитанія или жизни могутъ быть заглушены; но все это только до извѣстной степени; Достоевскій въ *Мертвомъ домѣ* указываетъ что даже каторжниковъ удивляло циническое упоминаніе одного отцеубійцы о своемъ отцѣ. Такой чудовищный эгоизмъ какъ у Алеши возможенъ только у душевнобольнаго, тѣмъ болѣе что Алеша былъ въ томъ возрастѣ когда сердце наиболѣе отзывчиво на чужія страданія. Чтобы понять до какой степени безучастіе ко всѣмъ ближнимъ

характеризуетъ душевные недуги, стóитъ только заглянуть въ лѣчебницу для душевно-больныхъ; психически больные совершенно равнодушно и безучастно (равнодушіе и безучастіе не одно и тоже) смотрятъ на агонію, слушаютъ плачъ сосѣдей, не обнаруживая ни малѣйшаго желанія помочь страждущему. Въ дурно устроенныхъ больницахъ, къ несчастію, бывали случаи истязанія больныхъ надзирателями, другими больными; и что же? ни одинъ больной никогда не вступится за жертву; ни какой бунтъ или общій протестъ не мыслимъ въ заведеніи для душевно-больныхъ. Можетъ-быть изученіе такого эгоизма со стороны душевно-больныхъ послужило бы моралисту ключемъ для уясненія многихъ вопросовъ этики; во всякомъ случаѣ, какъ мнѣ кажется, этотъ фактъ имѣетъ въ высокой степени важное значеніе, и жаль что до сихъ поръ не указано все его значеніе. Чуть ли не первый признакъ выздоровленія когда больной начинаетъ принимать участіе въ окружающихъ. Конечно, причины такого безучастія и равнодушія со стороны психически-больныхъ столь же различны какъ и формы этихъ болѣзней.

Алеша съ обычной, житейской точки зрѣнія былъ даже добрый человѣкъ; по крайней мѣрѣ онъ никому не хотѣлъ сдѣлать чего-либо дурнаго, и даже хотѣлъ бы иногда сдѣлать хорошее. Онъ способенъ былъ плакать видя слезы Наташи, продавалъ свои вещи, чтобы снабждать ее деньгами; но дѣло въ томъ что всѣ душевныя движенія его поверхностны и слабы. Онъ еще способенъ иногда, когда у него нѣтъ причинъ радоваться, огорчаться, непосредственно, видя у другихъ рѣзкія проявленія горя, но только на минуту; тотчасъ же онъ забываетъ о причинахъ вызвавшихъ его сочувствіе, его сознаніе и дѣятельность поглощаются мелкими, грубыми стремленіями. Непосредственно отъ Наташи, съ которой онъ только что плакалъ, онъ ѣдетъ къ публичной женщинѣ совершенно спокойно, съ чистою совѣстью, такъ какъ половыя стремленія у него живы, а нравственное чувство и сочувствіе къ горю любимой женщины крайне слабы. Та же сла-

бость нравственныхъ чувствъ, въ широкомъ смыслѣ этого слова, обусловливаетъ все его поведеніе; онъ равнодушно бросаетъ дѣвушку пожертвовавшую для него столь многимъ, но отказъ въ деньгахъ со стороны отца производитъ на него большое впечатлѣніе. Къ постояннымъ серіознымъ привязанностямъ онъ не способенъ, потому что для него необходимы новыя развлеченія: однообразіе для него невыносимо. Глубокая любовь Наташи и покупныя ласки публичной женщины въ сущности для него одно и тоже; онъ не способенъ понимать и чувствовать разницу между ними. Ничто не можетъ произвести на него сильнаго впечатлѣнія, занять его, поглотить на долго его вниманіе, потому что онъ не можетъ ни глубоко чувствовать, ни всесторонне заняться чѣмъ-либо. Всѣ впечатлѣнія только скользятъ по его сознанію, на короткое время, слегка затрогивая его; очевидно, что по естественному закону природы, для Алеши постоянно нужны были новыя впечатлѣнія, всегда поверхностныя, доставляемыя такъ-называемыми развлеченіями. Онъ, какъ и всякій слабоумный, способенъ былъ любить кого-нибудь только за удовлетнореніе своихъ грубыхъ потребностей; никакой другой, кромѣ животной, любви онъ имѣть не можетъ. Понятно что чувства высшаго порядки, религіозныя, эстетическія, гражданскія, для него не существуютъ; Алеша ни разу не высказываетъ желанія устроить свою жизнь поразумнѣе; никогда ничѣмъ, кромѣ удовлетворенія своихъ грубыхъ потребностей, не интересуется. Благодаря такой слабости нравственнаго чувства у него и не могло быть раскаянія въ томъ что онъ испортилъ жизнь Наташи; если ему и было нѣсколько жаль ее бросить, то просто потому что она баловала его и исполняла его прихоти. Что только такимъ путемъ можно хотя на время привязать такихъ людей, Наташа, несмотря на свою молодость, хорошо поняла; такъ это бросается въ глаза.

Въ умственной дѣятельности Алеши поражаетъ, вообще говоря, блѣдность и поверхностность. Алеша прежде всего вос-

принимаетъ медленнѣе чѣмъ нормальный человѣкъ, и многія чувственныя воспріятія ускользаютъ отъ него: такъ, напримѣръ, онъ вовсе не замѣчаетъ, что выражало лицо его отца во время сцены фиктивнаго согласія на бракъ съ Наташей; между тѣмъ посторонніе, вовсе не знавшіе его отца, тотчасъ же все подмѣтили. Вообще только немногое изъ окружающаго западаетъ въ его сознаніе, и какъ необходимый результатъ этого является меньшее обиліе представленій; да къ тому же все чувственно воспринятое перерабатывается не съ такою полнотой какъ у психически нормальнаго человѣка по причинѣ вялости и пробѣловъ въ сочетаніи и воспроизведеніи представленій. Чтобъ убѣдиться въ справедливости такого вывода, стóитъ припомнить что Алеша совершенно не зналъ своего отца, не имѣлъ сколько-нибудь яснаго понятія о практической жизни, до такой степени что считалъ возможнымъ давать уроки музыки и т. п. Очевидно что образованіе отвлеченныхъ понятій и сужденій у него совершается съ большимъ трудомъ, сужденія объ отвлеченныхъ вещахъ односторонни (напримѣръ, онъ не могъ себѣ усвоить условій при какихъ можетъ совершаться вѣнчаніе) и постоянно находятся подъ сильнымъ вліяніемъ посторонняго авторитета. Алеша легковѣренъ (легко повѣрилъ отцу, несмотря на очевидность обмана), не имѣетъ собственныхъ мнѣній и опирается только на мнѣнія другихъ. Такъ, наслушавшись звонкихъ фразъ въ какомъ-то кружкѣ, онъ самъ повторяетъ фразы объ обязанностяхъ приносить пользу обществу, обѣщаетъ дать деньги на народныя школы и т. п.; конечно, на слѣдующій же день, подъ вліяніемъ уже другаго авторитета, онъ говоритъ и поступаетъ совсѣмъ несогласно со вчерашними обѣщаніями.

Внутренняя сущность и болѣе тонкія отношенія вещей отъ него ускользаютъ, и хотя ему, напримѣръ, удалось кое-что уловить изъ слышаннаго въ этомъ кружкѣ молодыхъ людей, онъ все-таки оказывается неспособнымъ правильно передать свою мысль словами; онъ запутался, сбился, и не зная

что̀ именно говорили эти молодые люди, можно по разказу Алеши составить себѣ лишь неясное, приблизительное понятіе. Нечего и говорить что у Алеши нѣтъ стремленія, присущаго всякому нормальному человѣку, изслѣдовать основы и сущность вещей. Онъ воспринимаетъ вещи такъ какъ онѣ представляются ему при поверхностномъ взглядѣ; онъ нисколько не попытался себѣ объяснить почему это отецъ согласился на его бракъ съ Наташей, несмотря на прежнее его сопротивленіе; его не поразило какъ это отецъ могъ такъ радикально измѣнить взгляды всей своей жизни, какъ это его, жениха Наташи, отецъ повелъ къ публичной женщинѣ, а потомъ къ другой невѣстѣ.

Естественнымъ послѣдствіемъ такого недостатка въ сферѣ представленій и чувствованій является полное отсутствіе самостоятельности, инициативы. Встрѣчая ничтожныя препятствія,—напримѣръ, хлопоты по устройству свадьбы,—Алеша отказывается отъ своего намѣренія. Онъ долженъ постоянно находиться подъ вліяніемъ чужой воли, а такъ какъ изъ окружающихъ онъ больше всего привыкъ къ отцу, то онъ и дѣлаетъ все, что̀ тотъ его́ заставляетъ.

Несмотря на то что, по мнѣнію Достоевскаго, Алеша психически нормальный человѣкъ, очевидно изо всей его повѣсти что авторъ считаетъ его невмѣняемымъ, неотвѣтственнымъ за все зло имъ сдѣланное; вотъ въ этомъ взглядѣ, я думаю, большинство психіатровъ согласится съ великимъ психопатологомъ Достоевскимъ. Алеша дѣйствительно невмѣняемъ, потому что онъ душевно больной, или, правильнѣе говоря, человѣкъ съ несовершенною, недоразвитою психическою организаціей. Если его считать здоровымъ, то является неустранимое противорѣчіе: почему Алеша ни въ Достоевскомъ, безспорно обладавшемъ необычайною чуткостью нравственнаго чувства, ни въ читателѣ не возбуждаетъ негодованія къ себѣ, напротивъ, каждый чувствуетъ только сожалѣніе къ нему. Признаніемъ невмѣняемости Алеши Достоевскій какъ бы согласился, что Алеша душевно-больной.

Ничего не нужно прибавлять къ характеристикѣ Алеши; описаніе совершенно полное, и въ умѣ психіатра при чтеніи этой повѣсти невольно появляются образы подобныхъ Алешѣ паціентовъ.

Нельзя обойти молчаніемъ того повидимому страннаго факта что повѣсть *Униженные и Оскорбленные* является разказомъ о томъ какъ одна хорошая, образованная дѣвушка любила дурачка. Правдоподобно ли это? Къ сожалѣнію, нужно сказать что это вѣрно природѣ; по крайней мѣрѣ психіатрамъ извѣстны такіе нелѣпые любовные конфликты, и часто приходится удивляться что субъекты достойные только сожалѣнія бываютъ горячо любимы женщинами и дѣвушками далеко не глупыми. Какъ объяснить себѣ это явленіе? Но тутъ нужно признать компетентность Достоевскаго, хотя можетъ-быть его мотивировка любви Наташи къ Алешѣ и грѣшитъ нѣсколько идеализаціей.

Въ *Мертвомъ Домѣ* Достоевскій слегка обрисовалъ арестанта Акима Акимовича; характеристика эта такъ хороша что сразу узнаешь слабоумнаго. Акимъ Акимовичъ до извѣстной степени могъ быть даже полезнымъ членомъ общества; свое обычное заученное занятіе (сперва служилъ офицеромъ, потомъ былъ старостой въ острогѣ) онъ могъ исполнять хорошо, потому что онъ отдавалъ этому занятію все свое усердіе и вниманіе и ни чѣмъ не отвлекался. Но онъ справлялъ свою работу какъ машина, все на одинъ и тотъ же ладъ, не будучи въ состояніи что-либо въ ней измѣнить, какъ-нибудь заново сочетать ее и тѣмъ менѣе что-либо изобрѣсти. Разъ въ жизни онъ вышелъ изъ обычной колеи—и получилось ни съ чѣмъ несообразное, дикое преступленіе, за которое онъ и былъ сосланъ на каторгу. Всю послѣдующую жизнь онъ не могъ понять что его поступокъ преступленіе, такъ какъ правовыя понятія недоступны его пониманію; даже между дикарями способъ мести употребленный Акимомъ Акимовичемъ всюду презирается. Своихъ собственныхъ, новыхъ идей у него почти нѣтъ; онъ только черпалъ изъ ста-

раго скуднаго запаса свѣдѣній и наблюденій, которыя дались ему съ большимъ трудомъ. Нечего и говорить что онъ равнодушно переносилъ свое наказаніе, ни къ чему кромѣ соблюденія формальностей не стремился, ни въ какихъ общихъ интересахъ и движеніяхъ не участвовалъ.

Едва ли можно во всей литературѣ найти лучшія характеристики занимающаго насъ болѣзненнаго состоянія; и по правдивости и по полности это—chef d'oeuvre искусства.

VIII.

Достоевскій четыре раза изображалъ эпилептиковъ: Нелли (*Униженные и Оскорбленные*), *Идіотъ*, Кириловъ (*Бѣсы*), Смердяковъ (*Братья Карамазовы*). Было бы странно еслибы Достоевскій ограничился однимъ упоминовеніемъ о припадкахъ или простымъ ихъ описаніемъ. Онъ единственный изъ художниковъ описавшій особенности психической организаціи эпилептиковъ, субъективныя явленія предвѣстниковъ предъ припадками.

Всѣ четыре эпилептика Достоевскаго душевно больные; о томъ какъ часто эпилептическіе припадки комбинируются съ психическимъ разстройствомъ, мы имѣемъ статистическія изслѣдованія. Рейнольдъ-Руссель нашелъ что у 62% эпилептиковъ цѣлость психическихъ отравленій оказывается нарушенною. Тотъ общеизвѣстный фактъ что нѣкоторые эпилептики обладали геніальными способностями отнюдь непротиворѣчитъ тому что въ психическомъ складѣ этихъ больныхъ почти всегда замѣчаются нѣкоторыя патологическія особенности.

Въ проявленіяхъ болѣзни у четырехъ эпилептиковъ Достоевскаго много разнообразія, и безъ натяжки можно сказать что подъ эти четыре типа можно подвести всѣ модификаціи этой болѣзни.

Наиболѣе слабо выражено болѣзненное состояніе у Нелли (*Униженные и Оскорбленные*); у ней наблюдался такъ-назы-

ваемый эпилептическій характеръ. Достоевскій такъ ясно очертилъ особенности этого характера что характеристику Нелли прямо можно взять изъ любаго современнаго учебника психіатріи. Нужно только прибавить что въ то время когда написана была эта повѣсть, въ психіатріи далеко не былъ такъ точно и полно опредѣленъ эпилептическій характеръ, какъ теперь, и Достоевскій до извѣстной степени опередилъ науку.

Крафтъ-Эбингъ (*Учебникъ психіатріи*, томъ II стр. 126) такъ опредѣляетъ эпилептическій характеръ: «сюда принадлежатъ прежде всего ненормальная раздражительность чувствъ (Нелли по ничтожному поводу выходила изъ себя), капризный прихотливый характеръ (напримѣръ три раза выплескивала лѣкарство), переходящій изъ одной крайности въ другую (потомъ плакала, просила прощенія и старалась угодить доктору и Ивану Петровичу), изъ странной экзальтаціи съ болѣзненно усиленною волей (чтобы купить новую вмѣсто разбитой ею чашки, пошла на улицу просить милостыню, умѣла найти квартиры знакомыхъ Ивана Петровича) въ психическое угнетеніе съ угрюмостью, ипохондрическимъ и вообще мрачнымъ настроеніемъ (таково было обычное настроеніе Нелли, пока она жила въ квартирѣ Ивана Петровича), навязчивыми идеями (у Нелли ихъ не было, вообще у дѣтей онѣ бываютъ крайне рѣдко), умственною апатіей и усталостью (несмотря на все желаніе Ивана Петровича онъ ничѣмъ не могъ ее занять; чтеніе, вначалѣ ее занявшее, она скоро бросила), колебаніемъ и душевнымъ томленіемъ при маловажныхъ случаяхъ (напримѣръ, почему она разбила чашку и что она потомъ дѣлала), боязливостью (она пугалась всѣхъ новыхъ лицъ), и въ особенности постоянно недовѣрчивый (ни Иванъ Петровичъ, ни кто другой не могъ возбудить ея довѣрія), замкнутый (она ни съ кѣмъ не дѣлилась своими мыслями), нелюдимый, постоянно своенравный и обидчивый (она безо всякаго повода убѣгала отъ Ивана Петровича, бывшаго относительно ея крайне снисходительнымъ, и

искала пріюта у чужихъ людей), не терпящій никакихъ противорѣчій, неспособный принаравливаться къ даннымъ окружающимъ условіямъ, характеръ, благодаря которому больные сплошь и рядомъ являются въ роли семейныхъ тирановъ (несмотря на всю доброту Ивана Петровича, она стала ему въ тягость), мизантроповъ (Нелли ни къ кому не привязалась) и ненадежныхъ друзей..

Но это опредѣленіе Крафта-Эбинга есть результатъ совокупной наблюдательности многихъ; Достоевскій же одинъ сказалъ все, не сдѣлавъ ни одного невѣрнаго штриха.

Другой эпилептикъ Смердяковъ страдалъ вмѣстѣ съ тѣмъ отсутствіемъ нравственнаго чувства, почему о немъ будетъ сказано въ другомъ мѣстѣ.

Съ занимающей насъ точки зрѣнія менѣе всего интересенъ князь Мышкинъ. Несмотря на то что онъ герой романа и ему посвящено много страницъ, во всемъ романѣ найдется лишь нѣсколько строкъ драгоцѣнныхъ для психіатра; это описаніе эпилептической ауры. Субъективныя ощущенія момента предшествующаго припадку описаны и великимъ наблюдателемъ и большимъ художникомъ; конечно, субъективныя ощущенія бываютъ разнообразны, наконецъ, бываютъ припадки безъ всякихъ субъективныхъ и объективныхъ предвѣстниковъ. Напрасно было бы искать у психіатровъ такого живаго описанія, до сихъ поръ никто изъ геніальныхъ эпилептиковъ не познакомилъ насъ такъ краснорѣчиво со своею аурой. Я увѣренъ что эти строки перейдутъ въ учебники психіатріи, только боюсь что это будетъ еще не скоро: иностранные ученые еще незнакомы съ произведеніями Достоевскаго, а Русскіе не привыкли уважать своихъ геніевъ. Вотъ какъ Достоевскій описываетъ эти субъективныя ощущенія: «въ эпилептическомъ состояніи его была одна степень, почти предъ самымъ припадкомъ, когда вдругъ среди грусти, душевнаго мрака, томленія, мгновеніями какъ бы воспламенялся его мозгъ и съ необыкновеннымъ порывомъ напрягались разомъ всѣ его жизненныя силы. Ощущенія

жизни, самосознанія, почти удесятерялись въ эти моменты, продолжавшіеся какъ молнія. Умъ, сердце озарялись необыкновеннымъ свѣтомъ: всѣ волненія, всѣ сомнѣнія его, всѣ безпокойства какъ бы умиротворялись разомъ, разрѣшались въ какое-то высшее спокойствіе, полное ясной гармонической радости и надежды, полное разума и окончательной причины. Но эти моменты, эти проблески были только предчувствіемъ той окончательной секунды (никогда не болѣе секунды) съ которой начинался самый припадокъ. Эта секунда была конечно невыносима...» «Мгновенія эти были только необыкновеннымъ усиленіемъ самосознанія, еслибы надо выразить это состояніе однимъ словомъ,—самознанія и въ то же время самоощущенія, въ высшей степени непосредственнаго...»

«Если въ ту секунду, то-есть въ самый послѣдній сознательный моментъ предъ припадкомъ ему случалось успѣвать ясно и сознательно сказать себѣ: ««да, за этотъ моментъ можно «отдать всю жизнь»», то конечно этотъ моментъ стоилъ жизни... Въ выводѣ, то-есть въ оцѣнкѣ этой минуты безъ сомнѣнія заключалась ошибка, но дѣйствительность ощущенія все-таки нѣсколько смущала его...» «Минута ощущенія, припоминаемая и разсматриваемая уже въ здоровомъ состояніи, оказывается въ высшей степени гармоніей, красотой, даетъ неслыханное и нежданное дотолѣ чувство полноты, мѣры, примиренія и восторженнаго молитвеннаго слiянія съ самымъ высшимъ синтезомъ жизни...» «Въ этотъ моментъ, какъ говорилъ онъ, становится понятнымъ необычайное слово о томъ что времени больше не будетъ». Едва ли нужно говорить что въ *Идіотѣ* Достоевскій остался вѣренъ природѣ; князь Мышкинъ принадлежитъ къ той группѣ тяжело-больныхъ эпилептиковъ у которыхъ съ ранняго дѣтства частые и подолгу продолжающіеся припадки ведутъ къ продолжительному и глубокому разстройству сознанія, въ особенности процесса воспріятія, такъ что этихъ больныхъ въ такомъ состояніи легко принять за идіотовъ. Но при пра-

вильномъ лѣченіи и уходѣ такіе больные иногда поправляются; припадки повторяются рѣже, дѣлаются короче, не сопровождаются послѣдовательнымъ разстройствомъ сознанія. Достоевскій только въ этомъ единственномъ случаѣ отдалъ должное практической медицинѣ. Само собой разумѣется что такой больной долженъ вести вполнѣ гигіеническій образъ жизни. Такая жизнь однако невозможна въ нашемъ обществѣ: припадки вернулись съ прежнею силой, опять появилось разстройство сознанія, и Мышкинъ погибъ окончательно. Не знаю, умышленно или нѣтъ, но здѣсь Достоевскій высказалъ великую мысль; причина того что полное излѣченіе бываетъ рѣдко заключается не только въ неудовлетворительности практической медицины, но гораздо въ большей степени кроется въ самихъ условіяхъ жизни, въ полномъ пренебреженіи къ діэтикѣ мозга какъ со стороны окружающихъ, такъ и самихъ кандидатовъ на помѣшательство.

Сильнѣйшій драматизмъ этого романа, по моему мнѣнію, состоитъ въ томъ что окружающіе Мышкина, люди до извѣстной степени образованные, расположенные къ нему и даже его любящіе, и не подумали поберечь его здоровье, а съ чистымъ сердцемъ невѣжества мало-по-малу довели его до неизлѣчимаго, тяжелаго помѣшательства: никто изъ этихъ невольныхъ убійцъ потомъ ни мало и не раскаивался; кто больше любилъ Мышкина, тотъ больше всѣхъ и повредилъ ему. Такимъ образомъ главное содержаніе романа—это неумышленно систематическое убійство человѣка людьми желавшими своей жертвѣ всего лучшаго. Чего же можно ожидать отъ людей менѣе расположенныхъ, отъ людей злыхъ! Нѣтъ, никакая медицина, какъ бы она совершенна ни была, не будетъ въ силахъ что-нибудь сдѣлать пока не проникнутъ въ самое общество хотя бы элементарныя свѣдѣнія о гигіенѣ мозга.

Достоевскій ни разу лично не говорилъ о лѣченіи душевныхъ болѣзней, также какъ и вообще объ условіяхъ благопріятствующихъ излѣченію. Почему это? То что Достоевскій ни слова ни говоритъ о томъ, какъ нужно лѣчить душевно-

больныхъ, по моему мнѣнію, какъ нельзя болѣе доказываетъ всю силу его таланта. Онъ зналъ, или по крайней мѣрѣ чувствовалъ границу дальше которой идти нельзя при желаніи оставаться вѣрнымъ природѣ; какъ истинный художникъ и психопатологъ, онъ ограничился только сферой ему доступною и не брался рѣшать вопросы въ которыхъ не могъ быть по самымъ условіямъ своей дѣятельности компетентнымъ; лѣченіе душевно-больныхъ основано на данныхъ анатоміи, общей паталогіи, терапіи, то-есть суммы фактовъ ничего общаго не имѣющихъ съ предметомъ изученія художника.

Весьма сложная картина психическаго разстройства должна быть у четвертаго эпилептика Кирилова; Достоевскій не дастъ намъ полной исторіи его болѣзни, говоря медицинскимъ языкомъ, а ограничивается только указаніемъ на нѣкоторые болѣзненные симптомы. Въ жизни мы далеко не всегда можемъ вполнѣ изслѣдовать больнаго, и очень часто наше сужденіе бываетъ основано только на отрывочныхъ наблюденіяхъ, полученныхъ цѣною большихъ усилій. Это зависитъ главнымъ образомъ отъ двухъ причинъ: или больной находится въ неблагопріятныхъ условіяхъ для наблюденія (напримѣръ, живетъ дома или въ дурно устроенномъ заведеніи для душевно-больныхъ), или же онъ тщательно скрываетъ какъ отъ врача такъ и отъ окружающихъ его свои болѣзненные симптомы. Такая скрытность больныхъ обусловливается или самымъ характеромъ болѣзни; напримѣръ, больной думаетъ что онъ сдѣлалъ открытіе которое всѣ хотятъ у него украсть; или же нерѣдко бываетъ такъ, что больной, замѣтивъ что его считаютъ помѣшаннымъ вслѣдствіе тѣхъ или другихъ его взглядовъ и поступковъ, хочетъ добиться чтобъ его считали здоровымъ и обманываетъ наблюдателей. Судебная психіатрія можетъ представить много примѣровъ тому какъ многимъ талантливымъ психіатрамъ приходилось подолгу наблюдать больнаго для того чтобы придти къ какому-нибудь заключенію; да и то въ концѣ концовъ являлось разногласіе между экспертами; самая же существенная причина нашего частаго

непониманія больнаго, это то что природа неисчерпаема; напрасно люди создаютъ классификаціи, схемы, пытаются подвести отдѣльныя явленія подъ общія рубрики; всѣ эти усилія зачастую оказываются безплодными. Природа создаетъ новыя комбинаціи отдѣльныхъ явленій въ самой прихотливой, мало понятной намъ связи симптомовъ между собой, и человѣку поневолѣ приходится сознаться, что составленная имъ схема только съ натяжкой можетъ быть принаровлена къ данному случаю. Конечно, разумный изслѣдователь не обвинитъ въ такомъ случаѣ ни природы, ни науки, а только постарается сколько возможно сильнѣе освѣтить для себя наукой новый фактъ и сознается, что многое для него непонятно. Наконецъ, нельзя забывать что для каждаго отдѣльнаго человѣка истина доступна только въ соотвѣтственной его способностямъ и трудолюбію степени. Все это нужно было припомнить для того чтобы приступить къ разбору болѣзненнаго состоянія Кирилова.

Можетъ-быть Достоевскій въ данномъ случаѣ только снялъ фотографическій снимокъ съ дѣйствительности, и не его вина что получилось что-то для насъ не совсѣмъ ясное. Но такъ какъ можетъ-быть изслѣдованіе самаго талантливаго психіатра не могло бы разъяснить больше относительно болѣзни Кирилова, то остается ограничиться указаніемъ на то что̀ упомянулъ Достоевскій, отказавшись отъ попытки объяснить себѣ всю сумму патологическихъ явленій въ связи между собой.

У Кирилова были эпилептическіе припадки. Вотъ что̀ испытывалъ онъ въ эти моменты: «Есть секунды, ихъ всего за разъ приходитъ пять или шесть, и вы вдругъ чувствуете присутствіе вѣчной гармоніи, совершенно достигнутой...» «Это чувство ясное и неоспоримое...» «Всего страшнѣе что такъ ужасно ясно и такая радость».

Уже однихъ этихъ припадковъ достаточно чтобы съ большею вѣроятностію утверждать что Кириловъ былъ эпилептикъ, такъ какъ благодаря изслѣдованіямъ послѣдняго вре-

мени мы знаемъ что эпилептическіе припадки не рѣдко не имѣютъ общеизвѣстнаго вида, то-есть не состоятъ изъ потери сознанія съ клоническими и топическими судорогами. Рядомъ работъ Гризингера и другихъ изслѣдователей доказано что эпилептическіе припадки могутъ состоять изъ приступа головокруженія сопровождаемаго какъ бы опьянененіемъ, спутанностью мыслей; появляется смутный, похожій на сновидѣніе бредъ. Со временемъ такіе припадки могутъ перейти въ настоящіе, обыкновенные. Кромѣ того, Кириловъ страдалъ упорною безсонницей, приступами тоски (часто бываетъ у эпилептиковъ) и наконецъ высказывалъ идеи, которыя правильнѣе всего назвать бредовыми. Насколько Кириловъ ихъ высказывалъ, это слѣдующія: главный аттрибутъ божества—воля, своеволіе; безспорнымъ проявленіемъ воли будетъ самоубійство; поэтому онъ, рѣшившійся на самоубійство—человѣко-богъ или богъ. Какъ Кириловъ дошелъ до этихъ идей, много ли времени онъ посвятилъ на это, неизвѣстно (Кириловъ уже съ этимъ бредомъ является на сцену), поэтому мы не можемъ прослѣдить какъ онъ заболѣлъ. Естественно является другой путь объясненія: Кириловъ эпилептикъ, у него идея бреда что онъ богъ; не бываютъ ли такія бредовыя идеи у эпилептиковъ, и если да, то какъ онѣ развиваются и почему?

Идеи бреда подобнаго содержанія наиболѣе характерны для эпилепсіи. Едва ли больные съ другими формами болѣзни такъ часто говорятъ о Богѣ какъ эпилептики; нѣмецкіе психіатры даже считаютъ спецефическимъ для эпилепсіи частое упоминаніе о Богѣ, бредъ религіознаго содержанія, какъ они называютъ Gottnomenclatur.

Впрочемъ, правильная оцѣнка этого частаго бреда эпилептиковъ сдѣлана весьма недавно: религіозный бредъ при эпилепсіи появляется какъ въ вслѣдъ за припадками, такъ и независимо отъ нихъ; больные считаютъ себя богомъ, святыми, видятъ себя вознесенными на небо; отличительною чертой такого бреда эпилептиковъ служитъ его чудовищность

и сказочность; а что̀ можетъ быть фантастичнѣе бреда Кирилова? Естественно что результатомъ такого бреда будетъ самодовольное настроеніе больныхъ, горделивое отношеніе, какъ существа высшаго ко всему; такъ Кириловъ, человѣкъ по характеру крайне добродушный, ко всему относится свысока; даже самообладаніе Ставрогина не возбудило въ немъ уваженія или удивленія. Онъ счастливъ по своему, несмотря на то что окружающая дѣйствительность крайне неприглядна; погруженный въ свои идеи бреда, онъ нѣсколько мѣсяцевъ проводитъ въ созерцательномъ настроеніи, нисколько не интересуясь тѣмъ что̀ происходитъ вокругъ его. Природа повидимому не отказала въ своеобразномъ счастіи и этимъ несчастнымъ.

Только исключительные умы могутъ находить столько наслажденія въ работѣ мысли какъ нѣкоторые душевно-больные, съ громаднымъ трудолюбіемъ и большою любовью разрабатывающіе свои идеи бреда, ни мало не смущаясь на окружающею ихъ обстановкой, ни отсутствіемъ адептовъ своего ученія.

Считаю необходимымъ прибавить для болѣе полной обрисовки эпилепсіи что психіатры всѣхъ странъ единодушно говорятъ что у эпилептиковъ часто наблюдается болѣзненная религіозность, переходящая въ ханжество (Мышкинъ *Идіотъ*, крайне интересовался религіозными вопросами). Не слѣдуетъ забывать что магометанская религія была создана епилептикомъ; эпилептическія видѣнія Анны Ли послужили поводомъ основанія квакерской секты шекеровъ, Сведенборгъ былъ также эпилептикъ. Кажется и Татаринова страдала эпилептическими припадками.

IX.

Изо всѣхъ произведеній Достоевскаго романъ *Братья Карамазовы* наиболѣе интересенъ какъ для психіатровъ такъ и вообще для лицъ желающихъ познакомиться со психопатологіей; въ немъ болѣе чѣмъ въ другихъ произведеніяхъ

изображено душевно-больныхъ, описаніе болѣзни наиболѣе полно и богато мѣтко подмѣченными симптомами; больные въ этомъ романѣ, это молодое подрастающее поколѣніе; естественно что для психіатра наиболѣе обязательно должно быть знакомство съ болѣзнями этого поколѣнія, такъ какъ борьба съ нимъ составитъ содержаніе его дѣятельности; также для психіатра важно знать здоровье этого поколѣнія, если онъ хочетъ объяснять явленія, а неописать только рецепты, хочетъ знать чего можно ожидать отъ этого поколѣнія.

Конечно, можетъ-быть это случайность, но изъ двухъ молодыхъ дѣвушекъ фигурирующихъ въ романѣ, одна (Лиза Хохлакова) больная, другая (Катерина Ивановна) болѣзненная. Лиза Хохлакова страдаетъ истеріей въ ясно выраженной формѣ болѣзни. А что между современными молодыми дѣвушками изъ образованнаго класса необычайно много истерическихъ, это общеизвѣстный фактъ; вѣроятно этимъ явленіемъ объясняется многое изъ нашей общественной жизни. Въ томъ же что болѣе или менѣе частое заболѣваніе истеріей сильно обусловливается складомъ общественной жизни въ широкомъ смыслѣ этого слова, едва ли можно сомнѣваться, такъ же какъ и въ томъ, что участіе женщинъ съ истерическимъ характеромъ въ жизни общества оставляетъ по себѣ слѣдъ, ибо только наиболѣе тяжко больные попадаютъ подъ опеку окружающихъ и врачей, большинство же считаются здоровыми и пользуются полною свободой.

Но чтобъ оставаться на чисто медицинской почвѣ и не затрогивать спорныхъ вопросовъ, я ограничусь этими бѣглыми замѣчаніями и перейду къ разбору матеріала даннаго Достоевскимъ.

Мать Лизы, г-жа Хохлакова, женщина вздорная, легкомысленная, эксцентричная, безъ характера, безъ убѣжденій, и притомъ лишенная какого-либо руководства въ жизни, вдова, безъ какихъ-либо занятій и даже безъ опредѣленнаго общественнаго положенія. Естественно что дочь съ ранняго дѣт-

ства подражала матери въ ея эксцентрическихъ выходкахъ и понемногу усвоивала ея извращенныя воззрѣнія; послѣ нелѣпой сцены кокетства съ двумя молодыми людьми, устроенной матерью, дочь пишетъ любовную записку Ивану Карамазову. Воспитаніе,—если можно назвать этимъ именемъ отношенія безалаберной Хохлаковой къ своей дочери, а настоящаго воспитанія и не могло быть—имѣло два крупные недостатка: излишняя снисходительность, Лизѣ ни въ чемъ не отказывали и все извиняли, давая тѣмъ полный просторъ развитію себялюбія, страстности и аффектовъ, недостаточному самообладанію и неспособности на какія-либо жертвы. Второй недостатокъ, это преждевременное введеніе въ сферу интересовъ взрослыхъ лицъ, результатомъ чего бываетъ пресыщеніе жизни и раннее знакомство съ чувственными наслажденіями и излишествами; стоитъ припомнить какъ Лиза рано была влюблена въ Алексѣя Карамазова. Конечно, бываютъ и другія причины развитія истеріи, но и этихъ достаточно. Если я упомянулъ объ этихъ двухъ недостаткахъ воспитанія Лизы, то вовсе не потому что хотѣлъ такимъ образомъ исчерпать все дурное въ ея воспитаніи: все воспитаніе ея было дурно; упомянулъ же я о нихъ потому что современная система воспитанія главнымъ образомъ страдаетъ этими двумя недостатками. И если излишняя снисходительность имѣетъ еще хоть какой-нибудь, правда, весьма натянутый raison d'être, какъ реакція противъ суровости недавняго прошлаго, то введеніе дѣтей въ сферу интересовъ взрослыхъ, возможное и полезное только въ исключительныхъ случаяхъ, есть зло противъ котораго должны бороться психіатры, такъ какъ имъ нерѣдко приходится видѣть крайне печальныя послѣдствія этой ошибки воспитанія.

Съ физической стороны у Лизы болѣзнь проявилась судорожными припадками и параличемъ ногъ. Достоевскій, желая выставить степень вліянія которое имѣлъ отецъ Зосима на вѣрующихъ, не могъ лучше и разительнѣе этого сдѣлать какъ примѣромъ излѣченія Лизы. Только истерическіе параличи

проходятъ подъ вліяніемъ психическаго лѣченія, которое, какъ въ данномъ случаѣ, состоитъ въ развитіи увѣренности въ больныхъ что они могутъ ходить, а такъ какъ отецъ Зосима былъ окруженъ извѣстнымъ ореоломъ, былъ святой въ глазахъ Хохлаковыхъ матери и дочери, то вполнѣ естественно что Лиза выздоровѣла. Не укажи Достоевскій что Лиза страдала истеріей, фактъ выздоровленія былъ бы невѣроятенъ. Вотъ тутъ-то наиболѣе ясно, что Достоевскій зналъ сущность психическаго лѣченія; мало того, онъ зналъ въ какихъ случаяхъ это лѣченіе дѣйствительно.

Врачи знаютъ этотъ методъ лѣченія; къ сожалѣнію, этимъ могущественнымъ средствомъ очень трудно пользоваться; знаменитые и умные врачи нерѣдко примѣняютъ его и иногда обязаны этому методу своими успѣхами.

Со стороны психической у Лизы наблюдается ясно выраженный истерическій характеръ, основные признаки котораго: неустойчивое равновѣсіе психическихъ отправленій, чрезмѣрно легкая возбудимость, необыкновенно сильная реакція психическаго механизма и быстрая смѣна его возбужденій. Въ характерѣ Лизы бросается въ глаза пестрая смѣсь настроеній и аффектовъ, симпатій и антипатій, представленій то веселыхъ, то грустныхъ, то серіозныхъ, то низменныхъ, то съ философскимъ пошибомъ, стремленій полныхъ энергій, но скоро и пропадающихъ. Она пишетъ цинично-любовную записку Ивану Карамазову, чѣмъ вызываетъ въ немъ презрѣніе къ себѣ, потомъ приглашаетъ Алексѣя, съ нимъ то плачетъ, то смѣется, безо всякаго повода, строитъ планы разумной жизни въ будущемъ, потомъ старается выставить въ смѣшномъ видѣ Алексѣя, оскорбить его, между тѣмъ какъ минуту тому назадъ относилась къ нему съ уваженіемъ и преданностью, послѣ этого бранитъ себя, говоритъ о своей испорченности и необычайной жестокости, плачетъ слезами раскаянія, и чтобы наказать себя сдавливаетъ себѣ палецъ между дверями. Послѣдняя выходка весьма характерна для такого рода больныхъ. Подъ вліяніемъ страсти они

неудержимо стремятся къ своей цѣли и безразсудно наносятъ вредъ себѣ или другимъ. Также при другихъ обстоятельствахъ они могутъ удивлять окружающихъ своимъ самоотверженіемъ, мужествомъ; и едва ли кто больше истерической женщины проявляетъ интенсивности желанія; для нихъ не существуетъ препятствія, даже инстинктъ самосохраненія, чувство боли, какъ это, напримѣръ, было съ Лизой, не могутъ остановить ихъ въ достиженіи мелочныхъ желаній, въ капризахъ. Можно себѣ представить на что способна истерическая женщина если она чего-нибудь пожелаетъ серіозно, какая при этомъ можетъ проявиться порывистая энергія и даже при нѣкоторыхъ условіяхъ настойчивость.

Достоевскій достаточно отмѣтилъ у Лизы и другую черту истерическаго характера, себялюбіе; она самая наивная эгоистка, говоритъ только о себѣ, и постоянно съ живымъ интересомъ; такъ какъ себялюбіе истерическихъ выражается стремленіемъ говорить о себѣ, возбуждать къ себѣ у всѣхъ участіе и вниманіе, заинтересовывать всѣхъ своею личностью, своею болѣзнію, даже своими пороками, то Лиза только и заботится о достиженіи этого относительно Алексѣя и Ивана Карамазовыхъ.

Наиболѣе тяжелыя болѣзненныя явленія у Лизы,—это извращенныя прихоти. Образцовымъ примѣромъ можетъ быть разсказъ Лизы, какъ ей хотѣлось бы ѣсть розовое варенье въ то время какъ у нея будутъ предъ глазами рѣзать на куски живаго ребенка. Уже не говоря о томъ насколько странны такая живая фантазія и оригинальное направленіе мыслей для четырнадцатилѣтней дѣвочки, тутъ невольно удивляешься какимъ образомъ можетъ эта воображаемая картина (положимъ только на словахъ) вмѣсто естественнаго чувства жалости и неудовольствія вызвать циничное, пріятное чувство, насмѣшку. Только у истерическихъ возможны такіе, если можно такъ выразиться, психологическіе парадоксы, такъ какъ у нихъ тамъ гдѣ у здороваго извѣстное представленіе соединяется съ непріятнымъ чувствованіемъ оно оттѣ-

5

няется чувствованіемъ пріятнаго. Естественно что эта психическая аномалія будетъ имѣть глубокое вліяніе на всю душевную жизнь больныхъ; напримѣръ, всѣмъ извѣстная склонность многихъ истерическихъ ѣсть невкусныя и даже противныя вещи—явленія того же характера.

Второй опасный симптомъ у Лизы,—это навязчивыя идеи; Лиза жаловалась Алексѣю что ей, дѣвушкѣ религіозной, приходятъ въ голову богохульныя мысли, непонятное, ужасающее ее самое, желаніе бранить Бога. Навязчивыя идеи извѣстны сколько-нибудь только психіатрамъ; нѣкоторые душевно больные, пожалуй чаще всего истерическія женщины, жалуются намъ что у нихъ появляются тягостныя и мучительныя мысли, отъ которыхъ они не могутъ освободиться, и въ то же время вполнѣ понимаютъ нелѣпость, непристойность этихъ мыслей. Эти навязчивыя идеи, помимо желанія больныхъ и несмотря на все сопротивленіе ихъ воли овладѣваютъ сознаніемъ, вмѣшиваются въ сознательное логическое теченіе представленій, вызываютъ внутреннее безпокойство и нерѣдко соединяются со стремленіями къ соотвѣтствующимъ поступкамъ. Характерная особенность навязчивыхъ идей—это что содержаніе ихъ странно, чуждо для сознанія. Обыкновенно у такихъ больныхъ появляется стремленіе хулить Бога въ церкви, замѣнить въ молитвѣ слово «Богъ» словомъ чортъ и т. п., при видѣ родныхъ желаніе умертвить ихъ, при видѣ встрѣчнаго человѣка около воды столкнуть его. Къ счастію, однако, такія стремленія, строго говоря, ограничиваются созиданіемъ картинъ, сочетаніемъ представленій въ данномъ направленіи и рѣдко переходятъ въ дѣйствіе; не всегда даже произносятся желаемыя слова и притомъ почти никогда вслухъ. При здоровомъ состояніи мозга явленіе аналогическое навязчивымъ представленіямъ составляютъ тѣ неидущія къ дѣлу картины, представленія, музыкальные мотивы и т. п., которые иногда страннымъ образомъ впутываются въ наше нормальное мышленіе, надоѣдаютъ, мѣшаютъ намъ, развлекаютъ насъ; нужно извѣстное усиліе воли

и напряженіе всего сочетательнаго механизма чтобъ отъ нихъ отдѣлаться.

Я не припомню во всей міровой литературѣ мѣстъ по которымъ можно было бы заключать, что кто-либо былъ знакомъ съ этимъ патологическимъ феноменомъ. Въ психіатріи навязчивыя идеи извѣстны весьма недавно; Достоевскій единственный изъ художниковъ ихъ описалъ, притомъ же вполнѣ ясно, вѣрно и достаточно полно.

Не такъ рѣзко выразился истерическій характеръ у Елизаветы Николаевны Дроздовой (*Бѣсы*). Елизавета Николаевна можетъ даже считаться здоровою дѣвушкой и пользоваться свободой; такихъ дѣвушекъ въ образованномъ классѣ весьма много; однако при неблагопріятныхъ условіяхъ эти зачатки болѣзни могутъ развиться вполнѣ. Кромѣ того, нужно сказать что относительно Елизаветы Николаевны Достоевскій нѣсколько идеализуетъ: онъ описалъ только хорошія стороны ея характера; гораздо чаще однако съ тою порывистостью и измѣнчивостью, которыя составляютъ сущности характера Елизаветы Николаевны, проявляются эгоистическія, низменныя стремленія; истерическія проявляютъ себя чаще капризами чѣмъ благородными поступками. Поэтому образъ Елизаветы Николаевны представляется неяснымъ, неестественнымъ, неизмѣримо слабѣе очерченнымъ чѣмъ образъ Лизы (само собой разумѣется что я говорю только съ медицинской точки зрѣнія).

X.

Ни одинъ отдѣлъ въ психіатріи не возбуждаетъ къ себѣ столько недовѣрія какъ ученіе о нравственномъ помѣшательствѣ. Не только публика, но и многіе юристы считаютъ это ученіе увлеченіемъ спеціалистовъ; мало того, многіе практическіе психіатры, хотя въ теоріи считаютъ возможнымъ нравственное помѣшательство, на практикѣ, а тѣмъ болѣе in foro, никогда не діагносцируютъ этой формы и также какъ

и публика суеверно относятся къ банальнымъ воззрѣніямъ на сущность нравственныхъ поступковъ.

Между тѣмъ еще въ XV вѣкѣ Регіомонтанусъ высказалъ идею что встрѣчаются злые, безнравственные люди, которые сами не сознаютъ своей злости и, несмотря на это, по рѣшенію судей, приговариваются къ висѣлицѣ; понятно что такое мнѣніе не могло имѣть послѣдователей въ то время. Сорокъ лѣтъ тому назадъ англійскій психіатръ Причардъ обратилъ вниманіе психіатровъ на это состояніе психическаго вырожденія, и благодаря многимъ изслѣдованіямъ, въ современной психіатріи хорошо установлено, что наблюдаются субъекты, которые, несмотря на доставшіяся имъ блага цивилизаціи и воспитанія, остаются лишенными самой высокой способности, присущей всякому человѣку, пріобрѣтать этическія представленія, образовать изъ нихъ извѣстныя нравственныя сужденія и понятія и употреблять эти послѣднія въ дѣло какъ побуждающіе или задерживающіе мотивы поступковъ. Человѣкъ которому чужда эта общая всему цивилизованному человѣчеству способность оказывается уже отъ рожденія низшимъ по своей организаціи; правильность этого воззренія ясно подтверждается тѣмъ что всѣ настойчивыя воспитательныя усилія со стороны семьи, школы, такъ же какъ и позднѣйшій жизненный опытъ, не могутъ благотворно повліять въ нравственномъ отношеніи на чувство и разумъ этихъ больныхъ. Между тѣмъ,—что̀ и служитъ причиной непониманія даннаго психопатическаго состоянія,—эти больные способны къ умственному развитію и вообще въ нихъ часто не наблюдается рѣзкихъ разстройствъ умственныхъ функцій. Кромѣ того, встрѣчаются больные способные къ образованію и уясненію этическихъ понятій; но понятія эти совершенно не оттѣняются нравственнымъ чувствомъ; этого чувства у нихъ нѣтъ и развить его въ нихъ нельзя. Такія состоянія отсутствія нравственныхъ понятій и чувствъ можно назвать нравственною слѣпотой чтобы по ана-

логіи съ цвѣтною слѣпотой (неспособностью различать нѣкоторые цвѣта) хоть нѣсколько уяснить себѣ дѣло.

Что такія состоянія возможны, это понятно изъ того чему учитъ насъ психологія; что они бываютъ, въ этомъ одинаково согласны всѣ выдающіеся психіатры всего міра. Конечно, діагнозъ этого страданія въ отдѣльныхъ случаяхъ вообще труденъ, и для доказательства его правильности требуются со стороны врача значительныя способности ко психологическому анализу.

Желая ограничиться разборомъ матеріала даваемаго Достоевскимъ, я не буду вдаваться въ подробное изложеніе того какъ психологія понимаетъ нравственное чувство, а ограничусь самымъ краткимъ опредѣленіемъ этого понятія, и только для того чтобы выяснить что̀ собственно въ нашей наукѣ разумѣется подъ этимъ названіемъ. Всякій процесъ мышленія или познанія сопровождается чувствованіями; изъ субъективнаго сознанія нашихъ актовъ мышленія и нашихъ дѣйствій рождается нравственное чувство. Всякое дѣйствіе (если оно не совсѣмъ безразлично) или пріятно, или непріятно для нашего *я*, то-есть вызываетъ повышенное или пониженное самочувствіе. Изъ нашего личнаго самочувствія, если мы переносимъ его на другихъ, рождается сочувствіе. Все развитіе нравственныхъ чувствъ тѣсно связано съ самосознаніемъ, а въ послѣднемъ существенная часть есть самочувствіе. Сначала самосознаніе испытываетъ нарушеніе лишь при физической боли или самого чувствующаго субъекта, или другаго лица; но когда самосознаніе сосредоточивается на дѣятельности воли въ сферѣ представленій, то дѣятельность воли какъ средоточіе сознанія становится исходною точкой и для нравственныхъ чувствъ. Нравственное чувство, такъ же какъ религіозное и эстетическое, составляетъ высшую сферу развитія чувствованій человѣка.

Поэтому естественно что тупость нравственнаго чувства должна непремѣнно наблюдаться, какъ непремѣнный признакъ во всѣхъ состояніяхъ психической слабости. Такъ какъ

нравственныя чувства (сочувствіе ближнимъ, чувство чести, любовь къ отечеству и т. п.), поскольку они коренятся въ образованіи и примѣненіи нравственныхъ представленій и понятій, служатъ выраженіемъ самыхъ высокихъ умственныхъ отправленій, предполагаютъ самую тонкую психическую организацію, то понятно что нравственное отупѣніе является первымъ признакомъ начинающагося ослабленія умственныхъ способностей.

Достоевскій, при наблюденіи обитателей Мертваго Дома, пришелъ къ заключенію что нѣкоторые преступники лишены нравственнаго чувства; по крайней мѣрѣ такъ можно понять то мѣсто гдѣ онъ сравниваетъ двухъ преступниковъ (А. и отцеубійцу): первый представляется типомъ окончательно развратившагося, оподлившагося человѣка, второй же казался еще его ужаснѣе. «Такая звѣрская безчувственность разумѣется невозможна. Это феноменъ; тутъ какой-то недостатокъ сложенія, какое-нибудь тѣлесное и нравственное уродство еще не извѣстное въ наукѣ, а не простое преступленіе (стр. 30—33).» Эта не ясно выраженная, а можетъ-быть еще и неясная въ то время для Достоевскаго мысль, что безнравственные поступки не всегда бываютъ результатомъ испорченности, въ лицахъ его романовъ развита съ полною ясностью и живостью. Достоевскій, какъ извѣстно, весьма подробно анализовалъ душевное состояніе своихъ героевъ совершавшихъ преступленія; среди массы преступниковъ и негодяевъ, такъ тщательно имъ нарисованныхъ, рѣзко выдѣляются двѣ рельефно очерченныя фигуры съ отсутствіемъ нравственнаго чувства: это фигуры Свидригайлова (*Преступленіе и Наказаніе)* и Смердякова (*Братья Карамазовы*). Свидригайловъ и Смердяковъ, несмотря на разницу въ ихъ воспитаніи, дѣятельности, общественномъ положеніи, имѣютъ много между собой общаго.

Эти несчастные выродки уже съ самаго ранняго возраста удивляютъ окружающихъ недостаткомъ дѣтской любви и родственныхъ привязанностей, холодностью сердца, равнодуші-

емъ къ счастію и горю самыхъ близкихъ имъ лицъ (Смердяковъ не питалъ никакой привязности къ Григорію и еще ребенкомъ относился къ нему враждебно). Они остаются вполнѣ равнодушны къ оцѣнкѣ и порицанію ихъ поступковъ другими лицами, не испытывая угрызенія совѣсти или раскаянія. Въ этомъ отношеніи весьма интересны сцены между Раскольниковымъ и Свидригайловымъ, Иваномъ Карамазовымъ и Смердяковымъ. Свидригайловъ смѣется когда Раскольниковъ называетъ его развратникомъ, убійцею жены и слуги; Смердяковъ спокойно разсказываетъ, какъ онъ совершилъ преступленіе, искренно не понимая, почему такъ возмущается и негодуетъ Иванъ Карамазовъ. Эти сцены лучше десятковъ страницъ въ теоретическихъ трактахъ объясняютъ что̀ такое нравственное помѣшательство.

Обычая эти больные не понимаютъ, законъ имѣетъ для нихъ значеніе только полицейскаго предписанія, и на тягчайшія преступленія они смотрятъ съ своеобразной низшей точки зрѣнія, такъ же какъ психически-здоровый человѣкъ смотритъ на невинное нарушеніе какого-нибудь полицейскаго предписанія. Такъ, когда Раскольниковъ говоритъ Свидригайлову что онъ узналъ объ убійствѣ жены Свидригайловымъ, то тотъ только равнодушно замѣтилъ: «перестаньте говорить объ этихъ пошлостяхъ, уже вамъ наговорили обо мнѣ» и т. п.; словомъ, такъ же относится къ такимъ серіознымъ обвиненіямъ какъ здоровый къ напоминанію ему о какихъ-нибудь его пустыхъ отступленіяхъ отъ закона. Такъ же спокойно Свидригайловъ разсказываетъ Раскольникову, человѣку совсѣмъ незнакомому, что его били когда онъ былъ шулеромъ; сообщать о такихъ позорныхъ обстоятельствахъ не было никакой надобности, но онъ разсказалъ объ этомъ, такъ какъ ему не было стыдно или непріятно говорить объ этомъ.

Естественно что Свидригайловъ и Смердяковъ съ полнымъ безучастіемъ относьтся къ вопросамъ общественной жизни; въ этомъ отношеніи интересны разсужденія Смердякова о патріотизмѣ и Свидригайлова объ освобожденіи крестьянъ.

Эта нравственная слѣпота дѣлаетъ такихъ людей совершенно неспособными къ общественной жизни и вѣрными кандидатами въ тюрьмы (Свидригайловъ и Смердяковъ такіе кандидаты) и заведенія для душевно-больныхъ. Въ эти мѣста они всегда и попадаютъ, послѣ того какъ пройдутъ по обычнымъ для нихъ ступенямъ общественнаго поприща. Въ дѣтствѣ они бываютъ истинною пыткой для родителей и наставниковъ (Смердяковъ возбуждалъ ужасъ и негодованіе честнаго Григорія), въ молодости—язвой для общества, благодаря непреодолимому стремленію къ бродяжеству (Свидригайловъ, несмотря на свое происхожденіе, былъ обитателемъ дома Вяземскаго), мотовству (Свидригайловъ растратилъ свое состояніе и попалъ въ долговую тюрьму), разврату (Свидригайловъ дошелъ до крайнихъ предѣловъ разврата) и воровству (Смердяковъ кончилъ воровствомъ).

Что касается чисто умственной сферы, то ни у Свидригайлова, ни у Смердякова, какъ это часто и бываетъ и что заставляетъ профановъ считать такихъ лицъ здоровыми, не было рѣзко выраженныхъ разстройствъ, не было идей бреда, галлюцинаціи у Свидригайлова были рѣдки и не имѣли большаго вліянія на его психическую жизнь. Несмотря однако на то что Свидригайловъ и Смердяковъ кажутся людьми умными, хитрыми и даже энергичными, вся жизнь ихъ показываетъ что умъ ихъ совершенно не производителенъ; они неспособны ни къ какому серіозному призванію въ жизни, ни къ какой правильной дѣятельности. Бросается въ глаза резонирующій способъ мышленія; оба они каждый по своему развитію резонеры, ни къ чему неспособные. Смердяковъ въ концѣ концовъ не могъ осуществить своей завѣтной, крайне не мудреной мечты—открыть кухмистерскую, а для достиженія этой цѣли онъ совершилъ даже убійство, и хотя былъ очень предусмотрителенъ при совершеніи преступленія и обнаружилъ большую инстинктивную хитрость, но въ то же время упустилъ изъ виду самыя простыя предосторожности.

Въ половомъ отношенія, не смотря на видимую противоположность, оба носятъ на себѣ несомнѣнные слѣды дегенеративнаго состоянія нервной системы: Смердяковъ, несмотря на свой возрастъ и достаточное здоровье, совершенно индифферентенъ къ женщинамъ; Свидригайловъ всегда злоупотреблялъ въ этомъ отношеніи, кромѣ того, половыя влеченія его были настолько извращены что онъ подвергался уголовной отвѣтственности за изнасилованіе малолѣтней горбатой.

Наконецъ нужно прибавить, чтобъ еще яснѣе указать какъ вѣрно и глубоко Достоевскій зналъ такихъ больныхъ, что Смердяковъ страдалъ эпилептическими припадками, а Свидригайловъ не переносилъ спиртныхъ напитковъ; эти уже очевидные признаки болѣзненнаго состоянія нервной системы, часто наблюдаются у лицъ съ нравственнымъ помѣшательствомъ.

Профану можетъ показаться неправдоподобною натяжкой, обусловленною самою техникой романиста, что оба больные кончили самоубійствомъ; на первый взглядъ кажется что такимъ бы лицамъ и жить. Но и тутъ Достоевскій остался вѣренъ природѣ: ихъ самоубійство не только удобный конецъ для романиста, но и вполнѣ правдоподобно.

Въ психіатріи извѣстны случаи самоубійства такихъ больныхъ; такіе случаи описаны Крафтомъ-Эбингомъ (*Lehre vom moral. Wahnsinn*), Despine'омъ (*Psychologie naturelle*, 1868; *Journal de medic. ment.* 1867), Lemaire'омъ (*Journal de Droit*, 1867) и другими. Это явленіе не будетъ казаться страннымъ если мы обратимъ вниманіе на то что при болѣе или менѣе полной нравственной нечувствительности, отсутствіи нравственныхъ сужденій и этическихъ понятій, ихъ мѣсто должны занимать выводимыя путемъ сложныхъ логическихъ процесовъ сужденія о полезномъ и вредномъ; что требованія общежитія должны быть заучены субъектомъ и остаются неокрашенными ни малѣйшимъ чувствованіемъ; что вся человѣческая культура, весь общественный строй дѣлается для такихъ больныхъ только стѣснительнымъ ярмомъ. Понятно что жизнь для этихъ несчастныхъ должна быть тяже-

ла, или по крайней мѣрѣ мало интересна. Вѣдь они лишены такимъ образомъ цѣлой суммы радостей и страданій доступныхъ всѣмъ людямъ.

Вотъ это-то прекрасно выяснено Достоевскимъ въ біографіи Свидригайлова; тутъ мы видимъ мастерской психологическій анализъ.

Свидригайловъ началъ свою жизненную карьеру кавалерійскимъ офицеромъ; но такъ какъ самая привлекательная сторона этой службы — честолюбіе, исполненіе извѣстныхъ правилъ чести, товарищество—вслѣдствіе неспособности его ко всѣмъ этимъ чувствамъ потеряна, онъ бросаетъ службу, такъ какъ для него существовали только однѣ ея отрицательныя стороны: стѣсненіе, обязательный трудъ и т. п. Послѣ этого онъ начинаетъ жить одними чувственными наслажденіями, но тутъ обычный исходъ — разореніе и пресыщеніе; понятно что такой человѣкъ не задумается въ выборѣ способовъ пріисканія денегъ: онъ дѣлается шулеромъ: въ его сознаніи и не возникало вопроса нравственно или нѣтъ это занятіе; одно что̀ онъ находитъ нужнымъ сказать объ этомъ періодѣ своей жизни, это то что его били за шулерство. Этимъ онъ даже нѣсколько гордится: по его понятіямъ, только у битыхъ бываютъ хорошія манеры. Наконецъ, онъ становится нищимъ, жителемъ дома Вяземскаго, но въ сущности и такое паденіе его нисколько не смущаетъ; онъ не чувствуетъ унизительности такого положенія, даже того стыда который свойственъ всѣмъ опустившимся такъ низко въ жизни; воспріимчивость къ чувственнымъ наслажденіямъ вслѣдствіе излишества совершенно притуплена; словомъ, грязь въ прямомъ и переносномъ смыслѣ дома Вяземскаго не дѣйствуетъ на его нервы, хотя очевидно что для человѣка его воспитанія такая жизнь должна быть крайне тяжела.

Но тутъ судьба сжалилась надъ нимъ: богатая женщина платитъ его долги, съ помощью денегъ заминаетъ его дѣло объ изнасилованіи, дѣлаетъ его своимъ мужемъ. Свидригайловъ цинично выговариваетъ себѣ право брать въ налож-

ницы ея горничныхъ, широко пользуется этимъ правомъ, и такъ какъ жена его женщина добрая, то онъ нѣсколько лѣтъ прозябаетъ въ деревнѣ. Все ему надоѣло, ничто не занимаетъ его, ничто не волнуетъ; онъ совершенно безучастно относится къ женѣ, дѣтямъ; обязанностей помѣщика общественныхъ онъ не понимаетъ, потому что нравственныя чувства лежащія въ нихъ основѣ для него не существуютъ. Жизнь становится въ тягость; напрасно добродушная жена возила его за границу: благодаря отсутствію эстетическихъ чувствъ, интереса къ общественной жизни, ему было тамъ такъ же скучно какъ дома. Однако за это время онъ ничего не дѣлаетъ дурнаго: ему никто ни въ чемъ не мѣшаетъ. Нѣкоторые готовы его считать даже добрымъ человѣкомъ; но насколько для него чуждо сочувствіе ближнему, это видно изъ того, что онъ для развлеченія до такой степени преслѣдовалъ своего лакея, смѣясь надъ его убѣжденіями, что довелъ бѣднягу до самоубійства. Конечно, Свидригайловъ не виноватъ въ смерти этого лакея: вѣдь онъ не чувствовалъ и не понималъ, что̀ могутъ значить для человѣка завѣтныя убѣжденія, потому что у него самого не могло быть убѣжденій, ничего завѣтнаго, дорогаго. Онъ виноватъ въ данномъ случаѣ столько же какъ школьники, дразнящіе другъ друга, или человѣкъ, трунящій надъ наружностью, платьемъ и т. п. Но вотъ онъ встрѣчается съ дѣвушкой возбуждащею въ немъ половое влеченіе (почему, это дѣло романиста); ухаживанія его остаются безъ успѣха; Свидригайловъ думаетъ что дѣвушка потому не отдается ему что онъ женатъ. Сомнѣнія въ томъ, что еслибъ онъ могъ жениться на ней, то она какъ бѣдная согласилась бы на его предложеніе и быть не можетъ для него: онъ не понимаетъ что онъ возбуждаетъ отвращеніе, такъ какъ для него недоступны сознаніе собственной гадости и оцѣнка нравственной прелести этой дѣвушки. Да и вообще для него неясно, что многіе люди въ своихъ мужьяхъ и женахъ ищутъ извѣстныхъ нравственныхъ достоинствъ. Единственное, по его мнѣнію, препятствіе, же-

ну—женщину спасшую его отъ долговой тюрьмы и каторги, любившую его и заботившуюся о немъ, — онъ равнодушно убиваетъ, бросаетъ дѣтей и ѣдетъ за Раскольниковою, но тутъ онъ видитъ окончательную невозможность достичь своей цѣли. Можетъ показаться, что у него обнаружилось какое-то нравственное чувство, когда онъ не воспользовался безпомощнымъ положеніемъ Раскольниковой, но проще и вѣрнѣе другое объясненіе: Свидригайловъ, какъ утонченный развратникъ, могъ желать взаимности, между тѣмъ онъ убѣдился, что Раскольникова питаетъ къ нему физическое отвращеніе; едва ли нужно говорить, что даже въ чисто физическомъ наслажденіи взаимность играетъ большую роль. Пресыщенный Свидригайловъ не нашелъ именно того, чего искалъ; удовлетвореніе же животной страсти для него, какъ человѣка все-таки истощеннаго, не имѣло особой цѣны; такъ что кажущееся великодушіе Свидригайлова явилось результатомъ просто его пресыщенности. Естественный выходъ изъ такой жизни — самоубійство, такъ какъ ничего не осталось привязывающаго къ жизни, нѣтъ желаній, нѣтъ какихъ-либо интересовъ, нѣтъ ничего въ будущемъ. Свидригайловъ разбрасываетъ деньги и умираетъ, даже, не вспомнивъ о своихъ дѣтяхъ въ предсмертныя минуты, только картины личной жизни мелькаютъ въ его головѣ, ни одного друга, ни одного ближняго онъ не вспоминаетъ, не съ кѣмъ ему проститься, не о комъ пожалѣть. Онъ умираетъ равнодушный ко всему, даже къ самому себѣ; въ свою очередь никто не пожалѣетъ о немъ, ничего онъ не оставилъ, ничьи человѣческіе интересы не пострадали отъ его смерти.

Между тѣмъ Свидригайловъ былъ образованъ, воспитанъ, богатъ, красивъ; онъ имѣлъ полное право на счастливую жизнь, но нравственная слѣпота сдѣлала для него жизнь тяжелою, довела его до самоубійства.

Въ заключеніе позволю себѣ замѣтить что, по моему мнѣнію, фигура Свидригайлова самая лучшая во всѣхъ произведеніяхъ Достоевскаго. Вѣрность психологическаго анализа

и отсутствіе перерисовки, чѣмъ грѣшитъ Достоевскій такъ часто, придаетъ этому образу крайнюю живость; кромѣ того, Свидригайловъ, можно сказать, единственный (за исключеніемъ Смердякова, очерченнаго гораздо слабѣе) во всей литературѣ типъ человѣка страдающаго нравственнымъ помѣшательствомъ. Все это смѣю думать даетъ ему право на большее вниманіе чѣмъ до сихъ поръ это было со стороны критики и публики. Можетъ-быть изо всѣхъ типовъ созданныхъ Достоевскимъ одинъ Свидригайловъ останется безсмертнымъ.

XI.

Въ глазахъ психіатра такъ много общаго между тремя братьями Карамазовыми, Раскольниковымъ, молодымъ Сокольскимъ (*Подростокъ*), что эти пять лицъ составляютъ одну группу. Уже съ дѣтства нѣкоторыя особенности ихъ характера обращали на себя вниманіе окружающихъ; Раскольникова считали очень впечатлительнымъ и пылкимъ, Алешу сосредоточеннымъ, нелюдимомъ. Въ школѣ они выдѣляются между товарищами, и несмотря на внѣшнія, благопріятныя условія, ни одинъ изъ нихъ не можетъ закончить своего образованія: Дмитрій Карамазовъ не могъ окончить ни гимназіи, ни военнаго училища, вовсе не потому чтобъ онъ былъ глупъ и неспособенъ, въ обычномъ смыслѣ этого слова; Алеша оставляетъ гимназію не окончивъ курса; Раскольниковъ—университетъ; Иванъ хотя и окончилъ курсъ въ университетѣ, но какъ бы, подчиняясь неизбѣжному фатуму тяготѣющему надъ такими людьми, въ сущности также не закончилъ своего образованія на разъ избранномъ пути, такъ какъ готовился быть натуралистомъ, но забросилъ эти науки и занялся теологіей. Неизвѣстно гдѣ учился Сокольскій, но что онъ учился урывками и мало, можно судить по тому что онъ безграмотно писалъ по-русски. Для всѣхъ этихъ лицъ какъ бы опредѣлена граница, дальше которой они идти

не могутъ; разница только въ степени: всѣ они уже на этой первой станціи человѣческой жизни оказываются несостоятельными. Безспорно, что многіе не оканчиваютъ своего образованія, но нужно вникнуть въ причину явленія: внѣшнія обстоятельства, среда, несчастныя случайности и т. п. часто прерываютъ образованіе людей способныхъ; многимъ мѣшаютъ окончить курсъ лѣнь и тупость. Карамазовы и Раскольниковъ люди способные и любознательные, ничто не мѣшало имъ учиться, а все-таки они не окончили курса.

Тѣ же внутреннія, глубоко лежащія причины мѣшаютъ имъ достигать совершенства въ избранной профессіи, заканчивать начатыя дѣла, словомъ, жить какъ большинство людей. Они скоро отказываются отъ разъ намѣченной цѣли и уже въ самомъ началѣ своей дѣятельности оказываются выбитыми изъ жизненной колеи. Дмитрій Карамазовъ и Сокольскій быстро бросаютъ военную службу; Сокольскій выйдя въ отставку занялся большою игрой, но скоро покинулъ и это занятіе, составляющее, къ сожалѣнію, для многихъ весьма серьезный элементъ жизни; Алеша оставляетъ монастырь пробывъ въ немъ всего нѣсколько мѣсяцевъ; Иванъ бросается въ литературу, увлекается теологическими вопросами и тотчасъ же самъ находитъ это занятіе безплоднымъ и кончаетъ атеизмомъ; Раскольниковъ дѣлаетъ роковой шагъ чтобъ измѣнить свою карьеру и сейчасъ же пасуетъ. Опять-таки людей выбитыхъ изъ жизненной колеи много; одни изъ нихъ по слабости не могутъ удержаться въ занятомъ или чаще данномъ имъ (родными, знакомыми) положеніи; другіе сами прокладываютъ новые пути въ жизни, находятъ ихъ, служатъ примѣрами для другихъ или гибнутъ послѣ болѣе или менѣе упорной борьбы, подъ тяжестью гнетущихъ обстоятельствъ. Про упомянутыхъ героевъ романовъ Достоевскаго этого сказать нельзя. Раскольниковъ, Иванъ и Алексѣй Карамазовы и хотѣли идти по новому пути, но силы ихъ были страшно непропорціональны взятой на себя задачѣ. Цѣли ими намѣченныя на первый взглядъ могутъ по-

казаться оригинальными, но стóитъ вникнуть внимательнѣе— и окажется что они чисто фантастическія. Чтò можетъ быть нелѣпѣе парадоксовъ Раскольникова; можно ли не удивляться намѣренію Алеши поступленіемъ въ монастырь достигнуть самосовершенствованія; развѣ не странна статья Ивана въ которой онъ тщится доказать что государство должно преобразоваться въ церковь.

Наконецъ они оканчиваютъ свою жизненную карьеру весьма скоро преступленіемъ и сумашествіемъ; только Алешу оставляетъ разсказъ еще мальчикомъ.

Необходимо напомнить что мать Раскольникова умерла помѣшанною, отецъ Карамазовыхъ пьяница и развратникъ, мать Дмитрія эксцентричная женщина, мать Ивана и Алеши страдала истерикой, Сокольскій происходилъ изъ вымирающей, выродившейся семьи.

Довольно бѣглаго взгляда на всю ихъ жизнь чтобы сказать что это какіе-то странные люди. Но назвать странными такихъ людей и тѣмъ удовлетворить свою любознательность— несвойственно человѣческому уму. Нужно было найти общіе признаки ихъ внутренняго міра, найти причины почему такіе люди намъ кажутся странными, словомъ, составить научное, антропологическое понятіе, создать естественную группу для такихъ людей, тѣмъ болѣе что такихъ людей довольно много, они играютъ роль въ жизни; необходимо выяснить чтò это за люди. Сказать что это люди сумашедшіе, то-есть причислить ихъ къ категоріи абсолютно больныхъ... вопервыхъ, это ничего не объясняетъ, вовторыхъ, такимъ образомъ черезчуръ расширилось бы понятіе о томъ чтò такое помѣшательство. Поэтому попытка считать всѣхъ очень выдающихся изъ общаго уровня людей помѣшанными была не болѣе какъ парадоксъ, введшій многихъ профановъ въ обманъ и давшій имъ право говорить, что психіатры считаютъ помѣшанными всѣхъ людей. Извѣстное положеніе что геній и помѣшательство одно и то же—также не болѣе какъ парадоксъ; понятно что и геніальный человѣкъ можетъ стра-

дать душевною болѣзнью, но помѣшательство — это всегда тормазъ для его генія. Геній прямая противоположность помѣшательству: геній схватываетъ предметы глубже, съ большаго числа сторонъ чѣмъ обыкновенный умъ; душевно-больной или видитъ меньше чѣмъ здоровый, или въ лучшемъ случаѣ можетъ понимать только крайне односторонне и потому ошибочно. Впрочемъ, этого краткаго замѣчанія довольно чтобы не возвращаться къ опроверженію ходячаго мнѣнія о геніи. Только въ послѣднія тридцать лѣтъ наукѣ удалось выяснить что это за странные люди, каковы Карамазовы, Раскольниковъ и Сокольскій. Morel обратилъ вниманіе ученаго міра на то какое громадное вліяніе имѣютъ душевныя болѣзни и пьянство родителей на психическую организацію дѣтей, доказалъ что у лицъ съ наслѣдственнымъ расположеніемъ къ помѣшательству душевныя болѣзни часто протекаютъ своеобразно, что они часто страдаютъ особою формой душевной болѣзни, которую и назвалъ наслѣдственнымъ помѣшательствомъ. Съ тѣхъ поръ все вниманіе врачей было направлено на изученіе лицъ съ наслѣдственнымъ расположеніемъ; скоро стало ясно что такъ-называемыя странныя, эксцентричныя натуры въ большинствѣ случаевъ не болѣе какъ наслѣдственно-предрасположенныя къ помѣшательству, что психическая организація этихъ лицъ по своему существу та же самая какъ и у больныхъ съ ясно выраженнымъ наслѣдственнымъ предрасположеніемъ. Словомъ, выработалось ученіе о психическомъ вырожденіи и выяснилось что признаки вырожденія суть признаки психической организаціи этихъ странныхъ эксцентрическихъ натуръ. Было бы наивно думать что мы знакомы со всѣми элементами такой психической организаціи, что мы поняли сущность бьющихъ въ глаза аномалій у этихъ лицъ. Извѣстно только кое-что; психическая болѣзнь, пьянство родителей и нелѣпые поступки, вотъ признаки которыми часто приходится довольствоваться для причисленія даннаго лица въ эту группу. Извѣстны и физическіе признаки вырожденія—о нихъ я

не буду говорить, но они не всегда бываютъ на лицо. Сдѣлать же психологическій анализъ субъекта, прослѣдить шагъ за шагомъ, благодаря какимъ особенностямъ воспріятія, ассоціаціи, чувствованія и т. п., являются поражающіе насъ поступки—не всегда возможно; еще психологія далеко не разработана, а антропологія находится въ младенческомъ состояніи.

Но нѣкоторые признаки вырожденія намъ извѣстны; чаще всего у лицъ съ явленіями вырожденія наблюдаются повышенные патологическіе аффекты; это практически весьма важный и рѣзкій симптомъ разбираемаго болѣзненнаго состоянія.

Понятіе объ аффектѣ не только среди публики, но даже и между врачами довольно неясно; между тѣмъ, благодаря гласности судопроизводства и тому значенію какое придаетъ патологическому аффекту наше законодательство (дѣяніе совершенное въ состояніи патологическаго аффекта не вмѣняемо), для каждаго образованнаго человѣка обязательно знать что̀ такое патологическій аффектъ. Поэтому считаю нужнымъ остановиться на разъясненіи, что̀ понимаютъ какъ патологическій аффектъ современныя психологія и психіатрія.

Нашимъ конкретнымъ представленіямъ постоянно сопутствуютъ чувствованія. Родъ окраски (удовольствія, неудовольствія), говоря вообще, зависитъ какъ отъ содержанія представленій, ихъ интенсивности и продолжительности, такъ и отъ способа какимъ совершается теченіе представленій (замедленіе, задержка процесса производятъ чувство неудовольствія и т. п.). Сумма или, говоря правильнѣе, равнодѣйствующая всѣхъ въ данный моментъ существующихъ чувствованій есть настроеніе. Представленія при нѣкоторыхъ условіяхъ (внезапность, особое ихъ содержаніе, важное значеніе для самаго интимнаго ядра личности) вызываютъ крайне интенсивныя чувствованія, бурно потрясающія сознаніе, измѣняющія теченіе представленій—получаются аффекты, то-есть

непосредственное воздѣйствіе чувствованія на теченіе представленій. Каждое живое чувствованіе легко вызываетъ аффектъ, съ которымъ и сливается въ одно неразрывное цѣлое. Въ большинствѣ случаевъ является внезапное угнетеніе теченія представленій, угнетающіе аффекты; рѣже, напротивъ, теченіе представленій ускоряется, является облегченіе процесса—возбуждающіе аффекты. Сильныя чувствованія, кромѣ вліянія на теченіе представленій, вліяютъ на органы кровообращенія, дыханія, движенія (краснота или блѣдность лица, ускореніе дыханія и т. д.). Такимъ образомъ въ аффектѣ, независимо отъ нашего *я*, въ сознаніе врываются новыя представленія, въ свою очередь связанныя съ болѣе или менѣе живыми чувствованіями (напримѣръ, взглядъ на направленный противъ насъ пистолетъ возбуждаетъ чувствованія страха, представленія о смерти, вызывающія глубокія чувствованія, представленія о томъ что̀ приходится потерять, съ непремѣннымъ при этомъ чувствомъ печали, образы дорогихъ намъ людей и т. д.). Та энергія (чтобы не вдаваться въ спорные вопросы психологіи, я ограничусь этимъ общефизическимъ понятіемъ), благодаря которой мы управляемъ теченіемъ нашихъ представленій, нашими стремленіями, нашими движеніями и до извѣстной степени дыханіемъ и кровообращеніемъ, можетъ оказаться достаточною чтобъ овладѣть массой новыхъ, живыхъ представленій оттѣненныхъ столь живыми чувствованіями, распредѣлить эти представленія въ привычномъ каждому изъ насъ порядкѣ, подавить ихъ, словомъ, что̀ называется овладѣть собой; тогда аффектъ остается въ физіологическихъ границахъ.

Но если эта энергія окажется недостаточною, ворвавшіяся въ сознаніе представленія съ сопутствующими имъ чувствованіями естественно потекутъ въ хаотическомъ безпорядкѣ, непосредственно вызовутъ соотвѣтствующія движенія и общеизвѣстныя явленія со стороны дыханія и кровообращенія. Въ такихъ случаяхъ сознаніе субъекта или остается, при меньшей энергіи аффекта, такъ сказать пассивнымъ зрите-

ніемъ происходящаго бурнаго движенія, или, при сильныхъ аффектахъ, отчасти, а то и совершенно затемняется. Причины болѣе или менѣе полнаго помраченія сознанія въ сущности ясны и физіологическія, и психологическія; какую роль играютъ разстройства кровообращенія въ помраченіи сознанія, знаетъ каждый по собственному опыту (обмороки, головокруженія). Теченіе идей въ аффектѣ можетъ быть быстро, такъ непривычно субъекту что онъ не можетъ ими овладѣть, кромѣ того, возникаетъ сразу такая масса представленій и чувствованій что сознаніе не въ силахъ схватить ихъ; наконецъ, представленія и особенно связанныя съ ними чувствованія по своей силѣ могутъ затемнить сознаніе, въ родѣ того какъ сильная боль можетъ довести до потери его.

Задача психіатріи изучить при какихъ условіяхъ аффекты становятся патологическими, хотя какъ теоретически такъ и практически, in foro, нельзя провести рѣзкой границы между физіологическимъ и патологическимъ аффектами; аффектъ составляетъ переходную ступень отъ нормальнаго состоянія къ патологическому. Принято считать патологическими такіе, когда бываетъ потеря самосознанія, и слѣдовательно отсутствуетъ затѣмъ воспоминаніе за все время аффекта, или по крайней мѣрѣ за тотъ періодъ времени когда аффектъ достигаетъ наибольшей высоты. Пораженный патологическимъ аффектомъ представляетъ полное помраченіе внѣшнихъ чувствъ, доходящее до обмана чувствъ и бреда. Человѣкъ не сознаетъ болѣе своихъ поступковъ; они перестаютъ быть свободными, контролируемыми волей дѣйствіями, а становятся безсознательными проявленіями непосредственнаго раздраженія психомоторныхъ центровъ мозговой коры. Понятно, что почти у всякаго психически-здороваго при извѣстныхъ обстоятельстахъ аффектъ можетъ дойти до степени патологическаго, напримѣръ, при сильномъ испугѣ (внезапность; такъ-называемые трусливые люди иногда теряютъ сознаніе и совершаютъ нелѣпые поступки).

Но у людей съ явленіями психическаго вырожденія легко наступаютъ патологическіе аффекты. Сравнительно ничтожжныя причины, то-есть такія которыя у здороваго не могутъ вызвать сильнаго аффекта, у нихъ уже влекутъ за собой сильнѣйшіе, даже патологическіе аффекты.

Дмитрій Карамазовъ почти весь промежутокъ времени который мы видимъ его въ романѣ находится въ состояніяхъ аффекта; аффекты наиболѣе сильные, у Дмитрія сильные настолько что онъ теряетъ самообладаніе и ясность сознанія, это аффекты гнѣва. Такихъ людей прежде даже считали одержимыми особою формой помѣшательства—гнѣвнымъ помѣшательствомъ, excandescentia furibunda. Въ монастырѣ цинизмъ отца доводитъ Дмитрія до гнѣвнаго аффекта; онъ, несмотря на искреннее желаніе держать себя благопристойно, забывается, бранится и т. п. Чувство ревности доводитъ его до того что послѣ того какъ ему показалось будто Груня прошла въ домъ старика Карамазова, онъ врывается въ домъ отца, бьетъ и отца и ни въ чемъ неповиннаго Григорія, котораго вообще уважаетъ и любитъ; наконецъ, подъ вліяніемъ ревности, досады, онъ окончательно осатанѣлъ и безо всякой надобности бьетъ на смерть опять-таки совершенно невиннаго предъ нимъ и безвреднаго въ сущности для него Григорія. Въ спокойномъ состояніи онъ конечно понялъ бы что бить до смерти для него ни въ какомъ случаѣ не было необходимости. Подъ вліяніемъ аффекта онъ даже не въ состояніи былъ оцѣнить что онъ совершилъ тяжкое уголовное преступленіе, за которое его ожидаютъ и законное наказаніе, и упреки совѣсти. Впрочемъ, Достоевскій такъ ясно и живо описалъ тотъ безпорядокъ въ теченіи идей и чувствованій за этотъ промежутокъ времени что лучшую характеристику душевнаго состоянія при аффектѣ дать едва ли возможно. Стоитъ припомнить какъ Дмитрій хватаетъ пестикъ, его обращеніе съ горничной Груни, то какъ онъ распоряжался деньгами, мытье рукъ, не связанные никакою послѣ-

довательностью разговоры съ Перхотинымъ, чтобы понять душевное состояніе характеризующее аффекты.

Но рядомъ съ гнѣвными аффектами, къ которымъ возбудимость у Дмитрія всего сильнѣе, какъ это чаще всего и бываетъ у такихъ субъектовъ, онъ также живо, энергическими аффектами, реагируетъ и на другія впечатлѣнія; надежда на возможность взаимности со стороны Груни сразу измѣняетъ душевное состояніе, производитъ безумный аффектъ радости: онъ забываетъ о только-что совершенномъ преступленіи (впрочемъ, это выраженіе неправильно: всякое воспоминаніе о только что сдѣланномъ преступленіи сразу вытѣсняется съ неудержимою силой ворвавшимися новыми представленіями), о съ минуты на минуту ожидающемся арестованіи; даже мысль объ этомъ роковомъ обстоятельствѣ не закрадывается въ его сознаніе, такъ оно всецѣло поглощено представленіями вызванными радостнымъ аффектомъ; онъ дѣлается словно пьяный (опьяненіе радостью), со всѣми цѣлуется, дружится со смертельнымъ врагомъ и т. п. Тутъ въ высшей степени интересно съ какою правдивостью Достоевскій создалъ сцену этой моментальной смѣны аффектовъ и тѣмъ еще полнѣе оттѣнилъ основной признакъ такой психической организаціи. Та же способность легко подпадать вліянію аффекта обусловливаетъ и его благородный поступокъ съ Катей; взглядъ на эту энергическую, честную, безпомощную дѣвушку сразу измѣняетъ и господствующія въ немъ чувствованія (сладострастіе и цинизмъ), и теченіе его мыслей; является новое сильное чувствованіе, возбуждающее новыя, настолько живыя представленія, что Дмитрій отдаетъ свои послѣднія деньги. Словомъ, онъ вдругъ измѣняется.

Вообще у него аффекты были настолько сильны, что подавляли самый сильный инстинктъ, самосохраненія; на судѣ, когда нѣсколько часовъ приличнаго поведенія были для него необходимы чтобы добиться смягченія наказанія, ничтожное замѣчаніе свидѣтеля тотчасъ же вызывало такое бурное ду-

шевное движеніе, что онъ не могъ удержаться чтобы не говорить себѣ же во вредъ.

Такимъ образомъ, за весь періодъ описанный въ романѣ, жизнь Дмитрія состояла въ безпрерывной смѣнѣ аффектовъ; спокойное душевное состояніе, составляющее обычное явленіе у здоровыхъ людей, для него было исключеніемъ: не онъ управлялъ своими чувствами, мыслями, поступками; напротивъ, онъ былъ просто слѣпымъ орудіемъ аффектовъ. Но можно ли назвать его душевно-больнымъ? Вѣдь онъ и воспринимаетъ и перерабатываетъ воспринятое правильно, не галлюцинируетъ, идей бреда не высказываетъ, память не потеряна. Но уже одна живость реакціи, легкое появленіе сильныхъ аффектовъ, ведетъ къ крайне капризному сочетанію идей; да и можетъ ли въ такомъ состояніи человѣкъ правильно воспринимать окружающее? Ему некогда сосредоточиться, подумать, обсудить; представленія вызываются только соотвѣтствующія данному аффекту, смѣняются новыми, не успѣваютъ еще войти въ прочную связь между собой какъ уже вытѣсняются новыми. Развѣ такъ протекаетъ духовная жизнь другихъ людей? Въ тюрьмѣ, въ бесѣдѣ съ Алешей, ясно проявляется его полная неспособность къ послѣдовательному мышленію, невозможность для него прямо связать рядъ представленій въ одно цѣлое. Онъ переходитъ отъ одной темы къ другой, не успѣваетъ развить ни одного своего положенія, безпрестанно перерываетъ себя, часто повторяетъ фразы ни чѣмъ не связанныя съ предыдущею и послѣдовательною рѣчью (Бернары, Слава въ вышнихъ и т. п.), то рѣшается исправиться и мужественно перенести угрожающее наказаніе, то стремится къ прежней жизни. Словомъ, матеріала (представленій) душевной жизни достаточно, но связь его крайне капризна, безпорядочна. Насколько быстро измѣняется направленіе его мыслей, даже при сравнительно благопріятной для спокойнаго состоянія обстановкѣ, можно видѣть, напримѣръ, какъ живо измѣняется все его *я* когда онъ, рисуя картину своей будущей жизни каторжника, вспо-

минаетъ что его могутъ разлучить съ Груней; тотчасъ же это представленіе о возможности разлуки возбуждаетъ живыя чувства злобы и печали, и въ сознаніи являются новыя комбинаціи представленій, мысли принимаютъ совсѣмъ противоположное направленіе; возникаютъ другія желанія, другія стремленія. Объективное, независимое отъ чувствованій мышленіе для него почти невозможно, между тѣмъ такое мышленіе составляетъ не послѣднюю функцію душевной дѣятельности здоровыхъ людей.

Мнѣ кажется что Достоевскій такъ ясно очертилъ душевный складъ Дмитрія Карамазова, что сама собой становится ясна разница между аффектомъ и страстью; страстность даже до извѣстной степени исключаетъ способность къ живымъ аффектамъ; указываютъ для потвержденія этого закона на характеры націй (Итальянцы, Французы). Различіе между страстью и аффектомъ вполнѣ удовлетворительно выяснено еще Кантомъ, опредѣлившимъ страсть какъ непреодолимое или трудно преодолимое для разума стремленіе, а аффектъ какъ преобладаніе въ душѣ чувства удовольствія или страданія недопускающее размышленія.

Естественно что при такомъ патологическомъ характерѣ Дмитрій не былъ способенъ къ какой-либо полезной дѣятельности, не могъ быть терпимъ въ обществѣ; скандалы, драки, преступленія—вотъ сфера такихъ людей. И если онъ и могъ быть великодушенъ, то для этого нужно было много условій, рѣдко встрѣчающихся въ повседневной жизни. Рано или поздно такіе люди попадаютъ въ тюрьму, гдѣ они составляютъ несчастіе для администраціи и товарищей: только заведеніе для душевно-больныхъ было бы для нихъ полезнымъ убѣжищемъ.

Говорить о томъ что Дмитрій могъ сдерживаться, что его вызывали на преступленія исключительныя обстоятельства, значитъ рѣшительно не понимать его характера. Понятно что такую неправильность характера Дмитрія можно объяснять недостаточностью воспитанія въ дѣтствѣ и отсутствіемъ

благотворнаго вліянія разумной среды въ жизни. Но еслибъ это и было такъ, то это только доказало бы что хорошая, правильно обставленная школа можетъ исправить, сгладить врожденныя недостатки характера. Еслибы побольше людей въ родѣ старика-доктора встрѣчалось въ жизни Дмитрія, еслибы воспитаніе и жизнь установили правильнѣе его характеръ, вѣроятно что его аффекты были бы слабѣе, самообладаніе было бы болѣе развито. Кто же сомнѣвается въ томъ что разумное обращеніе лучшее средство исправленія: вѣдь и душевно-больные легко поддаются хорошо организованной дисциплинѣ; главная задача правильно устроенныхъ заведеній для душевно-больныхъ, это перевоспитаніе паціентовъ.

Не рѣшая вопроса: находился ли Дмитрій въ состояніи вмѣняемости во время совершенія преступленія, я положительно утверждаю что единственно возможный способъ сдѣлать изъ Дмитрія способнаго члена общества, это лѣчить или, правильнѣе говоря, перевоспитать его въ больницѣ. По этому поводу позволю себѣ высказать мой личный взглядъ на задачу врача-эксперта предъ судомъ. По моему мнѣнію, врачъ только долженъ рѣшить вопросъ есть ли подсудимый паціентъ или нѣтъ, то есть нуженъ ли, полезенъ ли для него домъ душевно-больныхъ. Только такая постановка вопроса можетъ удовлетворять цѣли правосудія; теперь же нерѣдко экспертъ долженъ самъ себѣ противорѣчить. Напримѣръ, на заданный судомъ вопросъ, боленъ или нѣтъ Дмитрій, могъ ли по роду и степени болѣзни онъ управлять своими поступками, вѣроятно большинство психіатровъ отвѣтило бы, что Дмитрія нельзя назвать душевно-больнымъ въ строгомъ смыслѣ этого слова, что онъ понималъ значеніе совершаемыхъ преступленій, но не думаю чтобы одинъ разумный психіатръ рѣшился утверждать что для Дмитрія будетъ полезнѣе тюрьма чѣмъ больница для душевно-больныхъ. Для обыкновенныхъ же преступниковъ больница была бы и болѣе тяжкимъ наказаніемъ, и не принесла бы никакой пользы.

Впрочемъ, я хорошо знаю что ни юристы, ни психіатры не согласятся со мной въ пониманіи задачъ врача-эксперта: почему это такъ, объ этомъ нужно было бы говорить слишкомъ много.

Дмитрій представляетъ собою чистой типъ человѣка съ сильными аффектами, преимущественно гнѣвными; но и другія лица этой группы крайне легко приходятъ въ состояніе живаго аффекта. Самый сдержанный изъ нихъ (большой умъ и продолжительное образованіе помогли ему управлять собой) это Иванъ Карамазовъ, но и этотъ образованный человѣкъ настолько поддается чувству гнѣва что бьетъ больнаго, беззащитнаго Смердякова. Насколько сильны аффекты у Алеши, можно судить по тому состоянію въ которое его привела смерть Зосимы; этотъ двадцатилѣтній юноша плакалъ слезами радости, лежа на землѣ безо всякаго повода; смерть отца Зосимы такъ потрясла его что вызвала ничѣмъ не мотивированное настроеніе, мысли и чувства возникли въ новой комбинаціи, завладѣли Алешей безо всякаго участія его воли: на него «нашло». У Алеши и Сокольскаго вообще замѣчается легкая подвижность чувства, дѣлающая ихъ поразительно воспріимчивыми, впечатлительными, такъ что собственно индифферентнаго или нормальнаго настроенія, то-есть свободнаго отъ душевныхъ волненій, у нихъ не бываетъ. Сущность психической организаціи Сокольскаго дѣлается понятною, благодаря одной его фразѣ; когда Версиловъ его спрашиваетъ почему онъ согласился участвовать въ подлогѣ, то Сокольскій (а искренности его можно повѣрить) отвѣтилъ: «то-есть, видите ли, я зналъ, и не зналъ. Я смѣялся, мнѣ было весело. Я ни о чемъ тогда не думалъ... Я зналъ, но мнѣ было весело, и я помогъ подлецамъ-каторжникамъ... и помогъ я за деньги!» Вотъ объясненіе поступкамъ такихъ лицъ, и одного этого мѣста достаточно чтобы поставить высоко Достоевскаго какъ знатока патологіи души.

У всѣхъ людей, за исключеніемъ немногихъ избранниковъ, настроеніе играетъ нѣкотоурю роль въ теченіи ихъ мыслей и поступкахъ; кто не знаетъ что человѣкъ послѣ хорошаго обѣда становится добродушнѣе, лѣнивѣе чѣмъ былъ до обѣда и т. п. Настроеніе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ создается милліономъ ощущеній какъ сознательныхъ, такъ и безсознательныхъ (въ томъ числѣ и обусловливаемыхъ органами дыханія, кровообращенія, питанія и т. д.). Опредѣлить чѣмъ обусловлено настроеніе въ данный моментъ крайне трудно, почти невозможно; самые наблюдательные, вдумчивые люди иногда не могутъ дать себѣ отчета, почему они въ томъ или другомъ настроеніи: въ той суммѣ которая называется настроеніемъ безсознательная жизнь конечно составляетъ бо̀льшую часть, чѣмъ сознательная. Однако не даромъ же мы называемся сознательными, разумными существами: настроеніе играетъ только нѣкоторую (и чѣмъ выше психическая организація субъекта, тѣмъ меньшую) роль въ нашей жизни. По крайней мѣрѣ наши серіозные поступки мы стараемся дѣлать независимыми отъ настроенія. Люди испорченные воспитаніемъ или жизнію (напримѣръ, властію) привыкаютъ поддаваться своему настроенію, даже щеголяютъ тѣмъ что дошли до того низшаго состоянія, когда разумное существо руководится несознательными цѣлями, а совсѣмъ ему непонятными, чисто животными мотивами; раскричаться когда подчиненный попался подъ злую руку, облагодѣтельствовать (конечно на грошъ) если подъ добрую, то всегда составляетъ характерную черту такихъ глубоко испорченныхъ людей.

Но у Сокольскаго, Алеши и Раскольникова настроеніе играетъ большую роль; настроеніе (даже не аффектъ) всецѣло руководитъ дѣйствіями этихъ людей. Сокольскій участвуетъ въ подлогѣ потому что ему было весело; ему некогда было думать о томъ что̀ онъ дѣлаетъ, онъ проживаетъ чужое состояніе потому что ему было скучно и т. п. Алеша бросаетъ гимназію потому что имъ овладѣваетъ какое-то неясное чувство тоски, онъ ѣдетъ посѣтить могилу матери, но погля-

дѣвъ на нее одинъ разъ, остается въ томъ же настроеніи. Этотъ примѣръ хорошо объясняетъ намъ какъ такіе люди совершаютъ удивляющіе насъ поступки. Побывать на могилѣ матери дѣло столь естественное, но Алеша оставляетъ гимназію, чего вовсе не нужно, для того чтобы съѣздить на могилу, на время весь поглащается мыслію объ исполненіи этого сыновняго долга, исполняетъ его кое-какъ, и настроеніе вызвавшее этотъ поступокъ остается; и вотъ вмѣсто разумнаго поступка является что-то странное, потому что дѣйствительнымъ мотивомъ дѣйствій Алеши была не осмысленная сознательная цѣль, а неясное, непонятное ему настроеніе. Онъ не могъ съ этимъ настроеніемъ продолжать учиться и жить по старому, и вотъ является предлогъ, и Алеша самъ себя обманываетъ, чтобъ объяснить себѣ почему онъ бросаетъ гимназію и ѣдетъ на родину.

Только преобладаніемъ настроенія надо всею духовною жизнію и можно объяснить поступленіе его въ манастырь. Что въ наше время юноши изъ образованной среды не идутъ въ монастырь, это фактъ самъ по себѣ объясняющій почему не можетъ быть разумной цѣли въ такомъ поступкѣ. Авторъ также не объясняетъ разумныхъ мотивовъ обусловившихъ этотъ поступокъ Алеши, и самъ отрицаетъ въ немъ и тотъ темпераментъ и то воспитаніе, которое создаетъ истинныхъ монаховъ; если и допустить что въ возрастѣ Алеши можно быть истиннымъ монахомъ; между тѣмъ въ романѣ вполнѣ объяснено почему отецъ Зосима сдѣлался монахомъ.

Поступленіе Алеши въ монастырь можно объяснить только преобладаніемъ, господствующимъ значеніемъ въ его духовной жизни настроенія, чувствомъ тоски, неудовлетворенности вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстнымъ въ психіатріи фактомъ, «періодомъ половаго развитія, когда возбужденное еще неясными половыми ощущеніями чувство очень легко объективируется въ религіозной мечтательности»; все это на физіологичес-

кой почвѣ суть доказательства въ пользу внутренняго сродства существующаго между преувеличеннымъ религіознымъ рвеніемъ и половымъ влеченіемъ.» (*Крафтъ-Эбингъ*, т. I, стр. 79). Внѣ всякаго сомнѣнія что усиленное половое чувство иногда проявляется необыкновеннымъ религіознымъ рвеніемъ, преобладающей склонностію къ религіознымъ упражненіямъ, а Достоевскій указалъ на общее семьѣ Карамазовыхъ сладострастіе; даже Алеша признавался что онъ боится этого чувства; вслѣдствіе же разныхъ причинъ Алеша избѣгалъ естественнаго удовлетворенія этого чувства. Такимъ образомъ столь крупный шагъ въ жизни какъ поступленіе въ монастырь, у Алеши былъ просто удовлетвореніемъ сильнаго вліянія малосознательныхъ настроеній, и глубоко правъ психіатръ Морель называя лицъ съ явленіями психическаго вырожденія инстиктивными людьми.

Подтверждается такое объясненіе и тѣмъ обстоятельствомъ что Алеша безо всякаго повода оставилъ манастырь, такъ какъ очевидно что смерть отца Зосимы не имѣла никакого значенія: чтобы пользоваться совѣтами и обществомъ отца Зосимы не нужно было поступать въ монастырь, какъ это говорилъ и самъ мудрый старецъ. Просто прошло настроеніе и Алеша, подъ вліяніемъ новыхъ настроеній, увлекается новою дѣятельностью, но хотя трудно судить что собственно побудило его избрать именно эту дѣятельность; можно почти навѣрное предсказать, что онъ скоро ее броситъ, такъ какъ тысячелѣтній опытъ доказалъ всѣмъ кромѣ Алеши (такіе люди мало доступны логическимъ доводамъ) что прежде чѣмъ учить другихъ нужно учиться самому.

Въ качествѣ инстинктивнаго человѣка для него не существуетъ ни науки, ни общественной жизни; по крайней мѣрѣ, несмотря на свое образованіе и на время въ которое живетъ, онъ рѣшительно не обнаруживаетъ интереса къ чему-либо не вытекающему изъ его настроенія и влеченія (религіозные вопросы.)

Достоевскій старался выставить его крайне симпатичнымъ, чуть ли не героемъ. На этотъ разъ позволю себѣ рѣшительно не согласиться съ авторомъ: Алеша, какъ мнѣ кажется, можетъ возбуждать только участіе какъ всякое слабое болѣзненное существо. Если онъ пока не сдѣлалъ ничего дурнаго, то это не больше какъ случайность; такіе люди черезчуръ мягкій воскъ въ рукахъ окружающихъ, сознательное ихъ *я* крайне бѣдно и слабо. Чего въ самомъ дѣлѣ можно ожидать отъ человѣка оставшагося даже въ восемнадцать лѣтъ совершенно чуждымъ всякимъ сознательнымъ порывамъ къ научной или общественной дѣятельности!

У Раскольникова и Ивана Карамазова, кромѣ всѣхъ этихъ аномалій психической организаціи, рѣзко проявляется одна общая черта дѣлающая ихъ въ этомъ отношеніи весьма сходными. Но прежде два слова о Раскольниковѣ вообще. О характерѣ Раскольникова было уже много сказано критикой; всякій образованный Русскій и даже иностранцы знакомы съ романомъ *Преступленіе и Наказаніе*, и конечно всякій составилъ себѣ болѣе или менѣе опредѣленное понятіе объ этой, во всякомъ случаѣ, загадочной личности. Поэтому весьма трудно еще разъ разбирать этотъ характеръ и защищать взглядъ рѣзко расходящійся съ уже составленнымъ.

Впрочемъ, чѣмъ явленіе выбранное художникомъ сложнѣе, тѣмъ болѣе оно возбуждаетъ сужденій, до извѣстной степени справедливыхъ, несмотря на ихъ противоположность. Когда я въ первый разъ читалъ этотъ романъ еще будучи студентомъ, онъ на меня произвелъ подавляющее впечатлѣніе, но я совершенно не понялъ Раскольникова, и несмотря на всѣ мои попытки объяснить себѣ этотъ характеръ, я долженъ былъ признаться себѣ, что онъ остается для меня неразрѣшимою загадкой. Познакомившись со психіатріей, я еще разъ перечелъ *Преступленіе и Наказаніе* съ новымъ интересомъ. Я, какъ врачъ собирающій свѣдѣнія объ интересномъ въ ме-

дицинскомъ отношеніи больномъ, искалъ въ романѣ указаній о здоровьѣ родителей Раскольникова, такъ какъ только у лицъ съ наслѣдственнымъ расположеніемъ къ душевнымъ болѣзнямъ могутъ быть такія явленія, и когда я прочелъ (обстоятельство, не обратившее прежде моего вниманія и не оцѣненное мною) что мать Раскольникова умерла душевнобольною, я понялъ Раскольникова и еще разъ убѣдился въ геніальности Достоевскаго.

Даже скептикъ долженъ согласиться, что человѣкъ подъ вліяніемъ раскаянія заболѣвающій душевною болѣзнію въ значительной степени склоненъ къ заболѣванію душевными болѣзнями. Та легкость и быстрота съ которою Раскольниковъ заболѣваетъ душевною болѣзнію и оправляется отъ нея, вмѣстѣ съ тѣмъ что извѣстно о здоровьѣ его матери, достаточно убѣдительно доказываетъ что онъ субъектъ съ сильно выраженнымъ наслѣдственнымъ предрасположеніемъ къ заболѣванію душевными болѣзнями, такъ-сказать, постоянно стоящій на краю пропасти. Двухъ этихъ обстоятельствъ достаточно чтобы считать Раскольникова человѣкомъ крайне болѣзненнымъ, ожидать всегда отъ него поступковъ несвойственныхъ здоровымъ людямъ.

Поэты моралисты сильно ошибаются думая что муки совѣсти доводятъ преступниковъ до сумашествія. Макбетъ и леди Макбетъ исключительныя явленія; если преступники и нѣсколько чаще страдаютъ душевными болѣзнями, то для этого много другихъ причинъ, кромѣ вліянія раскаянія; впрочемъ, объ этомъ я уже говорилъ.

Преступниковъ галлюцинирующихъ своими жертвами едва ли видѣлъ каждый тюремный врачъ; такъ они рѣдки. За нѣсколько лѣтъ моей дѣятельности въ тюремныхъ больницахъ я положительно не видѣлъ ни одного случая помѣшательства причиной котораго были бы муки совѣсти, не наблюдалъ ни разу помѣшательства содержаніе котораго имѣло бы непосредственное отношеніе къ преступленію. Впрочемъ, по этому поводу и не существуетъ разногласій. Достоевскій показалъ

въ разбираемомъ романѣ насколько справедливы мнѣнія поэтовъ и публики о томъ, что преступленіе въ самомъ себѣ содержитъ такое тяжкое наказаніе что преступникъ подъ вліяніемъ раскаянія заболѣваетъ душевною болѣзнею. Да, заболѣваютъ душевною болѣзнею вслѣдствіе мученій совѣсти, но не обыкновенные преступники, а Раскольниковы. Этимъ романомъ Достоевскій показалъ что сравнительно съ другими художниками, онъ стоитъ неизмѣримо высоко, какъ психопатологъ.

Я уже упомянулъ что у Раскольникова и Ивана Карамазова есть одна общая черта; это люди съ умомъ выше средняго и значительно обработаннымъ, хотя для нихъ обоихъ оказалось недостижимымъ полное образованіе; извѣстной границы они переступить не могли. Оба они люди съ потребностью къ серіозной умственной дѣятельности, одаренные самостоятельною творческою мыслію. Продукты ихъ ума для обыкновенныхъ людей представляются странными, парадоксальными, рядомъ остроумныхъ, пожалуй блестящихъ выводовъ изъ узко или ложно понятаго основанія. Какъ теорія Раскольникова о правѣ генія распоряжаться человѣческою жизнію, такъ и взглядъ Ивана, что церковь должна поглотить государство; намъ, людямъ извѣстной культуры, просто недоступны; еслибы мы даже не были въ силахъ доказать ложность этихъ теорій, то все-таки отнюдь не могли бы съ ними согласиться. Конечно, это еще не доказательство того, что творцы ихъ люди больные: всегда появляются люди говорящіе новое слово. Огромному большинству проповѣдь ихъ кажется нелѣпостью, бредомъ, но все-таки ихъ никто не рѣшается назвать сумашедшими; напримѣръ, ученіе мармоновъ, сенъ-симонизмъ большинству представляется или вздоромъ, или шарлатанствомъ. Но оригинальные, парадоксальные умы конечно имѣютъ полное право на свободу въ качествѣ людей здоровыхъ. Они можетъ-быть преступники мысли, но не сумашедшіе. Замѣчательное явленіе: ни Раскольниковъ, ни Иванъ не находятъ адептовъ своему ученію;

это уже рѣзко ихъ отличаетъ ото всѣхъ другихъ новаторовъ, такъ какъ, сколько извѣстно изъ исторіи и психологіи, умъ высшаго порядка (способный къ творческой дѣятельности) всегда подчиняетъ себѣ умы болѣе слабые. Является самъ собой роковой вопросъ: почему Раскольниковъ и Иванъ, люди съ блестящимъ умомъ, не могли никого убѣдить въ справедливости своихъ воззрѣній. Объясненіе этому въ сущности просто: сами авторы не вѣрили въ справедливость своихъ взглядовъ. Ивана нельзя даже назвать атеистомъ: атеизмъ, въ качествѣ школы, философскаго воззрѣнія есть какъ бы нѣкоторое подобіе вѣры; я хочу сказать что Иванъ былъ просто циникъ въ самомъ дурномъ смыслѣ этого слова, то-есть человѣкъ дошедшій сначала до отрицанія Бога, а затѣмъ и всѣхъ нравственныхъ законовъ; все позволено, все хорошо, нѣтъ ничего нравственнаго и безнравственнаго и т. п. Но онъ только думалъ такъ, чувствовалъ же иначе: убійство отца его возмутило; такимъ образомъ очевиденъ цѣлый рядъ противорѣчій. Раскольниковъ только на минуту повѣрилъ въ справедливость своихъ взглядовъ, да и то не вполнѣ, и сейчасъ же отъ нихъ отказался. Вотъ самый рѣзкій характерный признакъ такихъ болѣзненныхъ умовъ; такіе люди никогда не вѣрятъ въ то, что̀ сами проповѣдуютъ. Ихъ теоріи не стоятъ въ соотвѣтствіи со всею ихъ натурой, съ цѣлымъ ихъ *я*; это просто рядъ выводовъ не имѣющихъ никакой цѣны, никакого живаго значенія для самихъ авторовъ. По временамъ, они съ жаромъ защищаютъ свои теоріи, въ душѣ сами сомнѣваясь; и какъ бы умны они ни были, окружающіе инстинктивно чувствуютъ что имѣютъ дѣло съ болтунами (даже простые монахи заподозрили Ивана въ атеизмѣ). Эти люди не могутъ имѣть глубокихъ убѣжденій; умъ ихъ работаетъ черезчуръ порывисто, не можетъ на продолжительное время завладѣть остальными функціями, не стоитъ въ гармоніи со всею духовною дѣятельностью. Демократы живущіе на хлѣбахъ у вельможъ, проповѣдники нравственности удивляющіе окружающихъ своею безнравствен-

ностью, набожные люди постоянно нарушающіе всѣ законы религіи и дѣлающіе это искренно, не изъ обдуманно-корыстныхъ цѣлей, все это именно такіе болѣзненные умы; біографіи многихъ авантюристовъ какъ нельзя болѣе убѣждаютъ въ справедливости этого положенія. Lombroso, долго изучавшій біографіи великихъ людей страдавшихъ душевными болѣзнями, говоритъ что отличительный признакъ такихъ людей тотъ, что слово всегда у нихъ расходилось съ дѣломъ. Чѣмъ, напримѣръ, можно объяснить что Ж. Ж. Руссо забросилъ своихъ дѣтей?

Необходимо приходится заключить что мышленіе, творческая способность Раскольникова и Ивана рѣзко отличались отъ этихъ функцій у людей нормальныхъ; кромѣ того, они сами во глубинѣ души не вѣрили въ справедливость своихъ теорій, которыя оставались чуждыми ихъ *я*.

Я полагаю что объяснять парадоксальность теоріи Раскольникова излишне. Взгляды Ивана представляютъ анахронизмъ. Какъ они дошли до своихъ взглядовъ, что побудило мягкаго, добраго, честнаго Раскольникова дойти до такой кровожадной теоріи, естественника Ивана во время всеобщаго увлеченія вглядами натуралистовъ сдѣлаться новымъ quasi-апостоломъ, въ 25 лѣтъ увлечься сочиненіемъ религіозныхъ легендъ? Читая хорошо составленную біографію какого-нибудь избранника сказавшаго свое слово, мы всегда до извѣстной степени можемъ прослѣдить, какъ зараждались извѣстныя идеи, какъ обстоятельства жизни, ученыя занятія, общественныя сношенія наталкивали умъ на извѣстный вопросъ, какъ неясная въ началѣ мысль прояснялась, вырабатывалась извѣстная теорія, дѣятельность принимала тотъ или другой оборотъ. Романы Достоевскаго, во всякомъ случаѣ, хорошія біографіи ихъ героевъ; никто не отрицалъ у Достоевскаго способности анализовать душу. Между тѣмъ мы рѣшительно не видимъ какъ и почему додумались Раскольниковъ и Иванъ до своихъ взглядовъ; ихъ образованіе, научныя занятія стоятъ въ разрѣзъ съ ихъ теоріями. Неужели

у Достоевскаго были пробѣлы, неполнота въ столь крупномъ вопросѣ? Я думаю, мало кто рѣшится обвинять Достоевскаго въ томъ что въ исторіи Раскольникова и Ивана Карамазова нѣтъ объясненія какъ зарождались и вырабатывались ихъ теоріи. Правильнѣе будетъ заключить что если такой глубокій психологъ не могъ выяснить намъ какъ и почему извѣстныя идеи развивались въ головахъ его героевъ, то значитъ въ данномъ случаѣ этого невозможно сдѣлать. Да и напрасно было бы искать какимъ психологическимъ путемъ явились столь чуждые самимъ авторамъ взгляды; мы вѣдь только знаемъ процессъ творчества у здоровыхъ людей; что же можно сказать про этихъ людей если даже такой знатокъ души человѣческой какъ Достоевскій не могъ анализовать какъ они мыслятъ? Такіе люди всегда были и вѣроятно еще долгое время будутъ загадками; психическая жизнь ихъ черезчуръ разнится отъ жизни здоровыхъ людей, и имъ суждено удивлять окружающихъ неожиданностью своихъ мыслей и поступковъ. Можно навѣрное сказать что относительно ихъ невозможны какія-либо предсказанія, кромѣ одного: что они кончатъ или сумашествіемъ, или преступленіемъ, или еще вѣрнѣе тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Но если мы не можемъ объяснить себѣ какъ они додумываются до изумляющихъ насъ своею странностью выводовъ, то по крайней мѣрѣ мы можемъ прослѣдить, что направляетъ и обусловливаетъ ихъ умственную дѣятельность. Раскольниковъ быстро разочаровывается въ своихъ надеждахъ на счастіе, огорченъ смертью своей невѣсты, впадаетъ въ хандру, лишается заработковъ, голодаетъ, и вотъ озлобленіе на міръ, неудовлетворенность жизнію, голодъ, хандра наталкиваютъ его на мрачную разрушительную теорію. Мы видимъ въ этомъ случаѣ крайне рѣзко выраженную зависимость мышленія отъ настроенія; мысль лишается главнаго своего достоинства— объективности. Не въ правѣ ли мы были ожидать отъ Раскольникова, еслибы жизнь ему улыбнулась, теоріи самаго идиллическаго характера? Даже люди талантливые, съ чер-

тами психическаго вырожденія, лишены свободы мысли; умъ у нихъ является самымъ покорнымъ слугой более низшихъ психическихъ функцій, въ чемъ нельзя не видѣть признака несовершенства организаціи такихъ людей. Увлеченіе религіозными вопросами у Ивана имѣетъ ту же почву какъ и у его брата Алеши. Я понимаю что приведенное мною объясненіе можетъ многимъ показаться произвольнымъ; но настаивая на томъ что психическая жизнь Раскольникова и Ивана Карамазова намъ неясна, я уже этимъ сказалъ что намъ приходится ограничиваться болѣе вѣроятными догадками.

Еще разъ считаю нужнымъ оговориться что считать душевно-больными Раскольникова и Ивана Карамазова только потому что они создали парадоксальныя теоріи нельзя; нужно брать всю совокупность явленій, и только тогда можно по достоинству оцѣнить значеніе парадоксальности ихъ ума.

Наконецъ, въ сферѣ воли у субъектовъ съ психическимъ вырожденіемъ поражаетъ необычайная возбудимость ея представленіями при малой устойчивости возбудимости. Напримѣръ, Раскольниковъ додумался до оригинальной теоріи и тотчасъ же спѣшитъ поступать сообразно съ ней; также и Алеша, вздумалъ идти въ монастырь. Собственно какимъ путемъ образовались эти идеи, по моему разумѣнію, я сказалъ. Этотъ же путь ведетъ и къ быстрому переходу представленій въ дѣятельность. Всему я Раскольникова крайне гадко было убійство, но онъ рабски подчиняется своей идеѣ; у большинства людей это бываетъ далеко не такъ: вся исторія человѣчества учитъ, какъ медленно новыя моральныя и соціальныя идеи переходятъ въ жизнь. Такова натура человѣка. Великіе люди умѣли направлять свою дѣятельность къ воодушевлявшей ихъ идеѣ, но они подолгу колебались, сомнѣвались, страдали пока идея созрѣвала и наконецъ поглощала ихъ я. У Раскольниковыхъ, хотя бы они и чувствовали, даже понимали нелѣпость ихъ идеи, все-таки она быстро переходитъ въ дѣло.

Вообще въ физіологіи нервной системы извѣстенъ законъ что чѣмъ проще организація, тѣмъ легче раздраженіе переходитъ въ движеніе. Головной мозгъ человѣка, какъ самый совершенный органъ, обладаетъ въ высокой степени способностію уменьшать или даже совершенно уничтожать соотвѣтствующее раздраженію движеніе. Иллюстрировать это можетъ извѣстный опытъ: у обезглавленной лягушки рефлексы спиннаго мозга наступаютъ быстрѣе и энергичнѣе. Въ той сложной дѣятельности головнаго мозга которая называется психическою эта задерживающая способность играетъ большую роль; чѣмъ выше психическая организація человѣка, тѣмъ больше эта способность развита. Ребенокъ не въ силахъ сдерживать проявленія своихъ чувствъ; дикарь обладаетъ этою способностью меньше чѣмъ цивилизованный.

Психическое вырожденіе, между прочимъ, почти всегда выражется слабостью задерживающей дѣятельности мозга. Этотъ недостатокъ, указывающій на недоразвитіе sui generis мозга, проявляется и въ той быстротѣ съ которою аффекты и настроенія переходятъ въ дѣятельность и въ подавляющемъ вліяніи представленій на волю. Но слѣдуя общимъ законамъ, легкая возбудимость сопровождается малою устойчивостью возбужденія. Если у здороваго человѣка представленія перешли въ дѣятельность, то мы знаемъ что при этомъ происходила сложная борьба противоположныхъ представленій и чувствъ, задерживающіе моменты были подавлены, поэтому само собой мы въ правѣ предполагать что импульсъ для дѣятельности былъ достаточно силенъ дабы преодолѣть всѣ препятствія, мы въ правѣ думать что воля имѣетъ достаточное напряженіе. Но у людей съ психическимъ вырожденіемъ представленія легко переходятъ въ движенія; у нихъ нѣтъ устойчивой воли; новыя представленія съ такою же легкостью вызываютъ новыя дѣйствія. Только *повидимому* противорѣчитъ этому то обстоятельство что Раскольниковъ имѣлъ достаточно силы воли чтобъ отдать себя въ руки пра-

восудія. Раскольниковъ скоро рѣшился на преступленіе, еще скорѣе рѣшился и на самоубійство, но не могъ покончить съ собой; отдать же себя въ руки правосудія онъ долженъ былъ потому что судебный слѣдователь все равно арестовалъ бы его. Сколько противорѣчащихъ другъ другу намѣреній и поступковъ проявилъ Раскольниковъ въ это время, трудно и перечислить; самыя ничтожныя обстоятельства измѣняли его дѣятельность, и хотя онъ былъ умнѣе всѣхъ его окружавшихъ, онъ благодаря этой неустойчивости воли выдалъ себя какъ самый глупый преступникъ. Только слабость воли можетъ объяснить намъ ту непослѣдовательность съ которою держалъ себя Раскольниковъ послѣ преступленія. Можно ли проявлять бо́льшую слабость воли, бо́льшую неустойчивость чѣмъ молодой Сокольскій (*Подростокъ*)?

Ограничусь самымъ бѣглымъ указаніемъ на ненормальность половой жизни лицъ съ явленіями наслѣдственнаго психическаго вырожденія. Любовь обыкновенныхъ, здоровыхъ людей имъ недоступна. Они (Дмитрій Карамазовъ, молодой Сокольскій) распущены, развратны; любовь (Дмитрій Карамазовъ) у нихъ иногда принимаетъ характеръ бѣшеной страсти, но она не имѣетъ той пбдкладки какъ у здоровыхъ людей, и тутъ какъ нельзя болѣе проявляется странность ихъ психической организаціи: нельзя опредѣлить, выяснить себѣ почему данный субъектъ влюбляется въ эту именно женщину, такъ чувства ихъ капризны, прихотливы. Едва ли нужно говорить что нравственное безобразіе женщины можетъ даже ихъ привлекать; даже физическое безобразіе имѣетъ для нихъ что-то притягательное. Молодой Сокольскій имѣлъ ребенка отъ идіотки, Раскольниковъ хотѣлъ жениться на какой-то психически и физически обиженной природой дѣвушкѣ. Даже въ любви обнаруживается что такія лица, съ явленіями психическаго вырожденія рѣзко отличаются отъ нормальныхъ людей. Какъ распущенность нѣкоторыхъ изъ нихъ не имѣетъ границъ, такъ у другихъ (Иванъ и Алексѣй Кармазовы) бонуризмъ является чѣмъ-то страннымъ для ихъ возраста. Бо-

лѣе подробнаго анализа значенія аномалій половой жизни этихъ болѣзненныхъ лицъ, по понятнымъ всякому соображеніямъ, дѣлать не буду.

Наконецъ, нужно обратить вниманіе на то что у Раскольникова, Ивана Карамазова, Сокольскаго, сразу и быстро развилось помѣшательство; психическая болѣзнь у нихъ принимаетъ не типическую форму, протекаетъ неправильно, то-есть все происходитъ такъ какъ это бываетъ у лицъ съ наслѣдственнымъ предрасположеніемъ къ душевнымъ болѣзнямъ.

При разборѣ психопатическаго характера я старался анализовать каждый отдѣльный симптомъ на томъ изъ этихъ пяти лицъ у котораго онъ былъ рѣзче всего выраженъ; едва ли нужно прибавлять что всѣ разобранные симптомы выражены въ большей или меньшей степени у каждаго изъ нихъ. Я указалъ только на главные, болѣе выпуклые симптомы. Если болѣзненныхъ симптомовъ много, если они рѣзко выражены, то мы имѣемъ уже вполнѣ больнаго. При неблагопріятныхъ условіяхъ унаслѣдованные зачатки болѣзни могутъ разрастаться; сумма болѣзненныхъ явленій все увеличивается, и несчастный мало-по-малу обращается въ душевно-больнаго. Исключительно благопріятныя условія могутъ ослабить болѣзненныя явленія, и тогда здоровые элементы будутъ настолько преобладать что только при внимательномъ изученіи субъекта можно замѣтить въ немъ что нибудь патологическое. Естественно что такимъ образомъ существуетъ безконечная градація отъ человѣка нѣсколько эксцентричнаго до душевно-больнаго.

XII.

Я уже указывалъ насколько вѣрно цѣнилъ Достоевскій значеніе пьянства какъ причины развитія душевныхъ болѣзней въ нисходящемъ поколѣніи. Съ такою же глубиной Достоевскій описалъ цѣлую галлерею пьяницъ и выяснилъ ихъ значеніе въ современной жизни. Мармеладовъ, Иволгинъ,

Лебедевъ, Келлеръ (*Идіотъ*), Честный Воръ, Лебядкинъ, Ефимовъ, все это къ несчастію слишкомъ часто встрѣчаемые въ жизни субъекты; каждый ихъ знаетъ; увы! не нужно быть психіатромъ чтобы быть компетентнымъ въ сужденіяхъ о пьяницахъ, чтобы вполнѣ согласиться съ Достоевскимъ, что пьяницы часто играютъ роль злыхъ геніевъ въ современной жизни. Много художниковъ вполнѣ точно изображали пьяницъ; укажу, напримѣръ, на Макарта, такъ прекрасно передавшаго на полотнѣ нравственно отупѣлыя лица пьяницъ. Въ виду общеизвѣстности характера пьяницъ, я считаю необходимымъ обратить вниманіе только на тѣ мало извѣстные симптомы алкоголиковъ, которые особенно рельефно выставлены Достоевскимъ.

Прежде всего невольно является вопросъ: почему и Мармеладовъ, и Честный Воръ возбуждаютъ глубокое сочувствіе къ себѣ вмѣсто того презрѣнія котораго заслуживаютъ пьяницы. Причина этого, какъ мнѣ кажется, заключается въ томъ, что они больные люди. Въ тотъ періодъ ихъ жизни, когда застаетъ ихъ разсказъ, они уже не могутъ остановить себя на своемъ пути. И Мармеладовъ, и Честный Воръ всецѣло подчинены своему органическому чувствованію; у нихъ слишкомъ живой оттѣнокъ чувствованія при воспріятіи и слишкомъ легкій переходъ этого послѣдняго въ дѣйствіе, помимо высшихъ представленій. Первая рюмка, даже мысль о водкѣ возбуждаетъ неутолимую жажду водки; такое явленіе въ самой высокой, по своей организаціи, сферѣ центральной нервной системы представляется какъ бы пониженіемъ отправленія механизма, предназначеннаго на самыя высокія функціи, что конечно свидѣтельствуетъ о глубоко дегенеративномъ состояніи мозга.

Мы знаемъ, что даже у высшихъ животныхъ задерживающіе мотивы (страхъ наказанія, стыдъ) часто берутъ верхъ надъ стремленіемъ къ удовлетворенію органическихъ потребностей. Что же можно сказать о человѣкѣ у котораго психическій аппаратъ, въ извѣстномъ отношеніи, ниже чѣмъ у животнаго? Сравнивать такихъ лицъ съ преступниками и вообще порочными людьми нельзя; послѣдніе или надѣются, по

крайней мѣрѣ въ самый моментъ преступленія, избавиться отъ наказанія, или не боятся его, мало о немъ думаютъ, или, наконецъ, находятся подъ вліяніемъ поглощающихъ все ихъ существо на это время страстей, аффектовъ. Нѣкоторые же преступники, вѣроятно, по неправильности работы своего психическаго механизма, близко подходятъ къ Мармеладову. Какъ Мармеладовъ, такъ и Честный Воръ вполнѣ усвоили себѣ неизбѣжность крайне прискорбныхъ послѣдствій ихъ пьянства, искренно и сильно желали бы избѣгнуть его, и не находились въ состояніи аффекта. Хорошо дрессированная собака только умирая съ голоду рѣшится съѣсть кусокъ положенный хозяиномъ не для нея.

Естественно, что такое глубокое паденіе человѣка вызываетъ только состраданіе; эти несчастные слишкомъ достаточно наказаны самою природой, чтобъ ихъ можно было еще преслѣдовать. Достаточно рельефно выставлено Достоевскимъ, что первые симптомы алкоголизма обыкновенно проявляются въ нравственной сферѣ; преданный пьянству человѣкъ обнаруживаетъ болѣе шаткія воззрѣнія на честь, обычаи и приличія, равнодушно относится къ нравственнымъ столкновеніямъ, къ разоренію своей семьи, къ презрѣнію всѣхъ согражданъ; онъ становится жестокимъ, циникомъ и эгоистомъ: Лебедевъ *(Идіотъ)*, Лебядкинъ; (*Бѣсы*), Ефимовъ (*Неточка Незванова*).

Нѣсколько другіе и почти неизвѣстные публикѣ симптомы наблюдаются у генерала Иволгина (*Идіотъ*). Разсказъ его застаетъ въ состояніи слабоумія, причемъ наиболѣе сильно ослаблено нравственное чувство, какъ это и бываетъ у такихъ больныхъ. Онъ лишается какъ служебнаго такъ и общественнаго положенія, изъ приличнаго члена общества превращается въ нищаго, приживалку, такъ какъ ослабленіе умственныхъ способностей не позволяло ему держаться на прежней высотѣ. Изъ главы семейства онъ обращается въ заброшенное, приниженное существо; ему отводятъ худшую комнату, кормятъ объѣдками и т. д. Родные, конечно, свое-

временно увидѣли, что онъ не можетъ играть прежней роли, заставить уважать себя. Да и самъ онъ уже не тяготится своимъ положеніемъ: его ничто не оскорбляетъ, онъ не понимаетъ своего унизительнаго положенія и ужь конечно не можетъ отъ него избавиться. Онъ только хотѣлъ бы свободно распоряжаться деньгами, чтобы безпрепятственно пьянствовать, но воля его уже настолько ослаблена, что имъ руководитъ его сынъ, еще мальчикъ, который безъ особаго труда и справляется со своею обязанностію. Нравственное чувство его настолько ослаблено, что его обѣщанія, клятвы не имѣютъ никакой цѣны; онъ не гнушается обмануть бѣдняка, (Мышкина) чтобы напиться на его счетъ. Едва ли нужно прибавлять, что онъ не понимаетъ вполнѣ дѣлъ своей семьи, и вообще только незначительная часть кругомъ его происходящаго достигаетъ до его сознанія. Понятно что воспринимаются сознаніемъ только наиболѣе бросающіяся въ глаза явленія, безъ внутренней ихъ связи; болѣе же тонкія отношенія, смыслъ явленій уже для него недоступны. Напримѣръ, онъ знаетъ, что его сынъ женится, но не можетъ понять, что невѣста его сына содержанка и рѣшительно не усвоиваетъ себѣ отношеній между сыномъ и невѣстой, несмотря на то, что неестественность ихъ на его глазахъ проявилась весьма рельефно. Далѣе, ко всему, кромѣ удовлетворенія личныхъ своихъ потребностей, онъ относится вполнѣ индифферентно. Послѣ скандала въ его домѣ, онъ вполнѣ довольный собой идетъ въ трактиръ.

Но такое ослабленіе всѣхъ психическихъ силъ сочеталось еще съ однимъ патологическимъ симптомомъ: возбужденіемъ фантазіи, причемъ, вслѣдствіе слабоумія, сочиненное фантазіей принимается за дѣйствительность. По мнѣнію окружающихъ, Иволгинъ постоянно хвастаетъ; о комъ бы ни заговори, Иволгинъ утверждаетъ, что онъ его знаетъ, былъ даже въ дружбѣ. Разсказы его по большей части вовсе невѣроятны, но ложь совершенно безцѣльна.

Какъ образуется такое безграничное хвастовство? Прежде всего память ослаблена: естественно что больной не мо-

жетъ отличить дѣйствительно бывшаго съ нимъ отъ желательнаго. Ослабленіе вообще умственнаго механизма не позволяетъ ему отличить возможное отъ невозможнаго (напримѣръ, что онъ не могъ быть пажемъ при Наполеонѣ въ 1812 году и т. п.). Нравственное чувство ослаблено, и поэтому ничто не сдерживаетъ больнаго, не заставляетъ его напрягать всѣхъ силъ, чтобъ отличить ложь отъ правды, когда онъ еще можетъ это сдѣлать; напримѣръ, онъ говорилъ князю Мышкину что въ данномъ домѣ живутъ его знакомые; звонитъ, и, только, когда прислуга сказала что господъ нѣтъ дома, онъ припоминаетъ, что эти знакомые не живутъ здѣсь; является потомъ вопросъ: да и есть ли такіе знакомые. Этимъ эпизодомъ Достоевскій хорошо иллюстрировалъ, какъ лгутъ, какъ обманываютъ себя такіе больные. Импульсомъ ко лжи, цѣль которой выставить себя великимъ человѣкомъ, (величіе это каждый понимаетъ по своему: больной извощикъ скажетъ, что у него сто лошадей, а больной піанистъ—что онъ играетъ лучше Листа), въ такихъ случаяхъ бываетъ то органическое мозговое раздраженіе, которое при дальнѣйшемъ развитіи болѣзни создаетъ цѣлый экспансивный бредъ величія и дѣлаетъ этихъ больныхъ счастливыми, веселыми, самодовольными. Иволгинъ, несмотря на всю непривлекательность своего положенія, былъ въ самодовольномъ, благодушномъ настроеніи; бредъ величія является какъ бы попыткой объясненія этого повышеннаго самочувствія. У Иволгина бредъ величія ограничивается только тѣмъ, что онъ приписываетъ себѣ близкое знакомство съ высокопоставленными лицами, блестящее прошлое, аристократическое происхожденіе.

Можетъ показаться невѣроятнымъ что Иволгинъ при такомъ слабоуміи могъ такъ живо и много выдумать и разсказать цѣлую исторію о томъ, какъ онъ былъ пажемъ при Наполеонѣ въ 1812 году. Вѣдь для того чтобы выдумать, украсить подробностями, передать цѣлую басню, нужно достаточно умственной силы. Но Достоевскому, какъ доказываетъ

эта глава, былъ извѣстенъ еще неразъясненный достаточно наукой фактъ, что у этихъ больныхъ, даже въ самыхъ глубокихъ періодахъ болѣзни, фантазія хорошо работаетъ, и чудное дѣло, на поверхность сознанія всплываютъ представленія необходимыя для созданія картинъ фантазіи. Я помню одного больнаго, который съ необычайнымъ для него краснорѣчіемъ, весьма увлекательно въ продолженіе трехъ часовъ разсказывалъ исторію своей любви. Слушатели, все люди образованные, были поражены живостью и блескомъ его разсказа и ни мало не усомнились въ правдивости того, что онъ говорилъ; каково же было ихъ изумленіе когда оказалось что все имъ разсказанное-продуктъ его больной фантазіи, что онъ тяжко больной, въ чемъ всѣ легко убѣдились. Невольно упоминается еще одинъ больной, который за нѣсколько часовъ до смерти, не узнавашій даже близкихъ ему лицъ, забывшій свое имя, перечислялъ безконечный рядъ винъ и закусокъ; даже здоровому едва ли будетъ подъ силу сразу припомнить столько названій.

О томъ, какъ вѣрно очертилъ Достоевскій отношеніе семьи и знакомыхъ къ больному говорить едва ли нужно: это понятно всякому. Они стыдились больнаго, нисколько не сожалѣли его, а презирали, ненавидѣли и паясничали надъ нимъ; родные считали себя опозоренными, желали скрыть свой мнимый позоръ, и не подозрѣвали, что Иволгинъ боленъ и что его нужно лѣчить. Немало семей, благодаря незнанію, что такое душевныя болѣзни, испытываютъ такимъ образомъ двойное несчастіе.

Такъ же вѣренъ природѣ и выбранный авторомъ родъ смерти Иволгина; такіе больные нерѣдко умираютъ отъ удара послѣ предварительнаго сильнаго возбужденія.

XIII.

Каждый знаетъ какъ трудно у насъ въ Россіи изучать родной бытъ. Отсутствіе руководствъ, путеводныхъ нитей, проложенныхъ дорогъ ставитъ каждаго начинающаго поло-

жительно въ невозможное положеніе. Это тѣмъ болѣе справедливо въ психіатріи, такъ какъ до сихъ поръ нѣтъ ни одного изслѣдованія о характерѣ душевныхъ болѣзней у насъ въ Россіи; нѣтъ даже попытки опредѣлить какія формы преобладаютъ въ Россіи, каковы особенности теченія болѣзней и т. п. Между тѣмъ общіе принципы медицинской географіи не оставляютъ сомнѣнія, что условія жизни, характеръ націи, степень культуры кладутъ особый отпечатокъ на характеръ заболѣваній. Чтобы выяснить мою мысль, укажу на слѣдующіе примѣры: Голландецъ въ высокой степени буйства болѣе сдержанъ и спокоенъ нежели Итальянецъ, слегка возбужденный; многіе Англичане высшаго класса страдаютъ сплиномъ, болѣзнію почти неизвѣстною въ другихъ странахъ. Особенно рѣзко должна проявляться національность въ легкихъ степеняхъ болѣзни, когда еще нѣтъ опредѣленныхъ патологическихъ измѣненій въ самомъ мозгу. Если каждый больной сохраняетъ свою психическую индивидуальность, вплоть до глубокаго распаденія душевной жизни, когда совершенная психическая нищета уравниваетъ всѣхъ, то конечно національность не можетъ не класть своего отпечатка. Но такъ какъ мы всѣ учились по нѣмецкимъ и французскимъ учебникамъ, то естественно и видимъ только то, что видѣли наши учителя, не замѣчая или не понимая тѣхъ особенностей, которыя зависятъ отъ того, что мы Русскіе. При чтеніи разсказовъ *Хозяйка*, *Бѣлыя Ночи* невольно приходитъ на память лекція С. П. Боткина о той формѣ меланхоліи, которая, по наблюденіямъ нашего ученаго, наиболѣе часто встрѣчается между интеллигентною молодежью. Жаль что эта лекція не напечатана, но, сколько я помню (я слышалъ эту лекцію въ 1876 году), симптомы этой болѣзни С. П. Боткинъ и Достоевскій опредѣляютъ вполнѣ согласно.

Такими больными чаще всего бываютъ молодые люди (отъ 20 до 30 лѣтъ) интеллигентные, одинокіе, безъ опредѣлен-

наго общественнаго положенія. Физически-это малокровные (*Хозяйка*) болѣзненные субъекты.

Ордыновъ и герой *Бѣлыхъ Ночей* дѣйствительно такіе молодые люди. Долгое одиночество, замкнутость въ себѣ, еще въ молодые годы когда человѣкъ наиболѣе расположенъ къ общительности мало-по-малу отдаляетъ ихъ отъ людей. На нихъ сильно дѣйствуютъ первыя неудачи въ жизнь, разочарованіе въ своихъ надеждахъ, отсутствіе всего идеальнаго въ окружающемъ обществѣ. У нихъ скоро опускаются руки. Накопецъ, незамѣтно, мало-по-малу, такъ что рѣшительно нельзя опредѣлить момента когда именно, эти естественныя, нормальныя чувства грусти и неудовлетворенности переходятъ въ тоску. Получается слѣдующая картина болѣзни: настроеніе принимаетъ преимущественно отрицательный характеръ; каждое впечатлѣніе вызываетъ душевную боль; во всемъ окружающемъ является новый источникъ неудовольствія; все становится противнымъ, непріятнымъ, и естественно что Ордыновъ, а подъ конецъ разсказа и герой *Бѣлыхъ Ночей* стараются избѣгать всякаго общества, прячутся отъ жизни, ищутъ одиночества и полной бездѣятельности, то-есть поступаютъ съ собой такъ же какъ съ ушибленною ногой, для которой всякое движеніе невыносимо. Больные понимаютъ нормальность своего положенія, они сознаютъ какъ прежнее сочувствіе всему высокому (труду, славѣ, наукѣ) постепенно переходитъ въ равнодушіе; остается еще способность ко вспышкамъ чувства любви, но и тутъ проявляется ихъ пассивность, неустойчивость: оба они только начинаютъ любить. Чувство ихъ вспыхиваетъ безо всякаго повода, совершенно случайно. Для насъ довольно отмѣтить, что любовь ихъ оканчивается ничѣмъ, не привязываетъ ихъ къ жизни, не даетъ и не можетъ имъ дать настоящихъ радостей. Достоевскій достаточно выяснилъ, почему ихъ любовь имѣетъ такой своеобразный, драматическій колоритъ; вслѣдствіе психической анестезіи они неспособны уже отзываться на обыкновенныя впечатлѣнія, и только что-нибудь выхо-

дящее изъ ряда вонъ—фантастическая красавица (*Хозяйка*), одинокая дѣвушка, плачущая о своей разбитой любви—способно дѣйствовать на нихъ; а ужь конечно подобныя коллизіи рѣдко оканчиваются счастливо; недостатокъ собственной энергіи, немощность, не оставляющая ихъ тоска, отсутствіе сознанной цѣли, все это условія мѣшающія успѣху въ любви.

Итакъ, выступаетъ на сцену отсутствіе интереса къ чему бы то ни было, всѣ или очень многія впечатлѣнія сопровождаются психическою болью; естественнымъ послѣдствіемъ этого будетъ то состояніе души которое лучше всего назвать тоской. Вмѣсто смѣны, смотря по характеру впечатлѣній, чувствованій пріятнаго и непріятнаго, является сплошь чувствованіе непріятнаго или, въ лучшемъ случаѣ, безразличная реакція сознанія. Такъ какъ процессъ образованія идей до извѣстной степени находится въ зависимости отъ настроенія духа, то въ сознаніи могутъ удерживаться только такія представленія которыя соотвѣтствуютъ душевному настроенію; естественно что у такихъ больныхъ будетъ монотонность, однообразіе представленій, теченіе ихъ будетъ замедлено, хотя больные еще сохраняютъ способность разсуждать правильно. Въ свою очередь такое затрудненіе въ дѣятельности психическаго механизма заключаетъ новый источникъ непріятныхъ чувствованій; тягостное состояніе усиливается еще тѣмъ, что больной чувствуетъ себя безсильнымъ бороться со случившеюся съ нимъ перемѣной. Сами больные понимаютъ, что ихъ представленія болѣе не имѣютъ обычной, свойственной имъ окраски чувствованіями удовольствія или неудовольствія, что ничто не въ состояніи ихъ радовать и даже печалить какъ было прежде (Ордыновъ въ концѣ повѣсти).

Естественно, что такіе люди отказываются отo всякаго дѣла, всякаго общества, ихъ пугаютъ люди, тяготитъ оживленіе; и это чувство одиночества и совершенно исключительнаго положенія благопріятствуетъ еще большему огра-

ничепію круга идей, образованію пессимистскаго, хотя не въ строго философскомъ смыслѣ, взгляда на жизнь. Изъ этого чувства одиночества вытекаетъ недовѣріе ко всему, злобное отношеніе ко всему міру, безпомощное, безсильное удаленіе ото всего и окончательное погруженіе въ самого себя. Ордыновъ, готовившійся быть ученымъ, мало-по-малу бросаетъ свои занятія и не дѣлаетъ ничего, предаваясь однообразнымъ мечтамъ, также какъ и герой *Бѣлыхъ Ночей*, который все-таки еще способенъ хоть издали наблюдать надъ кое-чѣмъ въ жизни. Едва ли нужно доказывать что при такомъ душевномъ состояніи не можетъ быть и желаній, не можетъ быть настойчивости въ стремленіи ихъ удовлетворять, не можетъ быть активной воли; но напрасны были бы попытки друзей развлечь этихъ больныхъ; является пассивное сопротивленіе, такъ какъ все-таки для нихъ лучше оставаться въ ихъ положеніи.

Можно конечно спорить, больные это люди или здоровые; такое меланхолическое состояніе конечно можетъ быть и у здоровыхъ, но въ такомъ случаѣ оно обусловлено какимъ-нибудь перенесеннымъ несчастіемъ. У Ордынова и героя *Бѣлыхъ Ночей* это состояніе вовсе не зависѣло отъ внѣшнихъ причинъ. Также не мало можно спорить о томъ, что это за форма болѣзни, но для данной статьи довольно отмѣтить что такіе больные нерѣдки и что Достоевскому извѣстенъ былъ этотъ фактъ.

Позволю себѣ прибавить что такіе больные отнюдь не похожи на пессимистовъ-философовъ, такъ какъ у послѣднихъ пессимизмъ не болѣе какъ міровоззрѣніе, вообще не мѣшающее имъ отличать непосредственно пріятное отъ непріятнаго. Конечно, можно проводить параллели между описанными состояніями и нѣкоторыми религіозными сектами, но я думаю, что нужно имѣть большій запасъ наблюденій чѣмъ имѣетъ современная наука.

Почти такое же состояніе нѣкоторое время было у Вельчанинова (*Вѣчный мужъ*), человѣка лѣтъ подъ пятьдесятъ;

но Достоевскій, какъ тонкій знатокъ патологическихъ состояній души, отмѣтилъ что у него это состояніе было сравнительно короткое время. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ меланхолическое состояніе, какъ начало болѣзни; къ счастію Вельчанинова, болѣзнь не развилась далѣе, и онъ скоро вернулся къ прежнему состоянію. Достоевскій, тонко отмѣтивъ что это состояніе не было вызвано внѣшними причинами, указалъ на перемѣну въ образѣ жизни, привычкахъ Вельчанинова: какъ тотъ сталъ удаляться отъ общества, сдѣлался неряшливъ въ одеждѣ; все стало непріятнымъ Вельчанинову или какъ онъ характерно выразился: «да и вообще все стало измѣняться къ худшему». Вообще описаніе настроенія Вельчанинова крайне интересно для изученія того меланхолическаго состоянія которое составляетъ нерѣдко преддверіе къ полному помѣшательству. Нерѣдкимъ симптомомъ меланхолическаго состоянія бываютъ явленія безпричиннаго страха и тоски, то что̀ Достоевскій называетъ «мистическимъ ужасомъ» (*Оскорбленные и Униженные*, стр. 28, изд. 1865). Достоевскій такъ вѣрно описалъ и анализовалъ это состояніе что прибавить къ этому описанію нечего. Тоска и страхъ обусловливаются крайне тягостными ощущеніями, неясными для субъекта: «тяжелая мучительная боязнь чего-то чего я самъ опредѣлить не могу».

Хотя человѣкъ въ началѣ и понимаетъ что такія ощущенія болѣзненны, но мало-по-малу «лишается всякой возможности противодѣйствовать ощущеніямъ. Его (разсудка) не слушаются, онъ становится безполезенъ». Если вникнуть въ сказанное Достоевскимъ, то станетъ яснымъ многое въ процессѣ заболѣванія психическою болѣзнью. Неясныя смутныя болѣзненныя ощущенія являются такъ-сказать первыми зародышами болѣзни; усиливаясь и появляясь все чаще, они постепенно подавляютъ способность разума къ критическому отношенію; собственно эти острыя состоянія тоски ускоряютъ дѣло, такъ какъ подъ бурнымъ напоромъ болѣзненныхъ ощущеній разсудокъ является безсильнымъ.

XIV.

Было бы излишне послѣ всего сказаннаго браться за сравнительную оцѣнку отдѣльныхъ произведеній Достоевскаго, тѣмъ болѣе что сравнительныя ихъ достоинства достаточно единодушно указаны критикой, и психіатру остается прибавить не много. Изъ мелкихъ произведеній самое лучшее *Слабое Сердце*, слабѣе другихъ *Хозяйка*, такъ какъ въ ней совсѣмъ не очерчено въ чемъ состояла болѣзнь двухъ дѣйствующихъ лицъ (хозяйки и старика); можетъ-быть Достоевскій не обладалъ тогда еще нужнымъ матеріаломъ. Изъ большихъ романовъ больше всего недорисованнаго въ *Бѣсахъ*. Марья Тимоѳеевна Лебядкина совершенно непонятна; ограничиваюсь этимъ выраженіемъ. Не хочу сказать что изображеніе авторомъ ея болѣзненнаго состоянія просто не вѣрно, ибо охотно готовъ допустить что картина нарисованная Достоевскимъ черезчуръ сложна и я не понялъ ея по собственной винѣ; при болѣе же тонкомъ анализѣ можетъ-быть окажется что и въ этомъ случаѣ Достоевскій былъ вѣренъ природѣ. Также удивительно почему у Ставрогина (*Бѣсы*) галлюцинаціи не имѣли никакой связи съ его психическою жизнью, да и вообще вся фигура Ставрогина не ясна, кажется дѣланною. Нельзя не указать и на то что герой *Идіота*, князь Мышкинъ, чрезвычайно идеализованъ; едва ли бываютъ эпилептики съ такимъ ровнымъ характеромъ, безо всякихъ эгоистическихъ чувствъ; если и бываютъ, хотя сомнѣваюсь, то крайне, крайне рѣдко. Величайшее произведеніе Достоевскаго на мой взглядъ, это *Братья Карамазовы*. Думаю что настоящая оцѣнка и полное пониманіе этого романа невозможны для критика незнакомаго съ психіатріей. Исчерпать весь психіатрическій матеріалъ заключенный въ этомъ произведеніи можетъ только весьма талантливый психіатръ; пока же нужно только удивляться глубокой проницательности творца этого романа. *Братья Карамазовы*, это

эпопея психически-больной семьи, семьи съ чертами психическаго вырожденія. За такую широкую задачу не брался еще ни одинъ художникъ. Донъ-Кихотъ, это эпопея только одного душевно-больнаго; въ *Братьяхъ Карамазовыхъ* фигурируетъ цѣлая патологическая семья. На глазахъ читателя раждаются, растутъ, живутъ, мыслятъ, чувствуютъ какъ психопаты, и наконецъ, подчиняясь неизбѣжнымъ законамъ природы, или сходятъ съ ума окончательно, или кончаютъ преступленіями (воровство, покушеніе на убійство, самоубійство, убійство). Такой полной и правдивой картины происхожденія, развитія и дѣятельности цѣлой семьи органически связанной общимъ расположеніемъ къ помѣшательству положительно нѣтъ ни въ одной литературѣ. Прекрасно обрисовано отношеніе общества къ такой семьѣ, какъ вліяла эта семья на окружающихъ и наоборотъ.

Въ романѣ невольно обращаетъ на себя вниманіе масса наобыкновенно точно нарисованныхъ картинъ. Укажу для примѣра на описаніе экспертизы психическаго состоянія Дмитрія Карамазова. Хотя Достоевскій здѣсь выставилъ врачей въ преувеличенно-глупомъ видѣ, но въ сущности все изображено весьма вѣрно, и стоитъ вникнуть въ эти страницы чтобы понять почему психіатрическая экспертиза на судѣ такъ часто оказывается нелѣпою.

Преступленіе въ которомъ обвинялся Дмитрій Карамазовъ поражаетъ своею странностью, является подозрѣніе въ нормальности его умственныхъ способностей; и вотъ близкіе къ нему люди и судъ хотятъ его освидѣтельствовать. Являются три эксперта: Герценштубе, московскій докторъ и Варвинскій; это типы нашихъ экспертовъ, по крайней мѣрѣ въ провинціи. Первый изъ нихъ почтенный заслуженный врачъ, но къ сожалѣнію не имѣющій никакихъ свѣдѣній по психіатріи; то, что спрашивать мнѣніе человѣка въ данномъ вопросѣ совсѣмъ некомпетентнаго—нелѣпо, не пришло никому въ голову: вѣдь онъ врачъ, такъ разсуждаетъ публика въ такихъ случаяхъ, слѣдовательно долженъ знать все. Одна-

ко, какъ умный человѣкъ и опытный врачъ, онъ чувствовалъ что Дмитрій Карамазовъ психопатъ, но конечно не могъ доказать своего мнѣнія; естественно что его доводы не могли убѣдить присяжныхъ. Другой экспертъ, Варвинскій, это только-что окончившій блистательно курсъ, съ чистымъ сердцемъ ограниченнаго человѣка, не допускающаго ничего для себя неизвѣстнаго: вѣдь онъ только-что получилъ хорошія отмѣтки на экзаменахъ, значитъ—онъ знаетъ все; то что не подходитъ почему-либо подъ тѣ шаблоны, которые онъ составилъ себѣ на школьной скамьѣ, для него или не болѣзнь (притворство, глупость и т. п.), или достояніе науки, то-есть никому еще неизвѣстное, потому что (такова обычная логика ограниченныхъ людей) неизвѣстно ему. Такъ онъ разсуждалъ и наблюдая припадки Смердякова, проглядѣвъ, что тотъ притворяется. Такихъ ограниченныхъ людей, слѣпо вѣрящихъ въ плохо понятые, но хорошо заученные ими учебники, не знающихъ, что нужно учиться у природы, нашего лучшаго и единственнаго учителя,—очень много; но едва ли не опаснѣе всего такіе люди въ качествѣ врача, а тѣмъ болѣе психіатра. Хуже всего что такіе люди никогда ни въ чемъ не сомнѣваются: все для нихъ очень ясно и просто; а гдѣ же больше всего нужно критическаго отношенія, способности разсматривать предметъ со всѣхъ сторонъ, осторожности въ сужденіяхъ, какъ въ дѣятельности врача, имѣющаго дѣло съ безконечно измѣнчивою, такъ мало изученною природой человѣка, причемъ всякая ошибка можетъ имѣть роковыя послѣдствія. Такому ли ничего не смыслящему въ психопаталогіи, неспособному къ самостоятельному мышленію врачу быть экспертомъ въ такомъ сложномъ дѣлѣ! Московская знаменитость, это, какъ видно, съ ограниченными познаніями ловкій аферистъ извлекающій изъ своей знаменитости, вѣроятно добытой больше нахальствомъ (за недостаткомъ образованныхъ психіатровъ знаменитость пріобрѣсть, какъ извѣстно, весьма не трудно), возможно большое количество рублей. Такъ онъ не ограничился прилич-

нымъ кушемъ полученнымъ за экспертизу Дмитрія Карамазова, а захотѣлъ еще собрать дань своей знаменитости въ этомъ городѣ, для чего не постыдился дурно отзываться о мѣстныхъ эскулапахъ. Послѣдствіемъ его жадности къ деньгамъ было то, что онъ не успѣлъ изучить дѣла, ограничился лишь нѣсколькими короткими свиданіями съ Дмитріемъ, но за то собралъ побольше денегъ.

Естественно что такіе эксперты не могли дать разумнаго заключенія, тѣмъ болѣе, что предметъ предложенный на ихъ разсмотрѣніе былъ крайне труденъ. Ни одинъ изъ экспертовъ не изучилъ объекта экспертизы, и кромѣ того между экспертами появились личные счеты и желаніе подкузьмить другъ друга; обычное явленіе! И вотъ эксперты даютъ рѣшительно ни на чемъ не основанныя заключенія, выхватываютъ единичный фактъ (какъ вошелъ въ залу суда засѣданія и куда смотрѣлъ Дмитрій), объясняютъ его каждый по своему, нарушая такимъ образомъ основное правило психіатріи что нужно разсматривать всѣ явленія въ связи ихъ между собой и только анализомъ цѣлой суммы, сопоставленіемъ ихъ между собой, можно приходить къ какому-нибудь заключенію. Профаны обыкновенно выхватываютъ какое-нибудь отдѣльное явленіе, почему-либо болѣе всего ихъ поразившее, и на немъ основываютъ свое сужденіе, такъ какъ такой путь и легче, и покойнѣе. Но какъ же можно, пользуясь этимъ методомъ, судить о душевной дѣятельности, гдѣ все между собой неразрывно связано! Вѣдь и больной можетъ поступать, какъ здоровый, также какъ при нѣкоторыхъ условіяхъ и наоборотъ. Впрочемъ, разъяснять дальше это положеніе было бы излишне; довольно сказать, что разумный психіатръ долженъ найти общую подкладку для группы наблюдаемыхъ явленій, какъ и всякій мыслящій человѣкъ. Нечего удивляться что присяжные и не обратили вниманія на экспертизу, какъ часто они это и дѣлаютъ. Больше виноваты тѣ что не умѣютъ убѣдить и внушить уваженіе къ своимъ познаніямъ. Въ данномъ примѣрѣ мы имѣемъ хорошее объ-

ясненіе почему экспертиза такъ нерѣдко бываетъ нелѣпа Причины эти: вопервыхъ, трудность самаго предмета; вовторыхъ, некомпетентность экспертовъ; втретьихъ, назнакомство экспертовъ съ испытуемымъ; вчетвертыхъ, личные счеты между экспертами. Вотъ причины мѣшающія вообще судебно-психіатрической экспертизѣ стоять на высотѣ положенія. Какъ устранить вредныя послѣдствія трехъ послѣднихъ причинъ, понятно всякому, и уже въ практику входитъ, мало-по-малу, приглашать экспертами дѣйствительно спеціалистовъ, также какъ и подвергать обвиняемыхъ заподозрѣнныхъ въ разстройствѣ умственныхъ способностей испытанію въ больницахъ, гдѣ возможно изученіе ихъ состоянія. Камнемъ преткновенія остается трудность предмета экспертизы. Всегда будутъ случаи въ которыхъ крайне трудно, почти невозможно составить правильное сужденіе. Какъ бы ни расширялись наши знанія, природа всегда будетъ давать загадки человѣческому уму; всегда будутъ случаи гдѣ врачъ не будетъ въ силахъ оріентироваться, не найдетъ рѣзкихъ, опредѣленныхъ признаковъ для подведенія явленія подъ ту или другую категорію. Въ природѣ нѣтъ рѣзкихъ границъ, всюду разлита постепенность, и вотъ эти-то переходныя формы и ставятъ въ тупикъ изслѣдователя. Но экспертъ въ такихъ случаяхъ не долженъ давать категорическихъ заключеній: если нѣтъ налицо вѣрныхъ признаковъ, то онъ долженъ сказать что онъ подмѣтилъ только вѣроятные; если нѣтъ даже и такихъ, то пусть отвѣтитъ что признаки сомнительные. Не его вина, что умъ не всегда можетъ разъяснить тайны природы. Только наивные люди могутъ ставить въ вину врачамъ, что они необходимо должны ошибаться, и поэтому говорятъ что врачей нужно избѣгать. Такое разсужденіе столь же разумно, какъ и то, что нужно уничтожить суды потому что они ошибаются; а ошибаются они такъ часто что существуетъ цѣлое учрежденіе для корректированія ихъ ошибокъ. Чѣмъ виноваты врачи, что часто ихъ ошибки бываютъ непоправимы? И если для судей нуженъ

кассаціонный институтъ, несмотря на то, что они должны руководиться маленькимъ томикомъ законовъ, сколько же должно быть ошибокъ у врачей, если громадные томы медицинскихъ сочиненій заключаютъ въ себѣ только ничтожную часть того что̀ подлежитъ ихъ изученію? Не говорю уже о томъ что судьѣ труднѣе ошибаться, даже благодаря внѣшнимъ условіямъ его дѣятельности (возможности заранѣе подготовиться и т. п.). Итакъ Достоевскій указалъ, что̀ нужно для правильной постановки экспертизы. Самой собой разумѣется, прежде всего нужно чтобъ юристы и публика понимали чего можно и чего нельзя требовать отъ экспертовъ, ибо въ концѣ концовъ чѣмъ же виноваты врачи если ихъ заставляютъ говорить о томъ чего они не знаютъ или не даютъ имъ даже возможности хоть сколько-нибудь изучить объектъ экспертизы.

XV.

Весьма трудно объяснить какимъ путемъ пріобрѣлъ Достоевскій такъ много свѣдѣній по психопатологіи; еще менѣе возможно категорически отвѣтить на вопросъ: сознавалъ ли ясно самъ Достоевскій, что онъ такой глубокій знатокъ явленій больной души.

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Достоевскій даже поверхностно не былъ знакомъ съ теоретическою, научною психіатріей; во всей массѣ его писемъ нѣтъ ни одной строчки которая доказывала бы что онъ читалъ сочиненія по психіатріи, не видно даже знакомства съ именами свѣтилъ психіатріи. Когда случайно, или отъ себя, или отъ лица своихъ героевъ, онъ что-либо высказываетъ по психіатріи, то становится яснымъ его полное незнакомство съ научною психопатологіей. Сто́итъ припомнить разказъ Лебязятникова о томъ, что онъ только-что вычиталъ будто во Франціи пришли къ выводу, что душевно-больныхъ слѣдуетъ лѣчить путемъ убѣжденія въ ложности ихъ идей. Такого взгляда въ

наукѣ не было въ то время, да и быть не могло; уже лѣтъ пятьдесятъ какъ ни одному психіатру не могла придти въ голову такая мысль. Также невѣрно что во время судопроизводства надъ Раскольниковымъ появилось ученіе о скоропреходящемъ помѣшательствѣ. Полнымъ незнакомствомъ съ психіатріей, въ чемъ сознается и самъ Достоевскій, отличаются его разсужденія о болѣзненномъ состояніи Корниловой (женщины сбросившей свою падчерицу съ окна). Незнакомствомъ съ психіатріей только и можно объяснить постоянно высказываемое недовѣріе и презрѣніе къ этой наукѣ, иначе и нельзя объяснить такое отношеніе къ наукѣ со стороны человѣка безспорно умнаго. Когда же онъ услышалъ основанную на знаніи научной психіатріи экспертизу состоянія умственныхъ способностей Корниловой, то съ большимъ уваженіемъ отнесся къ выводамъ этой науки и нашелъ весьма интереснымъ многое изъ высказаннаго экспертомъ Dr. Дюковымъ. Нельзя не упомянуть и о томъ, что никто въ своихъ воспоминаніяхъ о Достоевскомъ не упоминаетъ чтобъ онъ говорилъ что-нибудь о психіатріи и выказывалъ бы знакомство съ нею. Конечно, самымъ лучшимъ доказательствомъ незнакомства Достоевскаго съ теоретическою психіатріей служатъ его сочиненія, гдѣ мы ничего не видимъ вычитаннаго, заимствованнаго, чужаго. Наконецъ, какое основательное и глубокое знаніе науки мы должны были бы допустить въ художникѣ, такъ много и тонко пользовавшемся этимъ матеріаломъ въ своихъ произведеніяхъ! Нужно много лѣтъ систематическаго изученія чтобы проявлять такія знанія какія мы должны признать за Достоевскимъ.

По моему мнѣнію, благодаря этому незнакомству съ сочиненіями по психіатріи, образы созданные Достоевскимъ и имѣютъ такое высокое значеніе; иначе его романы были бы только популяризаціей науки, въ родѣ *Дочери царя Египетскаго* и tutti quanti, произведеній можетъ-быть и полезныхъ, но не художественныхъ, между тѣмъ какъ теперь эти образцы являются самостоятельными продуктами художе-

ственнаго творчества и потому безспорно свидѣтельствующими о степени геніальности ихъ творца. По крайней мѣрѣ для психіатра въ высшей степени поучительно видѣть подтвержденіе наблюденій и анализа своихъ учителей со стороны геніальнаго художника. А что для публики образы созданные Достоевскимъ живы и привлекательны, это доказало само время.

Достоевскій могъ наблюдать душевно-больныхъ въ Мертвомъ Домѣ, во время своего заключенія; онъ самъ говоритъ что въ больницу къ нимъ приводили сумашедшихъ; такъ онъ съ фотографическою точностью описываетъ одинъ случай какъ арестантъ бредилъ, что въ него влюблена дочь начальника и что его поэтому освободятъ отъ наказанія. Да и въ самомъ острогѣ среди арестантовъ конечно было много психопатическихъ субъектовъ, какъ это вообще и бываетъ всегда; тѣмъ больше должно было быть такихъ несчастныхъ въ то время, такъ какъ тогда въ Россіи вовсе и не примѣнялась судебно-психіатрическая экспертиза. Поэтому естественно что многихъ, даже совершенно больныхъ психически ссылали на каторгу, а заболѣвшихъ психически на каторгѣ подолгу, если не до смерти держали тамъ за здоровыхъ, разъ что они не буянили. Но что эти наблюденія не были единственнымъ источникомъ знанія психопатологіи доказывается тѣмъ что еще до ссылки Достоевскому было много извѣстно (*Слабое сердце*).

Конечно, многое въ болѣзненныхъ состояніяхъ души уяснила Достоевскому и его собственная болѣзнь; но почти невозможно опредѣлить что̀ именно могъ указать Достоевскій путемъ самонаблюденія. Библіографическихъ свѣдѣній по этому вопросу нѣтъ, да едва ли и могутъ они быть; наконецъ, уваженіе къ личности и страданіямъ Достоевскаго многаго не позволяетъ говорить даже врачу, Онъ самъ разсказываетъ, что уже въ дѣтствѣ страдалъ галлюцинаціями (*Дневникъ писателя* 1876 года, *Мужикъ Марей*, № 2); также всѣмъ извѣстно что онъ страдалъ эпилепсіей. Въ пси-

хіатріи же извѣстно какія сложныя патологическія явленія наблюдаются у лицъ съ дѣтства страдающихъ галлюцинаціями, а также и у эпилептиковъ. Наконецъ, сама жизнь безспорно даетъ много матеріала для изученія болѣзненныхъ душевныхъ явленій. Достоевскій хорошо сказалъ: «не въ предметѣ дѣло, а въ глазѣ; есть глазъ, и предметъ найдется: нѣтъ у васъ глаза, слѣпы вы— и ни въ какомъ предметѣ ничего не отыщете. О! глазъ дѣло важное; что на иной глазъ поэма, то на другой куча». (*Дневникъ писателя* 1876, стр, 225).

Какъ у настоящаго художника, воспринятое переливалось у него въ конкретные, художественные образы, и лучше всего выходило тогда когда онъ и не хотѣлъ надѣвать на своихъ героевъ какого-либо ярлыка. Но теорической разработки воспринятаго матеріала у Достоевскаго не видно: онъ не сознавалъ какъ много онъ знаетъ и не думалъ что столь многіе изъ его героевъ душевно-больные. Эта двойственность ничуть не удивительна; она вытекаетъ изъ самыхъ законовъ творчества. Чтобы быть краткимъ ограничусь выпиской нѣсколькихъ фразъ изъ извѣстнаго сочиненія Вундта: *Основы физіологической психологіи* (Grundzüge der physiologischen Psychologie, стр. 868, 869, 870); «Активная дѣятельность фантазіи лежитъ въ основѣ художественной дѣятельности... Весьма ошибочно думать что идея художественнаго произведенія съ самаго начала является въ душѣ художника въ формѣ логическаго акта мышленія. Если художественное произведеніе и въ началѣ замышляется въ логической формѣ, то оно становится въ разрѣзъ съ законами творческой дѣятельности. Настоящій художникъ никогда не скажетъ впередъ какой именно цѣли онъ думаетъ достигнуть своимъ произведеніемъ, потому что оно существуетъ въ немъ лишь въ образной формѣ. Этимъ мы вовсе не хотимъ отнять значенія у символизующаго искусства и у дидактической поэзіи, но произведенія этого рода въ строгомъ смыслѣ не художественныя... Дѣятельность фантазіи отличается отъ логическаго процесса мышленія съ одной стороны живостью и яркостью

представленій, съ другой стороны, отсутствіемъ общихъ элементовъ (понятій); мѣсто этихъ общихъ элементовъ здѣсь занято простыми чувственными представленіями... Различіе между этими функціями (воображеніе, логическое мышленіе) состоитъ только въ томъ что воображеніе связываетъ въ одну цѣпь лишь простыя представленія и такимъ образомъ воспроизводитъ чувственную живость дѣйствительности, тогда какъ мышленіе пользуется простыми представленіями только какъ представителями понятій».... «Отъ художественнаго произведенія мы требуемъ чтобъ оно въ образахъ и событіяхъ воспроизводило предъ нами дѣйствительность и составляя законченное цѣлое, давало намъ возможность непосредственно пережить суть этой дѣйствительности. Отъ научной же работы требуемъ чтобъ она установила извѣстныя всеобщія отношенія приложимыя къ отдѣльнымъ явленіямъ дѣйствительности».

—

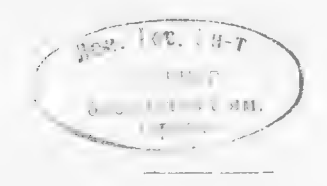
Я вполнѣ понимаю что этотъ очеркъ далеко не полонъ; онъ можетъ дать только нѣкоторое понятіе о томъ какъ глубоко зналъ Достоевскій патологію души.

Кромѣ того, въ этой статьѣ необходимо было изложить кое-что изъ извѣстнаго въ наукѣ; знакомство же, хотя бы въ самыхъ скромныхъ размѣрамъ, со психіатріей, по мнѣнію всѣхъ авторитетныхъ психіатровъ, весьма полезно для публики, такъ какъ до тѣхъ поръ пока свѣдѣнія о душевныхъ болѣзняхъ не сдѣлаются общимъ достояніемъ, лѣченіе этихъ страданій не можетъ быть успѣшнымъ. Дѣло въ томъ что лѣченію поддаются душевныя болѣзни только въ самомъ ихъ началѣ, а не зная какъ онѣ начинаются, ко врачамъ обращаются только уже при полномъ ихъ развитіи когда лѣченіе по большей части уже безплодно.

Достоевскій ждетъ своего Сентъ-Бэва: только когда критика вполнѣ анализуетъ его произведенія, отдѣлитъ неизбѣжныя во всякомъ дѣлѣ плевелы отъ пшеницы, выяснитъ

намъ все значеніе его твореній, объяснитъ малопонятные характеры и положенія, тогда только можно будетъ исполнить свою задачу и психіатру.

Пока же приходится поневолѣ ограничиться бѣглыми, краткими указаніями на самыя выпуклыя и рѣзкія явленія и избѣгать темныхъ, неясныхъ мѣстъ въ произведеніяхъ Достоевскаго изъ боязни высказать мало обоснованныя сужденія. Такимъ образомъ, добрая половина самыхъ оригинальныхъ, глубоко задуманныхъ идей и образовъ великаго психопатолога остается недоступною областью.

2

3 4 18 32
4 6 48 48

Цѣна 75 коп.

